
ФИЛОСОФИЯ
Я ПОЗНАЮ МИР

Annotation

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА ИЛИ ТАЙНА

Философия — древнейшая наука, и в то же время она всегда молодая, потому что ее знания и идеи никогда не устаревают. Сейчас люди стали бы смеяться над утверждениями древних физиков о том, будто тяжелые тела падают вниз, а легкие взлетают вверх, но никто не будет смеяться над философскими идеями Сократа и его главным выводом: высшая человеческая мудрость — знать, что ты ничего не знаешь; или словам Диогена о том, что людей много, а человека найти среди них очень трудно, — хотя и Сократ и Диоген жили более двух тысячелетий назад.

Древнегреческая физика утверждала, что все вещи состоят из огня, воды, воздуха и земли, и искала различные сочетания этих стихий. Физика современная состоит более чем из тридцати дисциплин — физика Земли, физика Солнца, физика элементарных частиц и т. д.; чтобы стать специалистом хотя бы в одной из них, надо потратить половину жизни. А философия как в древности, так и сейчас бьется над одними и теми же вопросами: Что я могу знать о мире? Как я должен жить? На что я могу надеяться? Что такое человек? и т. д. На эти вопросы нет и никогда не будет бесспорных и однозначных ответов.

Наука имеет дело с проблемами, а философия — с тайнами. Чем тайна отличается от проблемы? Проблема — это то, что рано или поздно можно решить. Например, сейчас является проблемой управляемая термоядерная реакция, и эту проблему наука рано или поздно решит. Но есть такая вещь, как смерть. Это не проблема, а тайна, никакие наши знания о ней нам не помогают. Мы сможем узнать, что такое смерть, когда будем умирать. Тайной является любовь; Никогда не известно, почему один человек любит другого, и бесполезно рассказывать никогда не любившему о том, что такое любовь. Полюбишь — узнаешь. Тайной в отличие от - проблемы является то, что нужно прожить. Не знать, знания тут не помогут, а прожить.

Для философии все вокруг является тайской — рождение человека, сияние солнца, мужество и честь, любовь и ненависть, падение камня и полет орла. Все эти вещи можно объяснить с помощью науки, она придумает понятия и формулы, выведет законы. Но для нас все равно останется непостижимой тайной, почему красивое человеческое лицо поражает нас, удивляет и радует, почему один человек нам нравится, а другой нет? Много было «научных» объяснений красоты лица — будто это результат определенной пропорции между лбом, носом и щеками, будто красиво то, что когда-то было полезно, — например, длинные ресницы лучше закрывали глаза от пыли и т. д. и т. п. Но красота всегда волновала и тревожила человека своей непостижимой тайной. Вы много раз смотрели на девочку, которая училась с вами с первого класса, и вдруг однажды на нее взглянули и поразились тому, как необычайно и удивительно ее лицо, как она красива и почему же вы раньше этого не замечали.

Вы много раз на нее смотрели, но никогда не видели. А сейчас вдруг увидели. И у вас сжимается сердце, и холодок бежит по спине от прикосновения к чему-то таинственному и прекрасному.

ДВА ОБРАЗА МИРА

У человека всегда было два мира. Один — повседневный мир, в котором мы живем, ходим в школу, делаем каждодневные дела, болеем и выздоравливаем. В этом мире все понятно, все упорядочено, все делается по правилам, все разложено по полочкам, каждый день обед и ужин, каждый день мы получаем в школе какие-то знания, половину из которых забываем, каждый июнь сыплет тополиным пухом, а каждый ноябрь — мокрым снегом, и никогда не бывает наоборот. Этот мир имеет свои радости и свои печали, но в целом —- это знакомый, хорошо известный и в общем-то скучный мир.

Но есть и другой мир, полный чудес и превращений, загадок и тайн, волнующий и непредсказуемый. Таков был мир вашего детства, когда природа — вспомните! — говорила с вами на своем языке, когда все вещи были одушевленными и обращались к вам и вы понимали их. В детстве все было совсем другое: небо и солнце, ночь и звезды, и даже окружающие вас люди больше походили на добрых и злых волшебников, чем на бухгалтеров и слесарей.

Некоторым людям и во взрослом состоянии удается сохранить такой детский настрой души — как правило, поэтам, художникам или

философам. Художник — такой человек, который видит в мире то, чего не видят другие, — видит красоту, загадочность и очарование вещей. Философ — такой человек, который считает, что наш повседневный мир забот и дел — это еще не весь мир, что есть другой мир, более истинный, более настоящий. Мы только иногда попадаем туда — когда любим, когда творим, когда делаем добрые дела, когда стараемся жить как люди, а не как заведенные мыслящие машины. В этом мире мы поражаемся его красоте и загадочности, в этом мире мы знаем, что ничего не предопределено и есть всегда чудо, способное изменить нашу жизнь, в этом мире мы волнуемся, помним, любим и живём вечно. Философия — это попытка разбудить человека, разбудить в прямом смысле этого слова, ибо большинство людей спят; погруженные в свои мелочные дела и заботы, и не подозревают о существовании другого мира, другой истинной жизни, где человек действительно живет, а не прозябает в скуке повседневного унылого существования.

Есть прекрасный образ «пещеры» у древнегреческого философа Платона. Большинство людей, говорил он, подобны связанным узникам, которые сидят в пещере спиной к выходу. Они видят перед собой на стене только тени проходящих позади людей, проезжающих повозок, и им кажется, что тени — это и есть истинный и единственно возможными мир. Если узников повернуть лицом к свету, к истинному миру, они зажмурятся и отвернутся, не признают его.

В этом смысле философия занимается тем же самым, чем искусство и религия. Но в отличие от искусства философия прежде всего обращается не к чувствам, а к разуму и в отличие от религии считает, что другая, истинная, бодрствующая жизнь возможна здесь и сейчас, в нашем, а не в потустороннем мире.

Но, как и религия, как и искусство, философия считает своим главным делом спасение человека, философия — это учение о спасении: как жить человеку, чтобы остаться человеком, как сохранить свое человеческое достоинство перед постоянными социальными бурями и катаклизмами, перед неизбежностью смерти.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ

Основной вопрос философии звучит так: почему есть нечто, а не ничто? Физик, например, может совершенно справедливо удивиться — почему есть звезды, планеты, наша земля, солнце, голубое небо,

почему вообще есть порядок (космос — по-гречески), гармония, хотя гораздо естественней было бы существование хаоса, распада. Кто все это поддерживает и упорядочивает? И зачем?

Философ, разделяя удивление физика, добавляет еще и свое удивление: почему есть благо, добро, любовь, красота? Ведь в природе нет таких законов, которые заставляют нас любить друг друга или жить по совести. Когда мы видим, что люди полюбили друг друга, поженились» а потом через два месяца разошлись, — мы не удивляемся. Это естественно — сколько можно любить, надоедает ведь со временем. Когда мы, просидев полчаса на уроке, вдруг отвлекаемся, начинаем думать о своем — это тоже естественно, мы ведь не можем долго находиться в напряженном внимании, мы устаем, становимся рассеянными и т. д.

Но когда мы видим, как люди любят друг друга вею жизнь, не могут друг без друга и умирают, как в. сказке, в один и тот же день, мы удивляемся — этого не может быть, этого не должно быть. Но это есть. Когда мы видим ученого или писатели, который годами трудится над своей книгой, мы удивляемся — этого не может быть, это противоречит законам человеческой физиологии, природным законам. Однако это есть. Когда мы видим человека, который последнюю рубашку снимет, чтобы помочь другому, нас это поражает, мы считаем его чудаком. Значит, есть вещи, которые быть не должны, они противоречат повседневному укладу жизни. А они тем не менее есть. Философ и удивляется — почему есть это нечто, хотя должно было быть ничто. Естественны жадность, глупость, животная злоба, эгоизм. Но в нашем мире неестественны, не имеют природных оснований, не заложены в нас природой ни любовь, ни совесть, ни честь, ни добро. А они все-таки есть.

Человеком управляют, следовательно, естественные законы, потому что сам человек в своей человеческой, а не животной стихии — неестественное существо. Он не рождается природой, его основные качества и способности из природы не вытекают. Человек — сверхъестественное существо, таинственное, непостижимое. В отличие от биологии или медицины, для которых человек — существо естественное, двуногое млекопитающее, философия изучает человека как сверхъестественное существо.

КАК ЖИТЬ?

Я хочу рассказать о тех философах, которые считаются учителями человечества, — о тех, чьи моральные идеи оказали огромное воздействие на воспитание людей, на развитие человеческих начал в человеке, на обуздание животных страстей и инстинктов. Мораль — это совокупность законов и правил поведения, различающих добро и зло, хорошие и дурные поступки. Учение о морали называется этикой.

ПОДВИГ СОКРАТА

Сократ (470/469— 399 г. до н. э.) родился в Афинах в семье каменотеса и повивальной бабки (акушерки). Самая известная его фраза: «Я знаю, что я ничего не знаю» Однажды в Афины приехал с Востока великий мудрец, и Сократ отправился поговорить с ним. Вышел он очень разочарованным: Он еще глупее меня, я хоть знаю, что я ничего не знаю, а он и этого не знает.

Сократ принципиально не занимался никакими науками о природе, утверждая, что все тайны мира человек может открыть внутри себя. «Познай самого себя, и ты познаешь самое главное» — такова его вторая фраза. Поскольку Сократ ничего сам не писал, то все, что мы о нем знаем, дошло до нас в основном благодаря его ученику Платону. Во всех платоновских диалогах главный герой — Сократ.

Первыми законами, скреплявшими человеческое общество, вырывавшими его из естественного состояния, были законы морали. Они запрещали браки между родственниками, ибо люди заметили, что это ведет к вырождению рода. Они запрещали кражу, убийство и т, д. Ничего подобного нет в животном мире. Для животного все можно. Для человека, поскольку он становится человеком, почти ничего нельзя: нельзя воровать, нельзя убивать, нельзя не работать и т. д. Человек, как частоколом, с самого своего возникновения был окружен этими многочисленными «нельзя». Но одно дело, когда ты выполняешь эти законы по традиции — ведь им следовали твои деды, отцы, старшие братья, и ты, не задумываясь, тоже их выполняешь. Эго естественно для общества на примитивной стадии его развития. Совсем другое дело, когда ты выполняешь их сознательно, потому что не можешь не выполнять. Не потому, что так хотят старшие, что так повелось от веку, а потому, что не можешь считать себя человеком, если жизнь другого для тебя ничего не стоит. Ты не воруешь не потому, что запрещает закон, а потому, что не можешь украсть, ибо иначе не будешь сам себя уважать.

Такое сознание свойственно развитому обществу, цивилизации. Это уже в полном смысле слова человеческое сознание, искусственнее

сознание, потому что убивать — совершенно естественно: в животном мире. Выразителем такого сознания стал древнегреческий мыслитель Сократ, которого называют первым учителем европейского человечества.

Сократ был удивительным человеком, он не писал никаких книг, он жил так, как учил, и сделал своей философией свою жизнь. Таких философов было очень мало. Обычно Сократ бродил по улицам Афин, сопровождаемый учениками, вступал в споры со встречными и высмеивал их, иногда добродушно, иногда довольно зло.

Например, он мог спросить встречного:

— Слышал я, друг мой, что ты очень умный!

— Да уж, дураком себя не считаю, Сократ, — отвечал тот.

— А знаешь ли ты, что такое добро и зло?

— Конечно, знаю, клянусь собакой, Сократ, кто же этого не знает!

— Тогда скажи: обман — это зло?

— Несомненно!

— А если мать обманывает ребенка, говоря, что лекарство сладкое, лишь бы он выпил, — это зло?

— Да вроде нет.

— А убийство, конечно, зло?

— Еще бы!

— А если человек убивает, защищая свой дом, свою семью, — это зло?

— Клянусь собакой, не знаю, Сократ. Раньше я думал, что мне хорошо понятно, что есть добро и зло, а теперь я сомневаюсь.

— Ничего ты не думал раньше, — говорил ему Сократ, — ты просто верил бездумно тому, что тебе говорили другие, тому, что ты где-то прочитал или увидел. А сам ты только сейчас, может быть, начнешь задумываться.

Учение Сократа показало, что появился новый человек, появилась мораль, идущая не от инстинкта, а от разума. Все, что не от меня, все, что я не пропустил через свою душу, через свои сомнения, — все недостоверно. Откуда я знаю, что нужно делать то добро, которого ждут от меня, — может, это вовсе и не добро? Все, что говорят мне от имени общества, государства, класса, начальства, все это я должен подвергнуть сомнению — а вдруг это все ложь? Я должен во всем

сомневаться, я должен сам прийти к тому, что такое добро и зло, что такое счастье и что такое беда.

Мне, например, когда я был школьником, все время говорили, что надо все силы отдать строительству коммунизма, и многие отдавали не только силы, но и всю жизнь, а коммунизма так и не построили; теперь эти люди, отдавшие все силы, винят всех в собственных бедах — в нищете, в подорванном здоровье, в напрасно прожитой жизни. Хочется им сказать: а кто же виноват в том, что вы слепо поверили в то, будто можно построить рай на земле, а не усомнились в этой сказке, не задумались о возможных последствиях?

Сократ говорил, что мудрый человек никогда не делает ошибок: то есть, если человек усомнился в очевидных вещах, продумал все последствия своих поступков, пересмотрел все возможные варианты и только после этого совершил поступок, скорее всего, он не ошибется. Мудрость — это как бы образующаяся с годами способность всегда поступать правильно. Сократ призывал молодых никогда не класть в основание своих поступков чужие, непроверенные мысли или идеи. Но те, над кем он насмехался, обвинили его в том, что он растлевает молодежь: раньше молодежь во всем верила своим отцам, верила старшим, а теперь она во всем сомневается, никому не верит, никого не слушается. И Сократа приговорили к смерти. Приходили друзья, говорили, что наготове стоит корабль, предлагали бежать, но Сократ остался в тюрьме. «Если я убегу, — считал он, — то все решат, будто все, что я проповедовал это только болтовня, от которой я отказался. Но я должен своей кровью подкрепить свое учение, своей смертью.

Так он и умер, выпив чашу с ядом, которую ему дал палач, до самого конца оставаясь в ясном сознании. Пока смерть не пришла, Сократ беседовал со своими учениками.

Образ Сократа показывает нам, что такие невидимые вещи, как добро, зло, добродетель мужество, честь, на самом деле составляют вторую, подлинную природу человека. Это и есть материал, из которого человек строится. Й материал гораздо более прочный, чем его кости, мышцы, его тело в целом. Сократ умер очень давно, но он гораздо живее многих из нас: ведь то, что он сделал и сказал, до сих пор живет в нашем сознании, в нашем понимании самих себя, в осознании нами своего места в мире.

ЛАО-ЦЗЫ: ПОНИМАНИЕ ЖИЗНИ

Лао-Цзы — полулегендарный китайский мыслитель, основатель философии даосизма. По преданию, родился в 604 г. до н. э., однако в историчности его личности многие ученые сомневаются. В его биографии сказано, что он был историографом-архивариусом при императорском дворе, а прожил целых 160 или 200 лет.

Центральная идея даосизма — учение о дао (дао — это путь, извечный закон развития и исчезновения всего, судьба). Поскольку никто не знает полностью закона дао, то самое лучшее для умного человека — ничего не делать. И это «недеяние может, однако, привести к свободе, счастью, успеху и процветанию. Всякое действие, противоречащее дао, означает пустую трату сил. Поэтому мудрый правитель, следуя дао, не делает ничего, чтобы управлять страной, и тогда она процветает, пребывая в спокойствии и гармонии.

Лао-Цзы по-китайски буквально означает: старый учитель. По преданию, его ученики собрали его высказывании и книге «Дао Дэ Цзин», Она десятки раз переводилась на европейские языки, в том числе на русский.

Книга эта состоит из множества афоризмов, высказанных китайским мудрецом. Я приведу некоторые из них, касающиеся учения Лао-Цзы о правильной и мудрой жизни.

Человек входит в жизнь мягким и слабым, а умирает жестким и крепким. Все существа, растения и деревья входят в жизнь мягкими и нежными, а умирают засохшими и жесткими. Жесткость и сила — спутники смерти.

Нет ничего в мире мягче и слабее воды, продолжал китайский мудрец, и нет ничего, что бы превосходило воду в ее разрушительном действии на жесткое и крепкое. Слабое побеждает крепкое, мягкое побеждает жесткое. Нет человека, который не знал бы этого, но никто не поступает так.

Лао-Цзы хотел этим сказать, что побеждать других можно только разумом, разумными доводами; разум — самое «мягкое» орудие и в то же время самое сильное. Грубая сила вызывает только отпор, а

терпимость, снисходительность к недостаткам заставляют человека задуматься и попытаться понять.

Кто знает других, тот умен. Кто знает самого себя — тот мудр.

Эта древняя мысль — подлинное начало любой философии: самое главное — знать себя. Поскольку люди в глубине своей все одинаковы, то, познавая себя, ты начинаешь понимать и все мысли, характеры и тайные движения чужой души.

Кто превозмогает других, тот силен. Кто превозмогает себя — тот могуществен. Кто умеет быть довольным, тот богат.

Конечно, самое трудное для человека — победить себя, свою лень, свою алчность, свою зависть. Если ты не справляешься е самим собой, то куда уж тебе командовать и распоряжаться другими людьми.

Кто не хлопочет о жизни, мудрее того, кто ценит жизнь.

Эта мысль тоже проходит через всю историю философии. Победить страх смерти, смело смотреть ей в лицо — только после этого человек начинает по-настоящему ценить и понимать жизнь, полнокровно проживать каждую минуту.

Кто понимает, тот немногое знает, кто много знает, тот не понимает.

Лао-Цзы, как и многие философы после него, считал, что самое главное, самое глубокое в человеке, что составляет его сущность, нельзя выразить в словах, нельзя превратить в набор знаний. Мудрец не просто знает — он понимает, мудрость выше знания. Можно знать, но ничего не понимать, вызубрить какой-нибудь предмет и сдать его, так и не поняв, зачем учил, зачем тратил время. Такое учение и такая ученость приводят только к печали, о чем и говорит Лао-Цзы:

Если отбросить ученость не будет и печали.

Если не превозносить талантов, то люди не будут и соперничать.

Если не ценить труднодобываемого богатства, то люди не будут становиться разбойниками.

Если не смотреть на то, что может вызвать страсть, то сердца не трепещут.

Лао-Цзы хотел сказать этим, что люди часто стремятся к совершенно излишним вещам — к славе, богатству, чувственным наслаждениям, вместо того чтобы вести подлинно мудрую жизнь: познавать себя, вглядываться в окружающий мир, по возможности заглядывать в будущее, грустить о прошлом.

ДИОГЕН: ПОИСКИ ЧЕЛОВЕКА

У Сократа и после смерти было много последователей, под влиянием его моральной философии сложилось несколько школ, выдвинувших различные теории мудрой, нравственной жизни. Одна из них — школа киников или циников (в латинской транскрипции, которую основал философ Диоген. Современники называли его «взбесившимся Сократом».

Греческий Диоген из Синопа (умер около 330—320 гг. до н. э.) начал с того, что пошел к Дельфийскому оракулу и спросил, как ему нужно жить. Прорицатель ответил, что нужно произвести переоценку ценностей. Диоген понял это по-своему и начал чеканить фальшивые монеты, попался и был продан в рабство. Когда его как раба вывели для продажи на рынок, он кричал:

— Кто хочет купить себе господина!

И когда один человек купил его, Диоген сказал покупателю, что теперь тот должен его во всем слушаться. Новый хозяин рассмеялся, но потом действительно его во всем слушался и даже доверил Диогену воспитание своих сыновей, потому что Диоген оказался мудрым и знающим человеком. Но совершеннейшим циником в общепринятом значении этого слова. Киники — по-гречески «собаки». Диоген и учил, что надо жить подобно бродячему псу — просто и неприхотливо, бросая вызов богатству, обжорству, пьянству. Идеал мудреца — полное опрощение, Сам он жил в бочке, питался одной капустой, жил на то, что ему подавали. Но при этом был очень гордым человеком. Когда он потребовал денег у одного богача, тот сказал: уговори меня, может, тогда я тебе и дам. На что Диоген ответил: если бы я мог тебя уговорить, я бы уговорил тебя удавиться.

Он днем ходил с зажженным фонарем объяснял всем спрашивающим: ищу человека. Он всегда говорил, что людей полно, но человека найти трудно. Большинство людей живут не по-человечески — соревнуются в богатстве, в жадности, в том, кто кого скорей одурачит. Никто не соревнуется в искусстве быть прекрасным и добрым. Он удивлялся тому, что грамматики изучают бедствия Одиссея и не видят своих собственных; музыканты настраивают

струны на лире и не могут сладить с собственным нравом; астрономы следят за солнцем и луной и не видят того, что у них под ногами; учителя учат правильно говорить и писать, но не учат правильно поступать; скряги ругают деньги, а сами их любят больше всего.

Однажды один вельможа привел Диогена к себе в дом и сказал:

— Видишь, как здесь чисто, смотри не плюнь куда-нибудь, с тебя станется. Диоген осмотрелся и плюнул ему в лицо, говоря:

— Извини, но это единственное место, куда я решился плюнуть.

Народ смеялся над ним и спрашивал: зачем он просит подаяние у статуи?

Приучаю себя к отказам, — отвечал Диоген.

Один раз он пришел на лекцию к известному философу, сел в задних рядах, достал из мешка рыбу и поднял над головой. Сначала один слушатель обернулся и стал смотреть на рыбу, потом другой, потом почти все. Взбешенный философ ругался:

— Ты сорвал мне лекцию!

— Но что стоит твоя лекция, если какая-то жалкая рыба всех отвлекла?

Однажды он закричал: «Эй, люди!» Но когда сбежался народ, напустился на них с палкой, приговаривая; «Я звал людей, а не мерзавцев».

Человеку, спросившему, в какое время следует завтракать, Диоген ответил: «Если ты богат, то когда захочешь, если беден, то когда можешь».

На вопрос, какое вино ему вкуснее пить, он ответил: «Чужое».

На вопрос, почему люди подают нищим и не подают философам, он сказал: «Потому что они знают: хромыми и слепыми они, быть может, и станут, а вот мудрецами никогда».

Идеалом мудрой жизни для Диогена была «автаркия» — внутренняя самодостаточность, безразличие ко всему внешнему.

Когда он грелся на солнце, Александр Македонский, остановившись над ним, сказал: «Проси у меня, него хочешь». Диоген отвечал: «Тогда отойди, а то ты загораживаешь меня от солнца».

Когда философ умер, ему поставили мраморный памятник в виде собаки с надписью: «Даже бронза ветшает со временем, но слава твоя,

Диоген, вовеки не прейдет, ибо лишь ты сумел убедить смертных, что жизнь сама по себе достаточна, и указать наипростейший путь жизни».

Цинизм в такой мягкой, как у Диогена, форме, с пренебрежительным отношением ко всем внешним благам — комфорту, богатству, славе, — до сих находит своих последователей. Таковы, например, современные хиппи — мощное молодежное движение в Европе и Америке, существующее уже более 30 лет.

ЭПИКУР: НЕВОЗМУТИМОЕ СПОКОЙСТВИЕ

Эпикур (341—270 гг. до н. э.) видел смысл жизни в наслаждении. Но когда мы можем жить наслаждаясь? Только тогда, когда у нас ничего не болит, ничто нам не грозит, когда у нас есть кусок хлеба и крыша над головой. Наслаждение понималось Эпикуром весьма скромно.

У человека, полагал он, есть два врага: страх и надежда. Бывает страх перед богами и страх смерти. Но богов бояться глупо, боги слишком высоко и никогда не вмешиваются в человеческую жизнь. Смерти также бояться глупо; поскольку мы с ней никогда не сталкиваемся. Пока мы живы, смерти еще нет, а когда смерть пришла — нас уже нет.

Надежда более сильный враг. Человек всегда надеется на то, что жизнь завтра станет лучше; что новый правитель будет мягче и умней; что люди перестанут быть такими жестокими и глупыми. Ничего в этом мире не изменится, считал Эпикур, все останется таким, каким было всегда. Измениться должен ты сам. Ты должен достичь невозмутимого спокойствия (атараксии — греч.), и тогда тебе не будет деда до умных или глупых правителей, до богатства или глупости других людей.

Две тысячи лет назад Эпикур писал своему другу Менелаю: пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не устает изучать философию: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни недозрелым, ни перезрелым. Поэтому заниматься философией следует и молодому и старому: первому — для того, чтобы и в старости оставаться молодым душой, второму — чтобы не испытывать страха перед будущим.

Эпикур учил: все, чего требует природа, легко достижимо, а все излишнее — трудно достижимо. Самая простая снедь доставляет не меньше наслаждения, чем роскошный стол, если только не страдать от того, чего нет; даже хлеб и вода — величайшее из наслаждений, если дать их тому, кто голоден. Поэтому привычка к простым и недорогим

кушаньям и укрепляет здоровье, и позволяет не страшиться превратностей судьбы.

ДОБЛЕСТЬ СТОИКОВ

Сенека Луций Анней (около 5 г. до к. э. — 65 г. н. э.), римский философ, поэт и государственный деятель. В 49—54 годах — воспитатель будущего императора Нерона; после вступления Нерона на престол Сенека оказывал решающее влияние на управление империей, пока не впал в немилость и, обвиненный в заговоре против императора, был вынужден покончить самоубийством.

Из философских сочинений до нас дошли «Нравственные письма к Луцилию», «О милосердии, «О благодеяниях», «Исследования о природе».

Учение греческих и римских стоиков (Хризипп, Клеанф, Сенека и другие) — это еще одно понимание умной и правильной жизни. Идеалом подлинно моральной жизни они считали апатию, т. е. полное безразличие. Человеку нужно лишь одно: мужественно переносить удары судьбы, не плакать, не унижаться, не опускаться ниже человеческого достоинства при любых испытаниях и страданиях. Все остальное: болезнь или здоровье, богатство или нищета, свобода или тюрьма — вещи для мудреца глубоко безразличные.

Знаменитый римский стоик Сенека писал своему другу Луцилию, что не видеть спокойной жизни тому, кто слишком много думает о ее продлении. Нужно каждый день размышлять, чтобы научиться равнодушно расстаться с жизнью, не цепляясь за нее, словно уносимые потоком — за колючие кусты и острые камни. Большинство людей мечется между страхом смерти и мучениями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют. Сделай свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней. Никакое благо не принесет радости своему обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего легче пережить потерю того, о чем невозможно жалеть, утратив. Кто презирает собственную жизнь, тот стал хозяином твоей.

Прежде чем заняться философией, считал Сенека, нужно разобраться в самом себе, со всех сторон осмотреть себя и проверить, в чем ты преуспел: в философии или в жизни. Философия — не лицедейство напоказ толпе. Философом надо быть не на словах, а на деле. Философия — не для того, чтобы очень приятно провести день и

без скуки убить время. Она выковывает и закаляет душу, подчиняет жизнь порядку, управляет поступками, указывает, что следует делать и от чего воздержаться. Без нее нет в жизни бесстрашия и уверенности: ведь каждый час случается так много событий, что нам требуется совет, которого можно спросить только у нее.

Р. ДЕКАРТ: ТРИ ПРАВИЛА НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Рене Декарт (1596—1650) — французский философ, математик, физик.

Один из родоначальников философии Нового времени. Знаменитая формула Декарта «Мыслю — следовательно, существую» показала всей последующей философии истинный источник знаний о мире — человеческое сознание.

Декарт говорил, что человек, работающий головой, должен много спать. Сам он спал до полудня и больше. Однажды шведская королева Христина пригласила Декарта почитать ей лекции. Королева вставала в 5 утра, и после завтрака Декарт должен был беседовать с нею о философии. После нескольких таких бесед рано утром, почти ночью, в зимней, холодной и унылой в это время года Швеции Декарт заболел воспалением легких и спустя неделю скончался. Его основные философские произведения: «Рассуждения о методе», «Метафизические размышления», «Правила для руководства ума».

Чтобы успешно осуществлять свою деятельность, человек, чем бы он ни занимался — искусством, философией или политикой, — должен придерживаться некоторых обязательных правил морали. Правила эти Декарт выработал для себя лично, однако считал их полезными для всех.

Первое правило заключаем в подчинении законам и обычаям своей страны. Лучше не умиляться собственным мнениям, не ставить их высоко, а следовать мнениям наиболее благоразумных людей. При этом больше обращать внимание на то, как эти благоразумные люди поступают, чем на их слова.

Очень мало на свете людей, которые говорят то, что на самом деле думают.

Второе правило состоит в твердости/решимости и упорном следовании избранным позициям, даже если они вызывают сомнение. Заблудившись в лесу, нужно не метаться из стороны в сторону, а твердо и неуклонно идти в одном направлении. Если и не достигнешь

своей цели, то все-таки выйдешь куда-нибудь, где наверняка будет лучше, чем среди леса.

Третье правило: всегда стремиться победить скорее себя, чем судьбу, изменить свои желания, а не порядок мира. В полной нашей власти находятся только наши мысли! Не надо жаловаться, если мы хотели сделать нечто грандиозное, а сделали мало. Мы всегда делаем столько, сколько можем, — значит, большего нам не дано.

Мы должны быть подобны тем философам, которые некогда умели поставить себя вне власти судьбы и, несмотря на страдания и бедность, соперничать в блаженстве со своими богами.

Главной задачей человека в жизни Декарт считал совершенствование им своего разума. Гораздо печальнее потерять разум, нежели жизнь.

Ж-Ж. РУССО: ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Жан-Жак Руссо (1712—1778) родился в Женеве. Его отец был бедняком, сочетал профессии часового мастера и учителя танцев. Руссо оставил школу в 12 лет и был отдан в обучение различным ремеслам. В 16 лет он, возненавидя эту учебу, бежал и много лет скитался — был лакеем у знатной дамы, секретарем разных должностных лиц. После получения премии Дижонской академии к нему пришла известность. Появились книги «Эмиль, или о воспитании», повесть «Новая Элоиза», «Исповедь», «Общественный договор». В последней книге власть увидела нападки на священное право короля и пропаганду демократии. Руссо вынужден был бежать сначала а Германию, потом в Англию. Идеи Руссо оказали огромное влияние на формирование взглядов деятелей Великой французской революции, в частности, он был духовным учителем Робеспьера.

В 1750 году во Франции был объявлен конкурс на лучшее сочинение на тему «Способствовали ли науки и искусства улучшению нравов». Премию получил никому не известный 38-летний служащий Руссо, выходец из Швейцарии. В своем сочинений он утверждал, что науки, письменность и искусство — главные враги морали. Создавая бедность, они являются источниками рабства. Наука и добродетель несовместимы. Все науки имеют неблагородное Происхождение: астрономия вытекает из суеверий астрологии, красноречие из честолюбия, геометрия — из скупости, физика — из тщеславного любопытства. Все, что отличает цивилизованного человека от необученного варвара, есть зло.

Успехи наук, прогресс техники привели к разделению труда, но такая специализация усиливает зависимость человека от людей других профессий, превращая его в одностороннее существо. Истинным основателем современного гражданского общества стал, по Руссо, тот, кто первым, отгородив участок земли, сказал «Это — мое» и кто нашел людей достаточно простодушных, чтобы они этим словам поверили.

Чтобы уничтожить зло, необходимо отвергнуть цивилизацию, так как человек по природе добрый дикарь, когда он сыт и находится в

мире со всей природой. Получив премию и внезапно достигнув славы, Руссо начал жить в соответствии с этими принципами. Он даже продал свои часы, сказав, что ему больше не надо знать времени. Выход из противоречий современной цивилизации Руссо видел в изменении системы и методов воспитания. Этому он посвятил свою книгу «Эмиль».

Жить, писал Руссо, — вот ремесло, которому нужно обучить ребенка. Выходя из моих рук, он не будет ни судьей, ни солдатом, ни священником, но он будет прежде всего человеком. Всем, чем должен, быть человек, он сумеет быть в случае надобности так же хорошо, как и всякий другой. И как бы судьба ни перемещала его, он всегда будет на своем месте.

Жить — значит уметь пользоваться всей полнотой чувств, всеми способностями, всеми частями своего существа. Мудрый человек не тот, кто долго жил, а тот, кто больше всего чувствовал жизнь. Иного хоронят столетним старцем, а он умер при самом рождении, потому что всю жизнь был задавлен условностями, ложными принципами, никогда не раскрывал душу и сердце навстречу миру и людям. И большинство людей живут так — родятся и умирают в рабстве у предрассудков. Ребенка с детства заставляют слепо подчиняться, с детства он живет в искусственно стесненных взрослыми обстоятельствах. Воспитание же должно быть естественным — нужно наблюдать природу и следовать по ее пути. Она непрерывно упражняет детей, учит, что такое труд и боль, приучает к невзгодам, непогоде, голоду, жажде. Ребенок выносит такие испытания, которые не вынес бы взрослый.

Поэтому нужно дать ребенку полную свободу, просто ограничивая, его в крайностях и умело направляя его поведение. Люди! Будьте человечны, обращался Руссо к учителям. Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его инстинкту. Кто из вас жалел подчас о том милом возрасте, когда улыбка не сходит с уст, когда душа постоянно наслаждается миром?

Согласно Руссо, есть два вида зависимости — от людей и от вещей. Держите ребенка в зависимости от вещей — и вы будете следовать порядку природы. Не воспитывайте в ребенке рабское послушание, помогайте ему, но настолько, чтобы он был свободным, а не властным. С тех пор как взялись воспитывать детей, не придумали

еще другого способа, кроме соревнования, зависти, ненависти, тщеславие жадности, низкого страха. Использовали все, кроме настоящей свободы, которая тонко и мудро направляется воспитанием. Детей учат словами, а надо учить делами, поступками: самому быть терпимым, любящим, бескорыстным и счастливым от того, что твои потребности не превосходят твои возможности.

От рождения до 12 лет Руссо предлагает заботиться о развитии тела и органов чувств ребенка, больше тренировать чувства, потому что, став взрослыми, люди забывают о них и начинают жить только разумом, становятся поверхностными и книжными. Надо учить видеть, учить слышать окружающую природу. С 12 до 15 лет — развивать у детей интеллект, учить физику, геометрию, астрономию, но только на примере природы. Например, наблюдая звездное небо.

С 15 до 20 — развивать нравственные чувства: любовь к ближнему, необходимость разделять их страдания и т. д.

Поскольку природа всегда честна и в человеческом сердце от рождения нет никакой испорченности, то естественное воспитание детей способно, считал Руссо, решить все социальные проблемы. Свобода и самодеятельность ребенка, уважение его личности и изучение его интересов — вот, с его точки зрения, основа настоящего воспитания.

КЕНИГСБЕРГСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Иммануил Кант (1724—1804) всю жизнь прожил в городе Кенигсберге. Родился он хилым, болезненным ребенком, и врачи говорили, что он скоро умрет, однако Кант прожил восемьдесят лет, никогда особенно не болея. Это свидетельствует, по моему мнению, о том, что человека в первую очередь держит дух. Если у тебя есть дело, большое и достойное, — ты не умрешь, пока его не сделаешь. А если нет дела, никакие диеты и пробежки трусцой не помогут. Кант — автор трех знаменитых «Критик»: «Критики чистого разума», «Критики практического разума», «Критики способности суждения». Эти свои основные произведения он начал писать в пятьдесят лет. Работал преподавателем университета, но никогда не читал курсов своей философии студентам, считал это нескромным. Когда в Кенигсберг вошли русские войска, Кант в 1758 году передал письмо российской императрице Елизавете с просьбой о профессорской должности.

В 1945 году при штурме Кенигсберга (нынешнего Калининграда) пострадал собор, у которого похоронен Кант, однако сама могила осталась целой и невредимой.

Иммануил Кант — величайший, по мнению многих, философ всех времен и народов — высказал немало глубоких соображений и в своем учении о морали. Все поступки людей Кант в своей книге «Критика практического разума» (раньше под практикой понималось учение о поведении) поделил на моральные и легальные (законные). Если, например, ты бросаешься на помощь тонущему человеку, но при этом знаешь, что тот очень богат и щедро тебя отблагодарит, — твой поступок вполне законный (ты спасаешь человека), но не имеет никакого отношения к морали. Если приятель просит одолжить ему небольшую сумму и ты ему даешь, тебе не жалко, у тебя и так еще много остается, а при этом греешь себя мыслью, что сейчас ты ему поможешь, завтра он тебе, — это тоже легальный, но не моральный поступок!

Но если ты увидел тонущего и не знаешь, кто это, тебе нет до этого дела, человек ведь тонет, да еще к тому же ты плохо плаваешь и

вода ледяная, но ты должен помочь другому, не можешь не помочь — это, по Канту, моральный поступок. Если у тебя просят денег, а их осталось только на один день, и если ты отдашь, но завтра сам будешь голодать, но ты не можешь не отдать, тебя же просят, — это поступок моральный. Таким образом, моральный поступок, по Канту, — это поступок, совершенный вопреки естественной склонности человека, т. е. направленный им против самого себя. Пусть мне будет плохо, но я не могу не помочь другому — я ведь человек и не могу опуститься ниже своего достоинства, думать о выгоде или о последствиях. Я должен здесь и сейчас поступить как человек.

Философ В. Толстых описывает диспут на моральные темы в одном из элитарных московских вузов 1970-х годов. Студентам был задан провокационный вопрос: допустим, вы идете по берегу реки и видите, что тонут двое, причем заранее известно, что один из них знаменитый академик, а другой Я никому не известный слесарь. Кого вы будете спасать, если спасти сможете только одного? Студенты очень долго спорили, а потом решили, что спасать будут академика, от него обществу больше пользы. То есть подплыл к одному, спросил его — не академик ли он, извинился и поплыл к другому.

Такой спор свидетельствовал, конечно, об уровне морального идиотизма советского общества тех времен (и этот уровень мало изменился к сегодняшнему дню) — студентам даже в голову не приходило, что спасать надо человека, а не академика или слесаря, спасать надо — кого сможешь.

Из рассуждений о моральных и легальных поступках Кант выводит категорию долга. Обычно долг воспринимается нами как очень скучное понятие, нам с детства прожужжали все уши: ты должен, ты должен! Однако Кант считает, что, только выполняя долг, человек становится свободным. Пусть я пострадаю, пусть я умру, а долг выполню. Выполняя долг, я могу пойти против себя самого, против законов природы. Но выше законов природы — законы свободы. Если я дал честное слово, то нарушить его для меня страшней смерти, я даже могу пойти на смерть, но от своего слова не отрекусь. Ни одно животное не знает чувства долга, у любого животного сильнее инстинкт самосохранения (как и у многих людей, находящихся на уровне животного существования). Но что может быть прекраснее свободной воли человека, который, не считаясь ни со

смертельными опасностями, ни с угрозой собственному благополучию, стоит на своем, стоим выше законов природы. Что мне болезнь, что мне смерть, ведь, если я не выполню свой человеческий долг, я же потом жить не смогу, мне будет стыдно в глаза людям смотреть.

Можно оправдаться перед другими: не смог я этого сделать — спасти тонущего или помочь ближнему, — слаб был, струсил; опасно это, плохо плаваю, собственных детей надо кормить, куда уж тут о чужих думать и т. д. Тебя поймут, простят, но сам ты себя никогда не сможешь простить, если у тебя есть совесть. Совесть — это и есть показатель человечности.

Есть сколько угодно причин для оправдания плохих поступков; нет только никаких причин для поступков хороших, совершенных по совести. Ты почему бросился в воду и спас человека? Ты почему помог старушке перейти улицу? Нормальный человек обидится на такие вопросы. Когда нет ответа на «почему», тогда он действует по совести. Просто ты не мог поступить иначе, потому что ты человек.

И далее Кант пишет о двух моральных законах. Первый закон: Поступай так, чтобы максима твоей воли была основой всеобщего законодательства! Т. е. поступай всегда максимально по-человечески, не делая никаких уступок себе и никак не оправдывая своих слабостей, и тогда твой поступок будет законом для всех, в том числе и для тебя самого.

В христианской религии есть норма — «поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали». Это правильное положение, однако Кант имел в виду не его, ибо есть люди, который нравится, когда с ними поступают плохо.

Второй закон: Человек всегда должен быть только целью и никогда не может быть средством! Нельзя использовать человека, его жизнь, его здоровье ни для каких, даже самых благородных целей. Почти никогда в истории этот закон не выполнялся — всегда индивидуальную человеческую жизнь сильные мира сего в грош не ставили. Часто можно слышать: потерпите, пусть ваша жизнь скудна и плоха, зато следующие поколения будут счастливы. Все эти рассуждения противоречат моральному закону.

Никогда, даже в мелочах, нельзя использовать человека как средство, для своей выгоды. Нарушая этот закон, мы убиваем в себе

человеческое начало.

Заканчивая книгу, Кант пишет о том, что две вещи поражают и волнуют больше всего на свете: звездное небо над нами с его бесконечными пространствами и нравственный закон в человеке, делающий его свободным. Причем второе поражает намного сильнее, ибо выполняя нравственный закон, человек становится выше законов Вселенной.

Канта можно назвать мечтателем: он писал о законах морали как идеальных принципах, понимая, что никто не живет, руководствуясь только совестью, что в мире торжествуют зло, насилие, ханжество, несвобода. Но тем не менее Кант считал, что сто не должно делать человека безвольным, не должно ослаблять его стремление к максимуму человечности. Человек должен жить так, как если он был свободен, даже если на самом деле существует масса ограничений его свободы. Гарантом его борьбы за человеческое достоинство, за то, что рано или поздно в мире восторжествует совесть, является Бог. Можно сколько угодно сомневаться в существовании Бога, приводить научные доказательства; можно, наоборот, верить в Бога и также пытаться научно обосновать свою веру. Но мы должны, по Канту, жить так, как если бы Бог существовал.

Л. ТОЛСТОЙ: НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ

Замечательный писатель, Лев Толстой был еще и очень глубоким мыслителем. Он развивал основные идеи греческих философов, нравственные идеи христианства и моральную философию Канта. Основной вопрос Толстого: как разорвать замкнутый круг насилия — вечный принцип человеческого существования. Все вокруг построено на насилии: государство осуществляет насилие над своими подданными и ведет войны против других государств, родители подавляют своих детей, учителя — учеников и т, д. и т. п.

На насилие люди отвечают также насилием угнетенные поднимаются на восстание и опять творят зло. И Толстой пришел к мысли о необходимости возродить основном принцип христианской религии — *непротивление злу насилием*.

Если не отвечать насилием на насилие, простить и даже полюбить врагов своих (подняться над обидами и оскорблениями, что может сделать только очень сильны человек), то прервется порочный замкнутый круг непрерывного насилия, творимого в истории. Вообще христианская религия — это религия сильных людей.

Если даже насилие, полагал Толстой, когда-либо и защищало жизнь и спокойствие людей, то куда чаще оно, напротив, становилось причиной величайших бедствий.

Есть два источника насилия в мире — государственная власть и революционеры, которые с нею борются. Власть — это всегда насилие. Существуют суд, прокуратура, тюрьмы, лагеря, но от этого не становится меньше преступников или недовольных. Человек, совершивший преступление, уже наказан тем, что нарушил человеческий закон. А если он не испытывает мук совести, не наказывает сам себя, то сажать его в тюрьму бесполезно, она только еще больше его озлобит. Вообще, считает Толстой, люди живут в относительном спокойствии, не убивают и не режут друг друга не потому, что есть суды и тюрьмы, а потому, что люди еще любят и жалеют.

Другой источник насилия — революционеры. Эти люди знают, как нужно устроить общество, в котором все будут счастливы, и

потому готовы положить собственные жизни и заодно миллионы чужих для осуществления своих идей. Обычный человек не знает, как сложится его жизнь через год, а революционеры знают, как устроится жизнь целого народа через десятилетия. И в ответ на государственное насилие устраивают новое насилие, и снова текут реки крови, и снова страдают люди, и никакое счастливое будущее не наступает и не наступит.

Государство и не боится революционеров, оно знает, как с ними бороться: оно боится других людей — тех, кто не хочет участвовать в насилии, тех, которым ничего не нужно — ни богатства, ни славы. Эти люди не хотят делать карьеру в государстве, потому что она развращает человека, не хотят делать революции, потому что революции не уничтожают насилия, а порождают его в еще большем объеме.

Толстой призывал: не отвечайте насилием на насилие, не служите государству в армии, в полиции, в таможне, не принимайте участие в вооруженной борьбе против власти. Насилие порождает только насилие и ничего больше. Единственный выход — моральное самоусовершенствование. Начните с себя. Приучите себя любить ближних, какими бы плохими они вам ни казались, изгоняйте из своего сердца ожесточение, не поддавайтесь соблазнам мира: карьере, деньгам, славе, ибо иначе окажетесь во власти насилия и будете его проводниками. Другого пути преобразовать мир нет и не будет.

До тех пор, пока люди неспособны устоять против соблазнов страха, корысти, честолюбия, тщеславия, которые порабощают одних и развращают других, они всегда будут образовывать в общество насилующих и обманывающих и насилуемых и обманываемых.

Чтобы этого больше не было, каждому человеку нужно сделать нравственное усилие над самим собой.

Многие критиковали Толстого за утопизм и романтические мечтания, но вот последователь Толстого Махатма Ганди призвал индийцев не бороться с английскими колонизаторами, а просто не участвовать во власти:

не служить англичанам, не платить подати, не работать в администрации. И власть англичан после двух столетий рухнула в несколько лет. Это был удивительный образец жизненности толстовского учения.

Сколько было насмешек, иронии, даже издевательств над учением Толстого! Но вряд ли человечество может предложить что-нибудь другое, кроме морального самосовершенствования, воспитания взаимного уважения и терпимости. Недаром в политике сейчас все больший вес приобретают идеи ненасильственного мира.

А. ШОПЕНГАУЭР: ФИЛОСОФИЯ ПЕССИМИЗМА

Артур Шопенгауэр (1788—1860) родился в семье состоятельного купца и получил очень хорошее образование. Основное произведение Шопенгауэра, которое по сей день считается выдающимся памятником философской мысли, — «Мир как воля и представление». Но по выходе книги автора ждало жестокое разочарование, ее никто не заметил, не оценил, было продано лишь несколько экземпляров, и издатель спустя некоторое время предложил Шопенгауэру забрать весь тираж домой, В доме у философа он и хранился еще долгие годы.

Идеи Шопенгауэра оказались несозвучными его времени, полному оптимистических иллюзий о скором счастье всего человечества. Лишь в конце жизни к нему пришла известность, а после смерти и слава.

Артур Шопенгауэр, считавший себя учеником Канта, первым обосновал философию пессимизма. С его точки зрения, миром правит воля к жизни — некая биологическая по своей природе сила, которая и делает всех людей рабами. Это она заставляет человека познавать мир, чтобы лучше к нему приспособиться, это она заставляет нас жить во что бы то ни стало, цепляться за жизнь, даже если она тяжела или просто невыносима.

Вся человеческая жизнь — сплошные страдания и разочарования. Человек под влиянием воли все время чего-то желает: богатства, денег, комфорта, здоровья, продления жизни. Но эти желания никогда не удовлетворяются окончательно. А вскоре после того, как человеку удалось чего-то достичь, наступает равнодушие и скука. Между страданиями и скукой мечется человеческая жизнь.

Земное счастье — иллюзия. Жизнь большинства людей печальна и непродолжительна. Счастлив человек бывает лишь по видимости в редкие минуты. Когда жизнь дает обещания, она их не держит. А когда держит, то только для того, чтобы показать, как недостойно было то, чего мы желали. Поэтому счастье всегда находится в будущем или в прошлом, так что в настоящем человек никогда счастлив не бывает. Но будущее ненадежно, а прошлое — уже невозможно.

Мы не знаем, считает Шопенгауэр, трех высших благ жизни — здоровья, молодости и свободы. Пока они у нас есть, мы их не осознаем и не понимаем их ценности, а понимаем только тогда, когда утратим. Счастливые дни мы замечаем только тогда, когда они уступают место несчастным дням.

Жизнь — вовсе не подарок, рассчитанный на наши наслаждения. Если мы посмотрим на человеческое общество, то мы увидим всеобщую нужду, беспрерывные усилия, постоянные столкновения, бесконечную борьбу.

Все вокруг суетятся — одни в мечтах, другие в деятельности, поднимая неописуемый шум. Но где последняя цель всего этого? Последняя цель, по Шопенгауэру, оказывается весьма жалкой: поддержать на короткий промежуток времени жизнь.

Как бы ни была жалка жизнь, человек цепляется за нее из последних сил, воля к жизни сильнее разума, сам разум — продукт воли. Но какое значение имеет короткая отсрочка смерти, временное облегчение страданий, минутное удовлетворение желания — если все это уходит у нас из рук, а победа смерти несомненна?

Поэтому человек должен выйти из-под власти воли, подавить в себе всякие желания. Нужно понять, считает Шопенгауэр, что страдания — неизбежная часть нашей жизни, и если мы избавимся от одного, то неизбежно придет другое; если на время прекращаются страдания, то наступает скука, которая также является страданием. Если мы поймем это, нам удастся воспитать в себе равнодушие к страданиям. Ведь страдания, как и счастье, приходят не извне, а возникают изнутри человека. Подавить волю, перестать быть ее рабом, уменьшить тягостную заботу о собственном благополучии — таков единственно возможный путь мыслящего человека. Доступный, правда, немногим, кому дано понять, что жизнь — это вечный обман и вечные разочарования, что в мире нет ничего достойного наших желаний, стремлений и борьбы, что все его блага ничтожны. Тем самым мы преодолеваем господство воли.

Наверное, вы сами замечали, что когда чего-нибудь сильно и долго добиваешься, то, получив наконец желанное, никакой радости уже не испытываешь. Часто даже удивляешься себе: зачем тратил столько страсти и энергии на такую ерунду. Радость бывает только

тогда, когда что-нибудь приятное или нужное тебе неожиданно сваливается на тебя, как дар, как подарок.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ О ВРЕДЕ ДОНОСИТЕЛЬСТВА И ПРИРОДЕ ЗЛА

Когда в разгар «охоты» террористов на русского царя Достоевский вместе с журналистом А. С. Сувориным обсуждали очередное неудавшееся пока покушение, писатель спросил: «Представьте, что мы случайно услышали разговор о том, что сейчас Зимний дворец будет взорван. Обратились бы вы в полицию?»

Суворин, монархист и «махровый реакционер» (как его называли в советской печати), ответил: «Нет, не пошел бы». — И я бы не пошел, — сказал Достоевский. — Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Мы, может быть, могли бы его предупредить. Но я боюсь прослыть доносчиком.

Доносительство в ту эпоху для человека интеллигентного казалось не только противным, но и невозможным делом. Достоевский также был монархистом, речь ведь шла о жизни царя, но пойти в полицию считал все равно невозможным. Можно попытаться самому обезоружить террориста, но доносить в принципе нельзя.

За полстолетия до этого подобная же проблема поднималась в кругу декабристов. После разгрома восстания многие его руководители вели себя очень странно. Так, П. Пестель — человек большого личного мужества, будучи арестованным, на допросах называл много фамилий людей, которые наделе даже не были причастны к движению. Тех арестовывали, а Пестель, оправдываясь, говорил:

— Я хотел напугать правительство. Оно узнает, что нас так много, и вынуждено будет пойти на реформы.

Вообще многие декабристы «сотрудничали» со своими следователями. Но вот декабрист М. Лунин вел себя очень последовательно и достойно, ни в какие беседы со следователями не вступал, никаких фамилий не называл и вообще считал всякое доносительство и предательство вещью невозможной. «Какое мне дело, — рассуждал он, — до царя и правительства, до того, что оно напугается и пойдет на реформы и в будущем жизнь станет легче. Какое мне дело до будущего? Ведь я сейчас погублю свою

бессмертную душу, выдав кого-нибудь. Как же я буду после этого жить?»

Кончилось тем, что Лунин погиб в сибирском остроге.

Лунин прекрасно понимал, что есть вещи гораздо более важные, чем собственная жизнь и благополучие, есть честь и достоинство — невидимый материал, из которого ткется человеческое существование. Нет совести, нет любви, нет чести — и нет человека, а есть только животное — с мускулами, нервами, с большой головой, со многими знаниями, умное, хитрое, но животное.

Это же понимал и Достоевский, который весь свой могучий талант писателя посвятил воспитанию человеческого в человеке. Достоевский понимал, что человек не рождается человеком, что он еще должен им стать, снова родиться уже в духе, в стихии человечности, что великий символ любой религии — символ «второго рождения» — не красивая сказка, а насущная необходимость для каждого человеческого существа.

В XX веке в России все радикально поменялось. Появился новый человек — Павлик Морозов. Человек, донесший на собственного отца, был сделан национальным героем. Доносительство, тем более по идейным соображениям, стало нормой жизни, к нему призывали на партийных съездах, его восхваляли в литературе. Государство рубило сук, на котором сидело, подрывало нравственное здоровье народа. Народ испортить легко, а для воспитания его нужны столетия. Тот уровень нравственной деградации общества, который мы сейчас имеем, рожден той пропагандой предательства и доносительства.

Достоевский удивительно глубоко проанализировал природу зла. По его мнению, зло всегда будет в мире, пока в мире есть свобода. Зло идет от свободы человеческой воли. Человек не хочет счастья, особенно если счастье принудительное, он хочет свободы, хочет своеволия, хочет «по своей глупой воле пожить». Любой закон он воспринимает как насилие над собой, даже если это закон математики, вроде «дважды два — четыре», готов на любую глупость, даже на преступление, лишь бы не быть «штифтиком» (сейчас говорят «винтиком»), игрушкой в руках судьбы и сильных мира сего, человек согласен на несчастья и страдания, лишь бы остаться свободным.

Человек Достоевского кричит: «Господи Боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь законы и

дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если сил не будет пробить, но я и не примирюсь с ней потому только, что каменная стена, у меня сил не хватило».

Главные герои Достоевского (Раскольников и другие) — это люди, решившиеся на преступление, чтобы доказать себе и другим, что они свободные существа.

Можно, конечно, избавить мир от зла, но для этого нужно отнять у людей свободу, чтобы, они не смогли больше ни капризничать, ни выражать недовольство, ни тем более совершать преступления. В таком мире все будут счастливы, но это будет счастье муравейника.

Интересно, что все деспотические режимы успешно боролись с преступностью, поскольку сводили до минимума человеческую свободу, любое нарушение закона жестоко каралось (говорят, Гитлер в один день покончил с трамвайными безбилетниками, расстреляв пару человек). От преступности в таком обществе быстро избавляются, люди могут свободно гулять по вечерам, не опасаться карманных и квартирных краж, но в то же время они совершенно несвободны, они рабы мощного государственного аппарата.

Наоборот, в демократических странах уровень преступности всегда довольно высок, злые люди пользуются предоставленными всем — им в том числе — свободами, потому что в демократическом государстве человека нельзя просто так арестовать, а надо долго и тщательно готовить и обосновывать обвинение, чтобы, не дай Бог, не ущемить свободу человека, даже если это человек, подозреваемый в преступлении.

У польского писателя-фантаста Станислава Лема есть роман «Возвращение со звезд»: космонавты возвращаются на Землю после двадцати лет отсутствия. За время произошла Великая Гуманитарная революция — всем сделали прививку, после которой человек уже не способен на агрессию, грубость, насилие. Осуществилась извечная мечта — нет больше преступлений, нет больше войн. Но космонавты, у которых такой прививки не было, пользуются как ни странно, огромным успехом в обществе — в них все видят нормальных, полноценных людей. Способность ко злу, агрессивность оказалась тесно связанной с талантом, упрямством в достижении целей, смелостью. А люди с прививкой стали напоминать послушных овец.

К. ЛЕОНТЬЕВ — АРИСТОКРАТ В МОРАЛИ

Константин Николаевич Леонтьев (1831 — 1891) родился в семье небогатого помещика. Не закончив медицинский факультет Московского университета уехал фельдшером на фронт Крымской кампании. После войны работал сельским врачом, потом десять лет отдал дипломатической службе— русским консулом в Турции, на Крите, в Греции. Леонтьев пользовался большим успехом у женщин, женился на необыкновенно красивой гречанке. В 1871 году тяжело заболел: близость смерти потрясла его, перевернула всю душу, он решил даже уйти в монахи, вышел в отставку, поехал в монастырь на Афоне, целый год провел там, но не смог добиться пострижения.

Всю жизнь прожил в очень стесненных материальных условиях, с двумя слугами, когда те состарились, заботился о них, как о родных.

Основное философское произведение — «Византизм и славянство».

В 1891 году наконец принял монашество и через два с половиной месяца скончался в Троице-Сергиевой лавре в возрасте шестидесяти лет. Могила его после революции была уничтожена, восстановлена только недавно.

Константин Леонтьев — писатель, философ, публицист — отличался весьма оригинальными взглядами на мораль, отчего заслужил у «прогрессивной интеллигенции» звание реакционера. Прежде всего он выступил против демократической идеи равенства. Никакого равенства не может быть в обществе, считал он, как нет его и в природе.

Любое развитие Леонтьев разделял на три цикла. Первый цикл: полная дифференциация — неравенство видов в природе, людей, классов и т. д. Благодаря неравенству, различию происходит пышное развитие и цветение всего бытия.

Второй этап — начинающееся смешение, уравнивание.

И третий, самый худший — наступление полного равенства, появление застойного болота, когда все цвета и краски смешиваются в единый серый фон, где нет ни ярких личностей, ни смелых поступков, ни героев, есть только серый будничный быт.

В своей работе «Византизм и славянство» Леонтьев восхищался византийским устройством общества: сильное государство, сильная церковь и церковная дисциплина, полное неравенство, четкая социальная иерархия. И в истории Запада его больше всего восхищало средневековье — с рыцарями, монахами, купцами, ремесленниками, крестьянами, сильной королевской властью.

Но после французской революции и победы демократии все в Европе потускнело — вместо рыцарей и купцов появился некий усредненный обыватель, все тонет в мещанском болоте мелких интересов, мелочного расчета.

— Ужасно и обидно думать, рассуждал Леонтьев, что Моисей восходил на Синай, что эллины строили свои акрополи, римляне вели свои Пунические войны, что апостолы проповедовали, мученики страдали; поэты пели, живописцы писали, рыцари блистали в турнирах для того только, чтобы французский или немецкий, или русский буржуа благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия? Стыдно было бы за человечество, если этот подлый, с точки зрения мыслителя, идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки.

Леонтьев был эстетом в морали: для него все моральное красиво и мужественно, а все серое, мелкое — аморально. Юлий Цезарь в тысячу раз развращеннее Акакия Акакиевича, но в нем в тысячу раз больше красоты, поэзии и правды, чем в мелком гоголевском чиновнике. Мещанскую мораль, предлагающую любить всех людей только потому, что они люди, хотя они ничего не сделали для того, чтобы быть людьми, — ни героических поступков, ни больших дел, Леонтьев считает аморализмом.

Сильная власть, мощное государство, неравенство и борьба между людьми за место под солнцем создают в обществе ту атмосферу, в которой совершаются великие дела и

вырастают великие личности. Если не считать блаженство и абсолютную правду назначением человечества на земле, то нет ничего ужасного в том, что миллионы русских людей должны были страдать для того, чтобы смог писать Пушкин, чтобы смог быть выстроен Кремль и его соборы, чтобы Суворов и Кутузов одержали свои победы.

Константин Леонтьев защищает мораль сильных и ярких индивидуальностей, мораль героическую, — против морали утилитарной усредненной, безличностной. С одной стороны, он уважает барство; с другой — любит наивность и грубость мужика. Онегин, с одной стороны, а с другой — солдат Каратаев для него лучше того «среднего» мещанского типа, к которому прогресс сводил всех и сверху и снизу, и графа и пастуха.

Леонтьев ощущал себя пророком, жил в постоянном предчувствии всемирной революции, которая окончательно всех уравняет и погрузит Европу в серое и унылое существование. Сначала он надеялся, что подобная судьба минует Россию и она не пойдет по пути Запада, но в конце жизни увидел, что и в России наступает царство мещанства, связанное с бурным развитием капитализма..

Он предвидел многие беды, ожидающие Россию в будущем, призывал усиливать и укреплять государство, царскую власть, но все. его призывы остались неуслышанными.

ФРИДРИХ НИЦШЕ: БОРЬБА С МОРАЛЬЮ

Фридрих Ницше (1844—1900) — немецкий философ, родился в семье сельского священника. Поступил на филологический факультет в Бонне, потом перевелся в Лейпциг. Еще студентом опубликовал несколько работ по древнегреческой литературе. На последнем курсе его пригласили профессором классической филологии в Базельский университет. Так первый и последний раз студент стал профессором. Через год ему присвоили докторскую степень без защиты диссертации. Несколько лет он работал преподавателем, потом по болезни оставил службу.

Написал очень большое количество философских произведений. Основные работы: «Рождение трагедии из духа музыки», «Так говорил Заратустра», «Веселая наука», «Воля к власти», «Сумерки богов».

Всю жизнь он боролся со страшной болезнью, сильнейшими, до потери сознания, головными болями, которые преследовали его постоянно с 18 лет. Писал в те редкие часы, когда боль отпускала, и все-таки все время на людях держался весело, своим приме ром призывал других мужественно переносит невзгоды жизни,

Но такое постоянное напряжение в конце концов подорвало его психическое здоровье и последний десять лет жизни Ницше провел в сумасшедшем доме.

По общему духу своих рассуждений Ницше удивительно похож на Леонтьева, жили они примерно в одно время, но, как ни странно, совершенно не знали друг о друге. Ницше с тех же аристократических позиций выступил против обыденной мещанской морали, которая, по его мнению, проявляется в двух формах — в морали христианской и морали социалистической.

Христианство — это восстание рабов морали, христиане призывают любить человека только за то, что он человек, каким бы он ни был мелким, слабым, духовно тщедушным и завистливым. Христианская религия сострадания коверкает и искажает человеческий образ. В человеке, по мнению Ницше, соединены воедино тварь и творец, в человеке есть материал, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в

человеке есть и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель. Наше сострадание относится к «твари в человеке», к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено, — к тому, что страдает по необходимости и должно страдать.

Нужно любить не ближнего, как призывает христианство, а дальнего — того, кто, усиливаясь и преображая себя, еще только станет человеком. Современный человек — это только путь к настоящему человеку, к сверхчеловеку. А христианская мораль, как и социалистическая, воспитывает людей слабых, которые притом гордятся своей слабостью и ничтожностью. Они никогда ничем не рисковали — ни здоровьем, ни капиталом, ни свободой, никогда не решались ни на какой поступок. Как же может среди них появиться человек, подлинная личность?

Эти мелкие, невзрачные люди полны злобной зависти ко всему красивому, умному, талантливому. Они бы с удовольствием всех равняли, чтобы никто не выделялся, чтобы все жили одинаково: пусть бедно и одинаково плохо; зато никому не нужно будет завидовать.

О подобного рода идеологии писал еще Маркс, называя «Казарменным коммунизмом». Такие коммунисты видят свою цель в том, чтобы все всем раздать поровну, все разделить, а то, что разделить нельзя, например талант, — уничтожить.

Ницше предсказывал появление такого строя в XX веке, когда мелкие, завистливые и злобные души придут к власти и начнут переустраивать мир по-своему.

Их стадную мораль, рекомендующую никому не высовываться и жить, как живут все, Ницше называл аморализмом. Истинная мораль — это мораль аристократическая, это мораль человека, который попирает ногами презренное благополучие. Если человек знает, зачем живет, ему безразлично, как он живет, не к счастью стремится человек. Свободный человек, но еще более свободный дух, полушутливо-полусерьезно писал он, попирает ногами то презренное благополучие, которое видят в своих мечтах торгаши, христиане, коровы, женщины, англичане и прочие демократы. Свободный человек — воин.

Свободный человек — это человек, который любит своих врагов, это сильная личность, готовая принять на себя всю тяжесть мира и

считать себя ответственной за все зла и несчастья, происходящие с людьми.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ: ЭТИКА ЗАКОНА И ЭТИКА ТВОРЧЕСТВА

Николай Александрович Бердяев (1874—1943) — самый известный на Западе русский философ, человек огромного литературного и философского таланта, мыслитель яркий, эмоциональный, фанатик свободы и вечный обличитель всяческих форм насилия над человеком. Обладал большим личным мужеством — перед высылкой из СССР в 1922 году беседовал в ЧК с самим Дзержинским и отстаивал свои убеждения.

Основные работы Бердяева, оставившего большое наследие: « СМЫСЛ творчества», «Философия свободы», «Смысл истории», «О назначении человека», «О рабстве и свободе человека».

Умер в эмиграции, в пригороде Парижа, за своим письменным столом.

Двадцатый век показал всю несостоятельность той просветительской морали, которую подвергали критике Достоевский, Леонтьев, Ницше и которая предлагала любить человека только за то, что он человек, которая провозглашала, что «человек — это звучит гордо!» Образованные и внешне интеллигентные люди под влиянием оголтелой пропаганды жгли книги, изгоняли профессоров из университетов, строили лагеря, травили инакомыслящих, т. е. вели себя отнюдь не как люди, а скорее как животные. Просветительская мораль не давала никакого иммунитета против превращения людей в животных. Еще Достоевский писал, что если поскрести ногтем современного так называемого интеллигента, то из-под его благообразной внешности может выглянуть звериная морда. Морда и выглянула, да еще такая, что вся европейская цивилизация содрогнулась. По жестокости, по массовым убийствам XX век превзошел все остальные века истории.

С точки зрения Н. Бердяева, просветительская мораль — это прежде всего этика закона. В основе этой этики лежит религиозный страх. Боязнь нарушить запрет и стать нечистым образует этику на ранних этапах человеческого развития, потом, приобретая более утонченные формы, она по сути остается все той же. Закон по своей

природе всегда запугивает. Он не преображает человеческую природу, не уничтожает греха, а через внешний и внутренний страх держит грех в известных границах. Еще А. Шопенгауэр считал голос совести на девять десятых просто страхом перед общественным порицанием.

Этика закона стремится сделать человека автоматом добродетели, против такой этики воевал еще Сократ. Человек подчиняется закону потому, что боится наказания. А если закон отменен, если государство открыто объявляет, что нет человека вообще, а есть высшие и низшие расы, то человек срывается с тормозов и становится способным не любое преступление.

Самый культурный в мире народа немцы, давшие миру больше всего философов, писателей, композиторов, под влиянием фашистской пропаганды за несколько лет превратился вдруг в стадо беснующихся баранов. Значит, подлинная культура, в том числе моральная, была свойственна только очень немногим людям; а у всех остальных была тонкой пленкой, которая быстро исчезла, обнажив звериную сущность.

Закон необходим обществу, без него невозможна цивилизованная жизнь. Но человек в массе своей почти не верит в добро как в некое надчеловеческое начало, не верит в кантовский моральный закон. Почему, собственно, я должен этому закону подчиняться? Ведь это не я придумал этот закон, а общество, оно заставляет меня слушаться. Общество беспощадно к моей индивидуальной судьбе, к моей частной жизни. Почему я должен быть добрым? Почему я должен любить людей, если я их терпеть не могу? Почему я должен ломать и переделывать себя? Тем более что люди, поучающие других от лица общества, сами часто не являются образцом для других -—- это или тираны, или фанатики, или просто проходимцы, дорвавшиеся до власти.

Жизнь человека, в том числе и нравственная жизнь, так сложна и индивидуальна, что не укладывается ни в какие общие принципы, нормы и законы морали. Мне, например, говорят, что я на уроках должен внимательно слушать учителя и не перебивать его, а я считаю, что только споря с учителем, постоянно задавая ему вопросы, я смогу чему-нибудь научиться.

Мне говорят, что я должен любить своих родителей, но мои родители (часто бывает ведь и такое) не нуждаются в моей любви, они просто выполняют свой долг — кормят и одевают меня, но им нет дела

до моих переживаний, страданий, душевных трудностей, они даже не в состоянии ответить на многие мои серьезные вопросы, потому что никогда не заставляли себя думать о чем-нибудь действительно серьезном.

Таким образом, живая личность для Бердяева есть нечто более глубокое и ценное, чем всякая мораль. Ценность человека — не в степени его подчиненности моральным требованиям, а в силе и остроте его внутреннего влечения к добру, способности творить. Не послушание, а творчество есть главный моральный долг человека.

А творить себя нужно каждый день и каждый час, потому что каждый день и каждый час нас пытается одолеть дьявол (лень, эгоизм, нежелание рисковать, бездумное животное существование, полусонная жизнь). Но человек с самого детства должен сам себя творить, постоянно будить себя, постоянно принимать собственные решения; а для этого — думать самому, заставлять себя быть терпимым, спокойным, подавлять в себе животную злобу и воспитывать любовь к людям. Никакой закон не воспитает человека, если он сам себя не воспитает, не сотворит. Поэтому этика творчества для Бердяева выше этики закона.

ПОДЛИННОЕ И НЕПОДЛИННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Мартин Хайдеггер (1889—1976) — немецкий философ. Как считают многие западные исследователи, самый оригинальный и глубокий мыслитель века. Работы Хайдеггера оказали огромное влияние на современную ему и последующую философию и литературу. Ни одного автора в XX веке не цитировали так часто, как Мартина Хайдеггера. Много лет преподавал философию в различных университетах Германии. В зрелом возрасте уехал в деревню и оставался там до конца жизни. Основные произведения: «Бытие и время», «Путь к языку», «Что значит мыслить?».

Произведения Хайдеггера поражают поэтичной выразительностью языка, ювелирной работой со словами, проникновенным анализом проблем человеческого существования.

Философия ищет и показывает те пути и способы, какими можно разбудить человека к истинно человеческой нравственной жизни. Но борьба за человека ведется в неравных условиях — силы, стремящиеся не разбудить, а усыпить человека, слишком могущественны» слишком всеохватны. Это прежде всего современное бюрократическое государство, которое с помощью средств массовой информации, рекламы, образования стремится вывести такую породу человека, который бы ни над чем серьезно не задумывался, был послушным винтиком в отлаженной системе общественных связей. В нашей стране эксперимент по созданию «нового советского человека», продолжавшийся более 70 лет, вполне удался. Юрий Нагибин писал в 1983 году в своем дневнике: «По-моему, мы близки к созданию образцового гражданина социалистического общества. Головы, души, моральные ценности — все сдано на склад и едва ли когда востребуется. Поразительное свойство у таких людей: говорить без умолку ни о чем. Смысл этой трепотни — не дать коснуться серьезных тем. Этих картонных людей ничто не мучает, не заботит, у них нет сомнений, колебаний, желания хоть как-то разобраться в окружающем, они запрограммированы как роботы».

Уже в начале века философ Мартин Хайдеггер ввел понятие «Man», «безличного». С помощью частицы «Man» в немецком языке строятся безличные предложения типа «светает» или «смеркается». У Хайдеггера «Man» является особым, безличным способом существования, которым живет большинство людей: они читают то, что читают другие, говорят то, что говорят все, поступают так, как поступают все. Все живут, как все, никто не хочет проявить свое лицо, решиться на свой оригинальный поступок, проявить свое Я. «Man» — это стадное существование,

Хайдеггер поясняет суть этого существования через образ смерти. Обычно люди избегают мыслей о собственной смерти» говорят: когда это еще будет! Может быть, к тому времени какие-нибудь таблетки изобретут! Может быть, я и не умру вовсе!

На что Хайдеггер отвечает: умрешь, и умрешь сам! Никто за тебя умирать не будет! И ты сейчас должен проникнуться мыслью о своей неизбежной будущей смерти.

Но на самом деле речь у Хайдеггера идет не столько о смерти, сколько о жизни. Никто за тебя не будет умирать, но и жить за тебя — тоже. Ты сам должен прожить свою жизнь, А большинство людей живет чужой жизнью. Кому-то подражают, кого-то копируют, руководствуются не ими изобретенными стандартами и шаблонами поведения и мышления.

Много лет назад в «Литературной газете» был помещен забавный рассказик: идет человек домой, одет по тогдашней интеллигентской моде: в дубленке, в пыжиковой шапке, с дипломатом в руке. И думает: «Сейчас приду домой и обрадую жену, что наконец-то достал Босха! (Иероним Босх, нидерландский художник XVI века, был одно время необычайно модным среди столичной интеллигенции: сюрреалистические картины казались очень созвучными времени.) А жена, наверно, на Хемингуэя подписалась, она с вечера пошла очередь занимать». Приходит он домой, из коридора кричит жене, которая хлопочет на кухне, что достал Босха.

— А я на Хемингуэя подписалась, — кричит ему в ответ жена.

Человек проходит в спальню, ложится на диван, не глядя берет с тумбочки телепрограмму, которая всегда лежит на одном и том же месте, и, разворачивая ее, спрашивает жену:

— Как там у сына в школе дела?

— Какой сын? — отвечает жена. — У нас ведь дочь!

Ошарашенный, он встает с дивана и видит, что попал не в свою квартиру, видимо, этажом ошибся. Вроде все то же, но немного не так, обои больше выцвели. Он хватает свои вещи, бросается в коридор, тут открывается входная дверь, входит человек в дубленке, пыжиковой шапке, с дипломатом и кричит:

— А я Босха достал!

Этот рассказ — весьма точная иллюстрация к тому, что Хайдеггер называет «Man». Бездумная шаблонная жизнь — все, как у всех, бездумное поглощение духовных ценностей — типичное стадное, животное существование.

И в этом смысле — аморальное, поскольку не отвечает подлинно человеческому назначению.

КАРАМАЗОВЫ ИЛИ СМЕРДЯКОВЫ?

Большинство людей всегда жило в состоянии «Man», не думая, не решаясь ни на что, руководствуясь только общепринятыми правилами или указаниями начальства. Как писал Ницше, человек еще не поднял взора над уровнем животного, он вовсе не тот человек, о котором мечтала природа, он, может быть, еще только путь к истинному человеку. А пока это нечто незавершенное, недоделанное, не вырвавшееся еще из примитивного состояния.

Но есть мгновения, когда облака разрываются и нас, вместе со всей природой, влечет к человеку, т. е. к чему-то, что стоит высоко над нами. Содрогаясь, мы оглядываемся вокруг и видим, как бегут хищные звери и мы сами среди них. Чудовищная подвижность людей в великой земной пустыне, их города и государства, их войны, их неустанное схождение и расхождение, их беспорядочная беготня, их взаимное подражание, их умение перехитрить и уничтожить друг друга, их крик в нужде, их радостный рёв в победе — все есть продолжение животного состояния. Современный деятельный человек, по Ницше, злостный бездельник, ибо его деятельности недостает стланного. Самое главное дело и самая главная работа начинается тогда, когда человек остается один на один с собой, чтобы решать самые главные вопросы: зачем ты живешь? для чего ты пришел в этот мир? в чем заключается то дело, которое только ты призван сделать?

Но люди боятся самоуглубления, боятся тишины, когда совесть прошепчет им на ухо нечто важное, и потому они оглушают себя общением с друзьями, чтением газет, посещением увеселительных заведений, т. е. делают все, лишь бы бежать от самих себя. Так постепенно формируется привычка жить стадной массовой жизнью, не приходя в сознание, ибо сознания для такой пустой и поверхностной жизни вовсе не нужно, достаточно рефлексов и инстинктов.

Вроде бы это личное дело человека, как ему жить — стадным инстинктом или разумом, жить бездумно или мучительно искать смысл своего бытия. Но в XX веке это становится уже не личным делом. XX век — это век восстания массы, когда она впервые приходит к власти. Кто такой человек массы?

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей книге, которая и называется «Восстание масс», пишет, что человек массы — это индивид без каких-либо достоинств и способностей, серый, заурядный, невзрачный и, главное, ничуть этим не опечаленный. Даже гордящийся своей посредственностью, гордящийся тем, что он такой же, как все. Человек массы — тот, кого в России традиционно называли чернью. Это не обязательно рабочий или крестьянин, человек массы может быть политиком, профессором или даже поэтом. В XX веке, кстати, появились массовые поэты и писатели со своей эрзац-литературой.

И вот эти массы пришли к власти в России и Германии и стали переустраивать, перекраивать общество по своему убогому мещанскому образцу. Этот процесс, может быть не в таком явном виде, идет во многих странах мира.

В России после революции: к власти пришел не народ, а именно масса, чернь, недоучки, неудачники, полуобразованные и полувоспитанные люди, натворившие неслыханное количество бед. То же самое произошло и в Германии в 30-х годах. Пришли Шариковы, пришли Смердяковы. Как писал Достоевский, в революции всегда на место Карамазовых приходят Смердяковы, вместо интеллигента к власти прорывается лакей.

М. Хайдеггер писал о двух способах человеческого существования — подлинном и Я подлинном («Man»). Порвать с неподлинным существованием, вырваться из отупляющей животности можно только с помощью морального самовоспитания. Например, встает лицом к смерти, до самого дна души проникнуться мыслью о ее неизбежности, ужасом исчезновения своего бытия. Может быть, после такой встряски человек задумается; как гнусно и глупо он жил. Вспомните рассказ Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в котором мелкий чиновник, проживший свою жизнь бездарно и бездумно, в меру воруя и в меру подличая, вдруг смертельно заболел и, умирая, понял всю бессмысленность и нелепость своей жизни, всю жалкость своего бытия. Ему казалось, что еще немного — и он поймет главный смысл человеческой жизни, ему откроется что-то самое важное и потаенное. Ему забрезжил какой-то свет, но это было последнее мгновение его жизни.

Есть много путей преображения жизни — и философский, и религиозный; потрясти человеческую душу и заставить человека задуматься всерьез над своей жизнью может и искусство. В любом случае спасение и освобождение человека бывает прежде всего внутренним, он должен внутренне себя освободить, добиться внутренней свободы. Никакие революции не освободят человека, который в душе своей остался рабом. Прав был Чехов, когда говорил, что раба нужно по капле выдавливать из себя каждому человеку каждую минуту и всю жизнь.

МИРОВОЙ АБСУРД И ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Семен Людвигович Франк (1877—1950) родился в Москве и окончил Московский университет. По мнению многих он самый глубокий и значительный философ за всю историю России. Основные работы: «Душа человека», «Непостижимое», «С нами Бог», «Человек и реальность» и др.

В книгах Франка поражает его умение говорить о сложнейших проблемах философии доступным, ясным и поэтическим языком. В 1922 году был выслан из России, жил во Франции, затем в Англии, где и умер в предместье Лондона, всю жизнь сохраняя любовь к России и веря в ее будущее духовное возрождение.

Человечество в ходе своей истории все больше убеждается в том, что у него ничего никогда не получается. Не удался ни один замысел, ни одна цель какой-либо исторической эпохи. Те великие задачи, которые были поставлены христианской верой 2000 лет тому назад, никогда не были и не будут осуществлены. Человечество не стало лучше, чище, благороднее, хотя идеалы христианства всем известны и почти всеми признаются.

Не удалось Возрождение, и то, что им создано, не соответствует планам великих гуманистов. Та же участь постигла Реформацию, поставившую себе великую цель — утверждение религиозной свободы — и приведшую к крушению саму религию. Не удалась Великая французская революция, создавшая вместо братства, равенства и свободы буржуазное общество, новые формы неравенства и ненависти людей друг к другу.

Не удался социализм — в России и многих странах мира он привел к неслыханным бедствиям и социальным противоречиям. Не удался анархизм — он никогда не осуществит той абсолютной свободы, к которой призывает, а может установить лишь еще большее рабство.

В человеческой истории больше абсурда, чем цели и смысла. Однако это не повод приходить в отчаяние и упиваться трагичностью

своей жизни. Люди пытаются найти собственный смысл жизни в этом абсурде, оправдать свое существование.

Одни видят моральное оправдание своего существования в том, чтобы переделывать «плохую» действительность, изменять мир с помощью революции или с помощью техники, и т. д. Но, как писал выдающийся философ Семен Франк, «что бы ни совершал человек, какие бы технические, социальные, умственные усовершенствования ни вносил в жизнь, его завтрашний и послезавтрашний день ничем не будут отличаться от вчерашнего и сегодняшнего. Всегда в этом мире будет царить слепая случайность, человек всегда будет бессильной былинкой, которую легко погубить, всегда жизнь его будет кратким отрывком, в который не вместить осмысляющей жизнь духовной полноты, и всегда слепая страсть, глупость и зло будут царить на земле».

Умный, нравственно развитой человек мало озабочен тем, будет ли завтрашний день лучше сегодняшнего, а следующий век лучше предыдущего. Это уже дело Бога, а не человека. На вопрос — что делать, чтобы изменить мир? — Франк отвечает: ничего! Потому что человек привык к тому, что есть какой-то смысл, лежащий вне жизни, есть какая-то цель, которую нужно осуществить. Но целью жизни является сама жизнь — не как бессмысленная сутолока и стремление к чему-то иному, а жизнь как полнота духа, самодостаточная, насыщенная в себе и спокойная, без суеты.

Все внешние критерии смысла жизни несостоятельны. Вера в прогресс, в непрерывное совершенствование человечества, вдохновлявшая множество людей в Последние два века, полностью разоблачена, ибо оказалось, что человечество не движется вперед, оно ни на шаг не приблизилось к осуществлению совершенного общественного строя, воплощению добра и разума в человеческих отношениях. У французского писателя и философа Альбера Камю есть эссе «Миф о Сизифе». Древнегреческий герой Сизиф наказан богами за свой проступок и вынужден всю жизнь толкать в гору камень, который тут же скатывается назад. У Камю Сизиф — это человек, который поднялся над бессмысленностью своего существования, который в этой бессмысленности обрел свой смысл и свою гордость. Как бы тяжела и бесцельна ни была жизнь — это моя жизнь, и я должен ее прожить достойно.

Как и Камю, Франк считает, что смысл жизни не дан, а задан, смысл жизни должен быть внутри нас, а не вовне. Искание смысла жизни есть борьба против тьмы бессмыслия, это внутреннее преображение, внутреннее сотворение человеком самого себя. Но это не значит, будто подобные люди, занятые внутренним творчеством, ничего не делают, а заняты только личным спасением. Исканиями и мучениями таких людей в мире накапливается добро. Философ, святой, художник, вообще любой человек, не ограничивающийся внешней жизнью; а ищущий истоки своего бытия, пытающийся найти свое настоящее место в этой жизни, понять свое предназначение, производит и накапливает в мире добро. Без таких людей мир давно бы уже рухнул в пропасть полного хаоса и бессмысленности.

Историки, которые пишут о великом русском святом Сергии Радонежском, часто видят его главную заслугу в том, что он благословил рать Дмитрия Донского. Но они забывают, писал Франк, что этому предшествовали десятилетия упорного молитвенного и аскетического труда, что этим трудом добыты духовные богатства, которыми в течение последующих веков питались люди, что без него они не имели бы сил подняться на борьбу с татарами.

То, что наша жизнь духовно скудная, означает, что все меньше и меньше сегодня людей, ищущих смысл жизни, людей глубоко мыслящих, своей внутренней работой, прибавляющих в мире добро. Мы только тратим то, что создали наши предки.

МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК

ЧЕЛОВЕК

ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Возникновение человека — чудо, не разъясняемое никакими научными теориями. Прежде чем возник человек, должна была возникнуть жизнь на Земле, и это — не меньшее чудо, поскольку десятки факторов должны были совпасть, чтобы создались благоприятные условия: здесь и расстояние от Земли до Солнца (на Венере слишком жарко, а на Марсе слишком холодно); здесь и объем планеты — малые планеты не удерживают атмосферы, а на больших она жидкая, и многое другое.

До сих пор неизвестно, была ли жизнь занесена на Землю из космоса или возникла здесь химическим путем. Но как бы то ни было, возникшая жизнь не обязательно должна была развиваться до человека, она вполне могла существовать в виде грибов или плесени. Во Вселенной нет однонаправленного развития в сторону усложнения, скорее наоборот: Вселенная изменяется от космоса, порядка — к хаосу.

То, что возник человек, было совершеннейшей случайностью, непредсказуемой мутацией. Природа наобум пробовала десятки вариантов: были питекантропы, неандертальцы, синантропы, зинджантропы, родезийские люди и, наверное, множество других неизвестных нам видов.

И вот появились кроманьонцы, у которых был чуть-чуть больше мозг, быстрее скорость реакции. Они начали с того, что перебили своих конкурентов и стали быстро распространяться по Земле. А могли бы и не возникнуть или не выжить, поскольку у них были мощные противники — например, неандертальцы. Есть гипотеза, что «снежные люди» и есть последние выжившие неандертальцы, прекрасно приспособленные к природе.

А человек сегодняшний, homo sapiens (человек разумный), совершенно к природе не приспособлен и, по идее, не должен был бы

выжить. Чтобы человек рождался совершенно готовым к жизни — как жеребенок или теленок, через несколько часов после рождения способные самостоятельно передвигаться, питаться и т. д., — для этого человек должен проводить в утробе матери 21 месяц. То есть мы все рождаемся как бы недоношенными. Ребенок человека много лет не может жить самостоятельно, ни одно животное не может позволить себе такой роскоши: до десяти — пятнадцати лет кормить и обучать собственное дитя.

Но эта неприспособленность обернулась необычайным преимуществом для человека.

Любое животное, любое неразумное существо не может чего-то не делать, в нем все или почти все жестко запрограммировано природой. Ласточка не может не летать и не кормить своих птенцов, она делает по двести вылетов в день, и, даже если птенцы вдруг погибнут, она все равно будет носить червяков, пока не распадется инстинктивная связь действий.

Человек вообще может ничего не делать, «Вот сейчас лягу и буду лежать, пока умру», — может сказать он. И ляжет и помрет, и никто ему, если он захочет, не сумеет помешать.

Человеческий ребенок, в отличие от животного, рождается с совершенно открытой программой, в нем почти ничего не заложено наследственно — кроме некоторых инстинктов и неявных предрасположенностей. Ребенок формируется не во чреве матери, а здесь, в мире, когда слышит человеческую речь, чувствует материнскую любовь, видит краски и звуки мира.

Поскольку человек рождается с открытой программой, то из него можно вылепить что угодно, в его наследственности ничего жестко не записано. Вырастет среди волков — будет волком (Маугли), среди обезьян обезьяной, а среди людей, если повезет, может стать человеком. Правда, те, кто вырос с первых дней среди животных, вернувшись к людям, разумными уже не становятся. Человеческий мозг формируется под влиянием человеческого окружения с первых часов жизни.

ЧТО ПОМОГЛО ЧЕЛОВЕКУ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ?

Много лет в исторической науке» антропологии, философии господствовала точка зрения, согласно которой труд сделал человека человеком. Человек поднялся над животным состоянием только тогда, когда стал производить орудия труда, и это производство — его главное отличие от животных.

Однако топоры и дубины просуществовали почти миллион лет, не подвергаясь существенным изменениям, за это время не было никакого усовершенствования техники обтесывания камней.

Животные преуспели в этом значительно больше, оказались более искусными строителями и изобретателями. Плотины бобров, ульи и термитники свидетельствуют о том, что технические навыки животных развивались очень успешно.

Благодаря чрезмерно развитому и постоянно активному мозгу, человек обладал большей умственной энергией, чем ему необходимо было для выживания на чисто животном уровне. И он давал выход такой энергии не только при добывании пищи и размножении, но и в производстве очень странных и не нужных для этого вещей: наскальных рисунков, культовых вещей (тотемных столбов, которым поклонялись как духам рода, молитвенных дощечек и т. д.). «Культурная работа» заняла более важное положение, чем утилитарный ручной труд.

Далеко не всегда при раскопках древних стоянок человека археологи находили орудия труда, но почти всегда там были предметы религиозного культа или какие-то образцы примитивного искусства. Человек оказался не столько животным, производящим орудия труда, сколько животным, производящим символы, — символическим животным. Например, первобытная семья, перед тем как идти на охоту, трижды обегала вокруг тотемного столба и пять раз приседала. Считалось, что после этого охота будет удачной. С точки зрения животного люди ведут себя подобно сумасшедшим. Но с точки зрения человека, это было важнейшее символическое действо, которым люди вводили себя в особое состояние, творили себе невидимых, символических покровителей — т. е. совершали чисто человеческие действия, развивали свою специфическую человеческую природу.

У некоторых народов сохранился древнейший обряд похорон, когда на них приглашаются плакальщицы. Эти люди ведут себя артистически (они и есть артисты) — рвут на себе волосы, бьются

головой о гроб, жалобно кричат, хотя на самом деле никаких чувств к покойнику не испытывают, их наняли разыграть действо. Но «спектакль» имеет огромный символический смысл — родственники после него уже никогда не забудут своих умерших. Этот ритуал способствовал образованию и закреплению памяти, потому что забывать естественно, а помнить — нет. А человек, как мы говорили вначале, существо искусственное: он не рождается природой, он сам себя рождает, творит.

Особенно быстро развитие человека пошло с возникновением языка — теперь уже производство «культурных» предметов намного обогнало создание орудий труда и в свою очередь способствовало быстрому развитию техники.

Расширяющая границы жизни культурная «работа» заняла более важное положение, чем утилитарный ручной труд. До этого ничего уникального в технической деятельности человека не было, не было ничего специфически человеческого в его орудиях труда. Главным орудием, потрясающим и великолепным, оставалось его тело.

Удивительно пластичное, приспособленное к любому виду деятельности, управляемое разумом, оно могло создавать гораздо более важные и сложные вещи, чем примитивные топоры и деревянные колья.

Даже рука человека, полагал философ Л. Мэмфорд, была не просто мозолистым орудием: она ласкала тело возлюбленного, прижимала ребенка к груди, делала жесты и выражала в танце некоторые иным образом еще не передаваемые чувства, представления о жизни или смерти, о запомнившемся прошлом или желаемом будущем.

Любая культурная деятельность человека, любое производство орудий труда было направлено не столько на подчинение окружающей среды, на увеличение добычи пищи, сколько на укрощение самого себя.

Когда человеку не угрожало враждебное окружение, его громадная внутренняя энергия, часто неразумная и неуправляемая, служила скорее препятствием, чем помощью в выживании. Контроль над своей психикой с помощью создания символической культуры был более существенным для жизни, чем контроль над внешней средой.

Пока человек не сделал нечто из себя самого, он мало что мог сделать и в окружающем его мире. Борьба за существование не завладела полностью энергией и жизнеспособностью первобытного человека и не отвлекла его от более насущной потребности: внести порядок и значение в каждую часть жизни. В этой более значительной борьбе ритуал, танец, песня, рисунок, резьба и более всего дискурсивный язык — человеческие язык и речь, систематизирующие мир, играли решающую роль.

А БЫЛ ЛИ ТОТ МАЛЬЧИК?

Лев Шестов (1866—1938) — замечательный русский мыслитель, задолго до Хайдеггера опубликовал ряд работ по проблемам человеческого существования, предвосхитив многие идеи западной философии XX века.

Родился в семье крупного киевского коммерсанта. В 12 лет был похищен анархистами, отец отказался платить выкуп, и только через полгода мальчик был возвращен домой. Поневоле задумаешься о хрупкости бытия и станешь философом. Однако сначала Шестов учился в Московском университете на математическом, потом на юридическом факультете, был исключен за участие в студенческих беспорядках. И лишь с 1897 года стал заниматься философией.

Основные работы: «Апофеоз беспочвенности», «Власть ключей», «Афины и Иерусалим», «На весах Иова».

Что такое человек и откуда он пришел в этот мир? Философ Лев Шестов сравнивал две гипотезы происхождения человека: библейскую и дарвиновскую. Библейская легенда, полагает он, более правдоподобна — об этом свидетельствует неутолимая тоска и вечная духовная жажда человека, его вечное неумение найти на земле то, что ему нужно. Если бы человек произошел от обезьяны, он был бы по-обезьяньи изобретателен в добывании пищи и так же умел бы довольствоваться такой жизнью. Вспомните хотя бы шимпанзе в зоопарках.

Но и Дарвин, и Библия правы. Одной своей частью человек произошел от согрешившего Адама, чувствует в своей крови грех предков, мучается им, а другой — от несогрешившей обезьяны, чья совесть спокойна, она не терзается и не мечтает об избыточном.

Согласно Франку, современное «научное» «просвещенное» сознание с его принципа доказательства не хочет принимать на веру ничего и для всего ищет объяснения. Однако спокойно примиряется с тем, что наше Я (наша личность, наша внутренняя жизнь со всеми ее потребностями, упованиями и мечтаниями) совершенно случайно, неведомо откуда затесалось в мир бытия и остается в нем совершенно инородным, одиноким, бесприютным существо, обреченным на крушение и гибель.

С точки зрения теории эволюции человек с его душой, разумом постепенно развился из какой-нибудь амебы и протоплазмы. Это все равно как если бы мы сказали, что круг постепенно развился из треугольника или точки, а машина — из гайки. Теория эволюции — это наивная мифология. Человек не может развиться из того, что в принципе ему чуждо, он возникает совсем из другого источника. Можно даже сказать, что он не возникает, а в определенном смысле всегда есть. И если человек чувствует себя одиноким перед лицом холодного и равнодушного к нему космоса, если он в нем беззащитный скиталец, то это лишь значит, что он имеет родину совсем в иной сфере реальности.

Об этом, например, свидетельствует само рождение и первые младенческие годы существования человека. Удивительные строчки посвятил В. Розанов только что появившемуся на свет младенцу. Маленький человек явственно обнаруживает бездонную тайну своего происхождения. Младенец — это не только сияние жизни, не только свежесть и чистота, которую мы утрачиваем с годами, но это еще явление той единственно бесспорной безгрешности, какую на земле знает и испытывает человек. Мало сказать, что младенец невинен, ни в чем не виновен и камень. Младенец обладает положительной невинностью — в нем есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости. Дом, не имеющий детей, мрачен и темен, он освещается и освящается детьми. Понимающий человеческую природу, не может смотреть на младенца без слез, без «переполненного сердца» (Гете).

Откуда же это странное волнение в нас? Глядя на дитя, считает Розанов, мы и в себе пробуждаем видение «миров иных», только что оставленных этим человечком, чувствуем свежесть, яркость и святость этих миров.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — философ, писатель, богослов, литературный критик, человек огромной эрудиции .и удивительного чувства юмора»Уже с 4-го класса гимназии обнаружил склонность к философствованию — под влиянием прочитанных книг построил систему доказательств в пользу счастья как верховной идеи человека. Однако позднее, окончив университет, резко разошелся с традициями академического философствования и создал свой, уникальный жанр размышлений о мире и человеке — сплав афоризма, интимного письма, публицистической статьи.

Основные произведения: «В мире неясного и нерешенного», «Опавшие листья», «В темных религиозных лучах», «Апокалипсис нашего времени».

Умер от голода в Сергиевом Посаде. Его могила, рядом с могилой К. Леонтьева в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры, была уничтожена, надгробие восстановлено лишь недавно. Сейчас его сочинения издаются и переиздаются очень активно.

Младенец — это «выявленная мысль Божия». Около младенца всякая взрослая добродетель является ограниченной, почти ничтожной, и человек, чем дальше отходит от момента рождения, тем больше «темнеет».

В раннем детстве почти все обладают по крайней мере задатками гениальных способностей: поражает память, непосредственная яркость и свежесть восприятия, удивительное чутье маленького человека по отношению к окружающим. Это все как бы врождено ребенку. Его изначальная одаренность действительно представляется даром свыше, а потом ее уже невозможно специально удержать никаким воспитанием и обучением. В сиянии младенца, пишет Розанов, есть глубинная святость, словно влага, еще не сбежавшая с его ресниц. А потом мы, став взрослыми, вспоминаем свое гениальное детство, свою память, свои способности к языкам и думаем: а был ли действительно тот мальчик (или девочка)? Ведь взрослому человеку так трудно выучить хотя бы один иностранный язык, так трудно «расшевелить» свое воображение, так быстро все забывается. Трудно поверить, что когда-то в детстве мы все были гениями, по крайней мере в наших задатках.

НИЦШЕ О СУПЕРШИМПАНЗЕ

В массе своей, считал Ф. Ницше, человек вообще еще не возник, в массе своей он еще остается супершимпанзе. Именно «супер», потому что в сравнении с обезьяной он более умный, более хитрый, более ловкий, но все равно он — обезьяна. Естественный отбор действительно способствует выживанию, но отнюдь не самых лучших и самых значительных особей. В результате естественного отбора никакого прогресса не происходит. Все яркое, красивое, талантливое вызывает зависть или даже ненависть и погибает — это особенно характерно для общества, но и в природе творится то же самое. Яркие люди, сильные и смелые, всегда идут вперед, не боятся рисковать жизнью и потому чаще всего рано сходят со сцены истории.

Единственными представителями истинной человечности являются, согласно Ницше, лишь философы, художники и святые. Только им удалось вырваться из животного мира и жить целиком человеческими интересами. Расстояние между обычным человеком (супершимпанзе) и обезьяной гораздо меньше, чем между ним же и истинным человеком.

Ницше говорит о философах или художниках, конечно, не в профессиональном плане. Мол, получил философское образование и уже стал человеком.

Философ у Ницше — это тот, кто живет философски, обдумывает свою жизнь, предвидит последствия всех своих поступков, сам выбирает свой жизненный путь, не оглядываясь на стандарты и стереотипы. Так же и художник — это не только артист или писатель, это человек, который все, что бы он ни делал, делает мастерски, все у него получается добротно и красиво. Святой же — это, по определению, человек, ибо он совершенно избавился от страстей, от жадности, эгоизма, полон любви и сострадания.

К сожалению, большинство людей это слишком люди, слишком заземленные, слишком погруженные в свои мелочные дела и заботы, в то время как они должны стремиться к сверхчеловеческому, к тем сверхчеловеческим (в смысле — не животным) качествам, которыми обладают философы или святые. Люди чаще всего похожи на незаконченные эскизы прекрасных картин, где все взывает: придите, помогите, завершите, соедините! Они как бы еще не произошли и существуют, как истинные люди, только потенциально.

Но каким образом жизнь отдельного человека может иметь высшую ценность и глубочайшее значение? При каких условиях она не растрачивается даром? Надо, считает Ницше, чтобы человек смотрел на себя как на неудавшееся произведение природы, но вместе с тем как на свидетельство величайших намерений этой художницы. Каждый должен сказать себе: на этот раз ей не удалось, но я буду стараться, чтобы когда-нибудь у нее это получилось. Я буду работать над воспитанием в себе философа, художника и святого.

МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК

Когда мы говорим о человеке — кого мы имеем в виду? Александра Македонского или Ньютона, русского или француза, крестьянина или ремесленника, мужчину или женщину, взрослого или ребенка?

Можно сказать» что человек — это все жившие когда-то и живущие сейчас люди. Но часто люди убивают других людей» то есть отказывают им в нраве быть людьми» один человек относится к другому или к другим как к существам низшего рода» считая их винтиками для осуществления своих замыслов» пушечным мясом для ведения войны и т. д.

Да и во многих так часто прорывается жуткое животное начало» такая беспощадная злоба и ненависть» что про них можно подумать: люди ли это? Часто сами условия существования заставляют человека подавлять в себе человеческие качества, прятать их, постоянно изменять своей природе. «Во всех стихиях человек — палач, предатель или узник» — писал Пушкин.

Человек — это существо, которое не всегда соответствует своему понятию.

Может быть, спрашивая или рассуждая о человеке, мы имеем в виду самих себя? Но что в нас такого, что дает нам право говорить о себе как о человеке? Что делает нас человеком? Нужно признаться, что у нас нет разумных оснований считать себя человеком. Говорят: я состоялся как физик или как изобретатель, но никто не говорит: я состоялся как человек. Древние говорили: состояться как человек — значит построить дом, написать книгу, вырастить дерево. Но масса людей этого не сделала. Можно ли отказать им в том, что они люди?

Когда вы знакомитесь с другим человеком, что вас интересует прежде всего? Его человеческие качества или та роль, то место, которое он занимает в обществе, т. е. социальные характеристики? Боюсь, что больше последнее. Человек как бы «исчезает» в современной цивилизации. И это исчезновение ставит проблему человека с новой силой. Ни в одну эпоху взгляды на происхождение и сущность Человека не были столь ненадежными, неопределенными и многообразными, как в нашу. За последние десять тысяч лет истории наша эпоха — первая, когда человек стал совершенен но проблематичен. Он больше не знает, что он такое, но в то же время знает, что он этого не знает.

«Что за химера человек? — восклицал Паскаль в своих знаменитых «Мыслях». — Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Кто распутает этот клубок? ...Узнай же, гордый человек, что ты — парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека...»

Человек — превосходнейшее из созданий. И тем не менее люди себя оценивают то слишком высоко, то слишком низко. Еще древнегреческий мыслитель Эпиктет призывал: «Выше голову, свободные люди!» А другие говорят: «Опусти свои глаза к земле, ты, жалкий червь, и смотри на животных, своих сотоварищей».

Кто же все-таки человек и с кем его можно сравнивать — с Богом или животными?

Человек окружен со всех сторон пугающей бесконечностью: с одной стороны Вселенная, в которой Земля — крохотная точка, а человек — вообще исчезающе малая величина. С другой стороны, бесконечность внутри мельчайшего атома, бесконечность природы вглубь. И человек стоит между двумя безднами — бесконечностью и ничтожностью — и трепещет при виде этих чудес.

Блез Паскаль (1623—1662) — французский религиозный философ, писатель, математик, физик. После весьма плодотворной деятельности, в области точных наук (любой школьник знает о вкладе Паскаля в физику и математику) он разочаровался в них и обратился к проблеме человека. Первым предложил нетрадиционные, нерационалистические формы познания человека, первым отличил «мысль сердца» от «мысли рассудка». Его учение о человеке оказало

большое влияние на мыслителей XIX века, в частности на Достоевского.

Но человек намного значительнее этих двух бесконечностей, ибо хоть он и песчинка в космосе, хрупкий тростник, но тростник мыслящий. Не нужно тяжести всей Вселенной, пишет Паскаль, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть Вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что он умирает, и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает.

Итак, заключает Паскаль, все наше достоинство в мысли. Вот в чем наше величие, а не в пространстве и во времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить, как должно.

ДВЕ ЭПОХИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

М. Бубер в своей книге «Проблема человека различает в истории человеческого духа эпохи обустроенности и бездомности. В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной, как дома, в эпоху бездомности — как в диком поле, где и колышка для палатки не найти. Так, в античности человек мыслится находящимся в мире, мир же в человеке не находится. Человек — просто часть мира, вещь наряду с другими вещами, вид наряду с другими видами. Человек — обладатель собственного угла в мироздании — не в самых верхних его этажах, но и не в нижних, скорее где-то в средних, вполне сносных по условиям проживания.

Мартин Бубер (1878—1965) — известный еврейский философ, в творчестве его соединились опыт религиозной жизни и современное философское мышление. Основная тема его произведений — человек в своих взаимоотношениях с Богом и миром. Бубер — прекрасный писатель, и его серьезные философские работы читаются, как художественные произведения. Большой друг Льва Шестова. Главные труды: «Я и Ты», «Два образа веры», «Проблема человека».

С крушением античности молодая христианская религия подчеркнула распадение бывшей цельности мира. Теперь он — арена борьбы двух противоположных сил, двух царств — Света и Тьмы, Бога и Дьявола. Человек больше не может быть вещью среди вещей, не

может иметь твердого места во Вселенной. Составленный из души и тела, он принадлежит обоим царствам, будучи одновременно полем битвы и трофеем в ней.

Первым философом, почувствовавшим бездомность и свое одиночество посреди высших и низших сил, был Августин (354—430 гг. н. э.). С его точки зрения, человек — это великая тайна. Он сам не знает, кто он, чего в нем больше — божественного или дьявольского. Августин упрекал людей, которые восхищаются высокими горами, морскими волнами и свечением звезд, но не удивляются самим себе. Удивляться надо не тому, что человек вещь среди других вещей, а тому, что он ни на одну вещь не похож, что он вообще не находится в ряду вещей.

Когда же христианская религия окрепла и широко распространилась, она построила новый дом, новый христианский космос, с райским садом и девятью кругами ада. Этот мир был совершенно реальным для средневекового человека.

Человек в таком мире перестает быть проблемой, он занимает положенное ему место он обустроен, ему спокойно и тепло. Он больше не мучается вопросом, которым терзался Августин: кто я такой и откуда пришел?

Стены этого дома рухнули под ударами Коперника. Беспредельность надвинулась вдруг со всех сторон, и человек оказался в мире, устрашающая реальность которого не позволяла видеть в нем прежний дом. В этом мире человек вновь стал беззащитным, хотя на первых порах разделял восторг Джордано Бруно перед его величием, а потом восторг Кеплера перед его математической гармонией. Но уже Паскаль увидел не только величие звездного неба, но и его жуткую загадочность, испытал испуг перед вечным молчанием бесконечного пространства.

Распад прежнего образа Вселенной и кризис ее надежности повлек за собой и новые вопросы со стороны беззащитного, бездомного и потому проблематичного для самого себя человека,

Наука и философия последующих веков стала создавать новый образ Вселенной, но не новый дом. Стоит только всерьез принять идею бесконечности, считает Бубер, и нового дома уже не выстроить. Даже концепция замкнутого мирового пространства Эйнштейна никоим

образом не поможет: это совсем иная замкнутость, иная конечность, которая уже не рождает ощущение вселенского дома.

Такая концепция мира ставит крест на самых заветных стремлениях души, она противоречит всем ее надеждам и представлениям — этот новый космос можно помыслить, но нельзя себе представить. А человек, который его помыслил, уже не жилец в нем. Постепенно человечество вообще стало отрекаться от идеи построения дома, оно все больше становится бездомным, заброшенным в этот мир, покинутым. И вновь и вновь у него возникают вопросы о собственной природе, о своей истинной родине и путях ее поиска.

Человек, оставшийся один на один с миром, который сделался для него чужим, ищет то, что не включено в этот мир, ищет Бога, с которым он может общаться, в котором деется встретить опору и поддержку. Но каждую следующую эпоху, пишет Бубер, одиночество все холоднее и суровее, а спастись от него все труднее. Человеку придется найти силы и смысл своего существования в себе самом.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

У человека есть две жизни: одна, в которой мы подобны заведенным автоматам, приспосабливаясь к окружающему миру и обществу; и вторая, в которую мы впадаем в те редкие минуты или дни своего бытия, когда творим, когда любим, когда делаем добро. С точки зрения философии это и есть истинная жизнь — здесь мы радуемся, волнуемся, глубоко переживаем, здесь мы полностью бодрствуем. Однако все эти вещи: добро, любовь, красота, ум, совесть, честь — являются сверхъестественными, потому что не имеют никаких естественных причин. Нельзя спросить человека, почему он сделал добро (ибо если есть причина — «ядов человека, потому что он богатый и меня отблагодарит», то нет доброго поступка), нельзя спросить о том, почему, по какой причине он любит другого человека (ибо если есть причина, то нет любви — «я люблю ее, потому что она красивая», но ведь есть тысячи более красивых).

Добро, как и любовь, не нуждается в объяснении, а зло нуждается в объяснений: любой наш нехороший поступок надо объяснять и оправдывать. Мы всегда ищем причины только для бесчестия, для

измены, для зла. Но если злые поступки мы часто совершаем автоматически, так же как автоматически в голову приходит только глупость (а чтобы пришла умная мысль, надо сильно постараться), то добро, честь, любовь, ум сами по себе не случаются, не совершаются в автоматическом режиме.

Как писал Мераб Мамардашвили, все эти вещи живут в той мере, в какой возобновляются человеческим усилием, живут только на волне этого усилия. Вообще ничто человеческое не может пребывать само по себе, а должно постоянно возобновляться Даже закон — его нельзя установить, а потом забыть и думать о нем: ведь его существование целиком покоится на существовании достаточно большого количества людей, которые его понимают, нуждаются в Нем, как неотъемлемом элементе своего существования, и готовы идти на смерть для того, чтобы закон был.

Мераб Константинович Мамардашвили (1930 — 1990) — российский Сократ. Очень не любил писать, при жизни вышло только три книги. Постоянно выступал с циклами лекций по философии в МГУ, во ВГИКе, Институте психологии. На них в 60—80-х годах сходилась вся интеллектуальная Москва. Лекции, которые он читал спокойно и деловито, попыхивая трубкой, записывались на пленку, сохранялись, размножались, ходили по рукам.

Мамардашвили читал лекции во многих университетах мира, причем всегда на языке принимавшей его страны, был знаком со многими мыслителями Запада. Он никогда не боялся говорить о том, что думает, и был образцом честности и искренности в мышлении. Умер в пути, в московском аэропорту.

В настоящее время готовится довольно объемное собрание его сочинений, разные издательства с удовольствием выпускают отдельные его работы: «Картезианские размышления», «Лекции о Прусте», «Как я понимаю философию».

Никакой свободы не будет, если нет людей, которым свобода нужна и которые готовы за нее драться.

Сам человек не существует как какая-то данность, как предмет, как стол или стул; человека вообще нет как чего-то неизменного, постоянного, наличного; человек — это стремление быть человеком. Нет стремления — нет человека.

В то же время в человеке; даже пребывающем в другом, напряженном режиме бытия — в любви, творчестве, — не прекращаются натуральные процессы, сам он продолжает жить в этом мире, заниматься обыденными и повседневными вещами. И в этом смысле человек распят, по выражению Мамардашвили, между двумя мирами. Эта распятость предполагает напряжение: если есть человек, есть и некоторое напряженное держание в себе сразу двух миров, напряженное усилие держать, будучи природным существом, что-то неприродное, искусственное, покоящееся на весьма хрупких основаниях.

Хрупких потому, что искусственные, основания человека никогда целиком не реализуются в естественном мире — в нем нет в чистом виде ни совести, ни добра, ни красоты. И тем не менее вся жизнь человека сопряжена с ними. Но быть абсолютно добрым — бесконечная задача, так же как быть абсолютно мудрым. А человек конечен. Ему жизни не хватит на достижение этих совершенств, и тем не менее он к ним стремится. Стремиться к тому, на что не хватит жизни, это и есть человеческое предназначение. Это стремление и есть то, что можно назвать бессмертной душой.

Назначение человека еще и в том, чтобы оставить свой след, чтобы его деда и мысли вошли необходимой частью в состав этого мира. А это возможно только в том случае, если я живу свою жизнь. Потому что в мире уже все сказано, все сделано, все написано, в этом мире нет для меня места, остается только повторять то, что уже было, как и делает большинство людей. Жить своей жизнью — значит найти то незаполненное место, которое оставлено для меня.

Я должен все понять сам, как будто до меня этого никто не понимал. От того, как я пойму, что увижу или узнаю, зависят мои дальнейшие отношения с миром. Понять — значит найти свое место в мире, ибо мое понимание становится составной частью мира. Нет знаний вообще, они всегда должны быть кем-то поняты; прогресс знаний в том, чти другой понял иначе. Когда я пытаюсь понять, найти свою уникальную позицию, свое место, то я начинаю жить своей жизнью и в то же время жизнью мира. Можно сказать, что в этом случае мир сам себя понимает. В этом смысле мое понимание — необходимая составная часть мира.

ЧТО ТАКОЕ Я?

Люди живут в более или менее одинаковых условиях — в условиях одной культуры, одних нравов и обычаев, одного языка.

Но люди все равно разные» непохожие друг на друга. Даже в одной семье двое детей вырастают разными, хотя воспитываются в совершенно одинаковых условиях. Что делает людей неповторимыми и уникальными?

Первое: особенности психического склада — темперамент, скорость психических реакций, сообразительность; все это дается человеку по наследству.

Второе: опыт детства и воспоминания о детстве — у каждого ребенка свой опыт детства, свои переживания, каждому по-своему открывался мир, каждый по-своему переживал свои детские страхи, неудачи или радости.

Опыт детства накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Возможно, все наши таланты и способности заложены в родительской любви. Ребенок, который с детства чувствует эту любовь, живет в атмосфере любви, всю свою жизнь, словно броней, защищен от невзгод и напастей. У него, как правило, все получается в жизни. Наоборот, тот, кто вырос без любви, в холодной и суровой атмосфере равнодушия, — всю оставшуюся жизнь чувствует себя одиноким, даже если окружен семьей, жизнь у него складывается трудно и тяжело.

Воспоминания детства сопровождают человека до самой смерти и с годами часто не только не тускнеют, но становятся ярче. Очень старые люди с трудом вспоминают, что с ними было двадцать или тридцать лет назад, но хорошо, до мельчайших подробностей помнят свое детство.

Третье: особенности индивидуальной биографии — каждый живет свою жизнь, и все, что в ней случается, и то, как он к этому относится, — совершенно уникально.

Четвертое: противоречивость жизненных ролей. У каждого человека в жизни одновременно несколько ролей, которые он «играет». Например, школьник, когда он разговаривает с учителями, и особенно с директором школы, — это один человек, внимательный, почтительный, глаза его так и светятся знанием и усердием. Но стоит

ему выйти во двор, где его ждут друзья, он становится совершенно другим, он прыгает, кричит, пинает ногами жестяную банку, и даже выражение лица у него меняется. Третьим человеком он становится, приходя домой и разговаривая с родителями. Это не значит, что он каждый раз притворяется: каждый раз это он сам, но у каждого человека много лиц, вернее, много сторон его личности, много ролей. Часто эти роли даже противоречат друг другу и тем не менее образуют единый комплекс личности, у каждого совершенно своеобразный.

Все эти четыре момента делают каждого человека как личность неповторимым и уникальным. И эта уникальность выражается о понятии Я. Я у человека появляется с трех-четырех лет, когда он начинает понимать: есть я, а есть другие люди. До этого почти все дети говорят о себе в третьем лице. К десяти—двенадцати годам складывается образ Я, у каждого человека ость образ самого себя, сумма представлений о самом себе, и этот образ человек проносит через всю жизнь, исправляя его и дополняя. Как правило, это довольно симпатичный образ: каждый нормальный человек считает себя более или менее интересным, умным, способным, честным, добрым и т. д.

Самая страшная трагедия человеческой жизни — распадение образа, когда сам человек убеждается, соглашается, что он не добрый, не умный, что он, например, дурак или подлец. Как правило, жизнь после этого кажется конченой, и, действительно, человек в этом случае может даже убить себя.

Существуют механизмы защиты Я, которые действуют бессознательно, предохраняя личность от разрушения:

Механизм вытеснения — человек испытывает большое горе или столкнулся с чем-то необычайно страшным, его психика может не выдержать и разрушиться. Но срабатывает механизм, и человек либо теряет сознание, либо вдруг забывает о постигшем его несчастье.

Механизм инверсии, переворачивающий импульс на прямо противоположный. Так, у мальчиков в 12—13 лет просыпается половое чувство, но ребёнок не может это осознать. И чтобы избежать моральной травмы, психика переворачивает все отношения: мальчики начинают считать девочек своими первыми врагами и воюют с ними — дерутся, толкают, выбивают портфель из рук. На самом деле им девочки очень нравятся, но психика идет своим путем, сохраняя равновесие.

Механизм переориентации — психика бессознательно переключает эмоции с одного объекта на другой, более доступный. У школьника большие неприятности в классе и, придя домой расстроенным, он вымещает, свое раздражение на младшем брате или на любимой собаке. Говорят, в Японии на каждом заводе есть комната, где стоят чучела мастера и начальника цеха, на которых можно выместить свое раздражение...

Психика пользуется еще рядом подобных же механизмов для защиты своей целостности и баланса между двумя Я — внешним в внутренним.

Внешнее Я знакомится с людьми, учится в школе, набирается знаний, делает какие-то дела и совершает поступки. Внешнее Я — это совокупность знаний, правил действия, поведения, приемов мышления.

Внутреннее Я — это интимное, скрытое ядро личности: все наши мечты и надежды, воспоминания о первой любви, все наши страсти и желания, которые мы прячем глубоко в душе. Это то, о чем нельзя рассказать другому, передать в виде слов или знаков; человек часто и сам не знает, что в нем заложено. Когда-то философ Рене Декарт говорил: тот, кто сможет все рассказать о себе, тот опишет всю Вселенную. Но для простого смертного это задача невозможная. Для этого нужен талант. Любой роман, любая картина или симфония — это рассказ художника о себе. Внутреннее Я и делает нас личностью, без него мы только мыслящие машины.

СУЩНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ

Георгий Иванович Гурджиев (1877—1949) — философ, мистик. Он рано оставил семью и много путешествовал, был в Средней Азии, Иране, Египте, Сирии, Афганистане, Турции, долгие годы учась в самых разных духовных школах, братствах, монастырях, постигая там тайные учения восточной мудрости. Хорошо знал западную философию. В 1918 году в Тифлисе (нынешнем Тбилиси) открыл институт гармонического развития человека. Затем, уехав на Запад, купил имение во Франции, в Фонтенбло, где работал со своими учениками до самой смерти. Оставил несколько труднодоступных для понимания книг («Взгляд из реального мира», «Все и каждое» и др.) и

нескольких верных учеников, которые писали комментарии к его сочинениям.

Самым известным и тонким его комментатором считается русский философ, мистик и психолог Петр Демьянович Успенский.

Согласно Г. Гурджиеву, каждый человек имеет сущность и личность. Сущность — это характер человека, совокупность его самых простых реакций на других людей, то, что складывается с самого детства, и потом почти не меняется. Личность — это то, что мы получаем извне: знания, умения, правила жизни. Личность — это то в нас, что не наше.

У людей очень мало своего собственного. Все, что у них есть, большей частью взято от других: идеи, убеждения, взгляды.

У большинства людей сущность развивается до 12—15 лет, пока формируется характер, и потом останавливается в своем развитии. А личность может развиваться сколь угодно сильно. Человек заканчивает школу, университет, пишет книги, становится известным ученым, а в сущности своей он остановился в развитии уже давно, в сущности он остался наивным ребенком и ведет себя, как ребенок, в самых главных ситуациях своей жизни. Он ведет себя беспомощно и глупо, когда нужно принять важное решение относительно своей судьбы или судьбы близких, он верит политическим демагогам и проходимцам.

Личность имеет свои интересы и вкусы, ей нравится то, что не нравится сущности. Сущность знаёт, что она хочет, но не может выразить, человек часто и не подозревает о своем внутреннем Я; ему кажется, будто то, что он представляет из себя в обществе, его знания, его связи, — это и есть главное и единственное в нем. Он не подозревает, что все это взято напрокат.

Неразвитая сущность ведет к странным парадоксам, особенно характерным для XX века: можно быть великим ученым, крупными государственным деятелем, знаменитым артистом, но при этом негодяем и подлецом.

Но еще страшнее, если сущность умирает. Как личность человек еще живет, выступает с речами, издает книги, даже руководит страной, а в сущности своей он давно умер, у него даже глаза, как у мертвеца. И таких людей очень много. Если бы вы знали, писал Гурджиев, какое число мертвецов управляет нашими жизнями, вы бы сошли с ума от страха.

ПОПЫТКИ КЛАССИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Ученые и философы издавна замечали, что каждый человек относится по преимуществу к какому-нибудь определенному типу личности и всех людей можно условно разделить на различные типы.

Первую серьезную попытку классификации личностей предложил греческий врач Клавдий Гален во II в. н. э. Исследуя людей, он показал, что все они делятся по своему темпераменту на четыре типа: холерики, сангвиники, флегматики и меланхолики. Любого человека можно отнести к тому или другому типу.

Холерик — человек легко возбудимый, нервный, остро переживающий все, что с ним случается.

Меланхолик — всегда печален, угрюм, считает, что мир к нему несправедлив (типичный меланхолик — ослик Иа-Иа).

Флегматик — человек равнодушный ко всему, что случается вокруг. Он Погружен в себя, апатичен, как древний стоик, и ни во что хорошее не верит.

Сангвиник наиболее уравновешенный психический тип. В нем все соразмерно — и печаль, и радость, и апатия, и меланхолия. В чистом виде почти не бывает ни флегматиков, ни меланхоликов, но по преимуществу любой человек тяготеет к какому-нибудь одному типу.

Русский физиолог Иван Павлов делил всех людей на два типа: научный и художественный. Представитель первого — человек замкнутый, необщительный, погруженный в себя, ему Трудно знакомиться с новыми людьми. Художественный тип — полная противоположность научному: живой, общительный, яркий, эмоциональный, он друг всем, и все его друзья. Первый тип действительно чаще встречается в среде ученых, а второй — художников, артистов, хотя в любом человеке, чем бы он ни занимался, можно найти черты одного или другого типа. Но в целом это довольно упрощенное деление.

Более серьезное и детальное обоснование деления людей на разные психологические типы дал знаменитый швейцарский психиатр Карл Юнг. Одна из его книг так и называется «Психологические типы». Все люди, по мнению Юнга, делятся на две группы: экстравертов и интровертов.

Экстраверт характеризуется отзывчивостью и интересом ко всем внешним событиям: кричит кто-нибудь во дворе или идет где-нибудь в мире война. Он способен выносить любую суматоху и шум и находит в них удовольствие. Он все время хочет быть в центре внимания и даже согласен изображать из себя шута, над которым смеется весь класс, лишь бы не остаться в тени. Он заводит много друзей и знакомых, без особого разбора. Всегда любит быть рядом с каким-нибудь известным человеком, чтобы демонстрировать себя. У экстраверта нет секретов, он не может их хранить долго, поскольку всем делится с другими. Он живет в других и для других и боится любых размышлений о себе.

Ребенок-экстраверт очень рано приспосабливается к окружающей среде, он не боится никаких вещей и предметов, любит играть с ними и через это быстро обучается. Для него характерны бесстрашие, склонность к риску, его привлекает все неведомое и неизвестное. В то же время он не очень склонен к задумчивости, не любит одиночества.

Интроверт с самого детства задумчив, застенчив, боится всего неизвестного, внешние влияния обычно воспринимает с сильным сопротивлением. Ребенок-интроверт желает все делать по-своему и не подчиняется правилам, которые не может понять. Его реальный мир — внутренний. Он держится в отдалении от внешних событий, ему не по себе среди большого количества людей, в больших компаниях он чувствует себя одиноким и потерянным.

Такой человек обычно выглядит неловким, неуклюжим, зачастую нарочито сдержанным. Поскольку он мрачно-недоступен, на него часто обижаются. В его картине мира мало розовых красок, он сверхкритичен по отношению ко всему и в любом супе обнаружит волос.

Собственный мир интроверта — безопасная гавань, заботливо опекаемый и отгороженный сад, закрытый для публики и спрятанный от посторонних глаз. Главное удовольствие интроверт находит в уединенном и спокойном размышлении. Поэтому он часто добивается больших успехов в науке.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА

Философы все время сталкивались с невозможностью дать четкое определение человека. «Человек разумный» (homo sapiens), «человек

делающий» (homo faber), «человек играющий» (homo ludens); Маркс определял человека как животное, производящее орудия труда, Гегель — как двуногое млекопитающее с мягкой мочкой уха (в шутку, конечно), Ницше — как животное, умеющее обещать...

Окончательно и однозначно определить человека нельзя: слишком он многогранный, разносторонний в своих мыслях, делах и свершениях и ни под одно определение полностью не подходит, ни одним определением целиком не охватывается.

Определить его можно только отрицательно, через такие качества, которые несут в себе отрицание: несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость. Эти «не» свидетельствуют не об ограниченности или ущербности человеческой природы, а об ее исключительном характере, исключительном месте человека среди других предметов или явлений окружающего мира.

НЕСВОДИМОСТЬ

Человек несводим к своему биологическому виду: вырастет среди волков — станет по психике волком, среди обезьян — обезьяной. В отличие от животного, несводим он ни к климату, ни к пище — может жить почти везде, в любых географических условиях, приспосабливается к любой пище.

Можно говорить об абсолютной несводимости человека. Он никогда не совпадает ни с одной своей телесной или психологической особенностью, ни с профессией, ни с работой, ни с делом. Ни в одной вещи, которую он создает, он не выражает себя полностью, он всегда выше, значительнее любого своего дела и свершения.

Если он отождествил себя со своей профессией — он уже не человек в полном смысле слова. Его уже можно называть через дефис: человек-токарь, человек-банкир, человек-депутат. Замечательный английский писатель Олдос Хаксли написал в 1930-х годах роман «Прекрасный новый мир» — антиутопию, где описывается, как в будущем людей будут выращивать в пробирках, заранее программируя их особенности. В одной пробирке выращиваются солдаты, которые умеют бегать, целиться, стрелять и ходить строем, больше ничего; в другой — слесари, которые очень хорошо могут работать гаечным

ключом в правой руке, а в третьей — инженеры-строители, инженеры-электрики и т. д.

Может быть, наука в будущем и достигнет такого уровня, при котором можно будет клонировать (выводить определенную породу из человеческого материала), но только это будут уже не люди, а человекообразные роботы.

Человек это существо, которое постоянно переступает самое себя: чего бы он ни достиг, ему всегда мало, что бы он ни получил, ему всегда не хватает, он никогда до конца не осуществляется. Человек всегда пытается стать кем-то — ученым, художником, пожарником, вполне естественно пытается свести себя к конкретному виду деятельности или образу жизни., И только став кем-то по-настоящему, постигнув все тонкости, своей профессии, он начинает понимать, что дело не в том, чтобы стать кем-то, а в том, чтобы в любой профессии оставаться самим собой — человеком.

Если учитель только учитель это плохой учитель, если физик только физик — он плохой физик. Человек должен быть выше своей профессии, должен быть еще человеком, просто человеком.

А быть просто человеком очень трудно. Все стремятся к исключительности, к тому, чтобы быть лучше остальных, больше знать, больше уметь, все чувствуют себя такими сложными и многогранными, что быть просто человеком, вероятно, может только гений. Самые обыкновенные люди, заметил поэт Б. Пастернак, — это люди гениальные. Необыкновенны только люди посредственные — они все время стараются казаться непохожими на других, все время оригинальничают, все время пыжатся, но это как раз и выдает их посредственность.

Сущностью человека является ничто. Ни крокодил, ни обезьяна не могут быть другими — они уже миллионы лет не меняются, застыли в данной им природой форме и всегда делают одно и то же. Человек всегда меняется, всегда преодолевает свое сегодняшнее состояние. Он такое ничто, которое не есть что-то (законченное и ограниченное), а есть условие всякого что-то, которое позволяет человеку быть кем угодно, не совпадая ни с одной воплотившейся формой. Его ничто — это признак его универсальности, возможность свободы.

Для обозначения сути человека нет другого слова, кроме ничто, так как все положительные определения ограничивают эту суть.

Три типа отождествления (сводимости) человека мешают пониманию человеческой природы: отождествление себя с общественным положением, профессией, социальной ролью (об этом мы говорили выше); отождествление себя со своими потребностями, часто искусственными и излишними; и, наконец, отождествление себя с самим собой, со своим психологическим образом.

Человек очень часто отождествляет себя с тем, что имеет. Да и другие судят о нем на том же основании. Если у тебя «мерседес», то к тебе одно отношение, а если старый «Москвич», — то, разумеется, совсем другое. Чем больше у тебя вещей, тем более ты вырастаешь в собственных глазах и в глазах других. Постепенно человек сам к себе начинает относиться, как к вещи. Ему нет никакого дела до внутреннего богатства, его интересует только богатство внешнее. Однако чем больше внешнего, тем меньше внутреннего. Еще Эпикур заметил, что богатому живется плохо: все его мысли заняты тем, как приумножить богатство и как защитить его от воров.

Потребность много и вкусно есть, модно одеваться, безудержно потреблять произведения культуры — все это усыпляет человека, в лучшем случае заставляет его развивать ту небольшую часть ума, которая помогает лучше устроиться в жизни, достичь большего комфорта, больше заработать денег. Но на лишние деньги можно купить только лишние вещи.

Стремление ко внешним благам оборачивается отождествлением человека с этими благами, страхом их потерять и потеряться самому без них, постоянной ложью самому себе по поводу целей своей жизни, которая, в конечном счете, может обернуться полной бессмысленностью.

А. П. Чехов заметил в своих записных книжках: «Вы должны иметь приличных, хорошо одетых детей, а ваши дети тоже должны иметь хорошую квартиру и детей, а их дети тоже детей и хорошие квартиры, а для чего это — черт его знает».

Иметь или быть — этой дилемме посвящены многие исследования древних и современных философов. Конечно, лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Главное, чтобы за богатство не заплатить собственной душой. Бизнесмен-миллионер, герой, романа «И умереть некогда французского писателя Поля Виалара, опаздывает на самолет, который, едва взлетев, разбивается у

него на глазах. И бизнесмен решает числиться погибшим, начать жить; как простой человек, потому что ему надоела вечная погоня за прибылью, война с конкурентами, ежедневная деловая нервотрепка. Он, достав другие документы, устраивается работать таксистом, но незаметно для себя втягивается в предпринимательские дела, спекулирует на бирже, покупает все новые машины, становится владельцем целого гаража, потом другого, наконец оказывается таким же предпринимателем, каким был в начале книги. Он едет в аэропорт, поднимается в воздух — и самолет разбивается.

С точки зрения философии надо стремиться к простоте внешней жизни, отдавая всю свою энергию на внутреннее развитие своей личности, на приобретение внутреннего богатства — только в этом случае человек обретает истинное удовольствие и вкус к жизни, чувствует, что живет, а не является рабом вещей и обстоятельств. Как ни жалка твоя жизнь, считал американский философ Г. Торо, — не отстраняйся от нее и не проклинай ее. Она не так плоха, как ты сам. Она кажется всего беднее, когда ты богаче. Не хлопочи так усиленно о новом — ни о новых друзьях, ни о новых одеждах. Вещи не меняются, это мы меняемся.

Человек носит в себе образ себя самого — симпатичного, приятного, умного, интересного — и старается сохранить этот образ от разрушения. Это полезно для устойчивости психики, но одновременно делает невозможным честный, искренний взгляд на себя самого. Человек отождествляет себя со своим идеальным образом, но чаще всего ему не соответствует. Человек срастается со своим образом и не умеет дистанцировать себя от него — это тоже одна из форм сведения человека к чему-то ограниченному. Человек, проникнутый глубоким самоуважением, становится обидчивым и ревнивым — ему часто кажется, что его недостаточно ценят, что с ним недостаточно вежливы, что общество, в котором он живет, недостаточно хорошо для него. В глубине души он уверен, будто все в мире должно быть устроено так, чтобы делать ему приятное.

Такой человек вынужден постоянно лгать — не окружающим людям, а самому себе. Перестать лгать себе — это самое трудное дело. Трудно искренне посмотреть на себя и при. знать, что ты еще ничего истинно хорошего в этой жизни не сделал, не совершил ни одного самостоятельного поступка, к тебе в голову еще не пришла ни одна

собственная мысль, ты еще только в начале пути к самому себе. Помните, Ницше призывал смотреть на себя как на неудавшееся произведение природы?

Часто человек отождествляет себя со своей гражданской ролью, со своей социальной позицией. Если я считаю, что я и есть тот, о ком значится в моем паспорте, — Губин Валерий Дмитриевич и в моем удостоверении — профессор философии и этим исчерпывается мое существо как человека, как личности, то я нахожусь в глубоком заблуждении относительно моей собственной природы. Мое социальное Я — вовсе не весь я, оно — моя незначительная часть. Мало ли на свете профессоров философии, причем очень многие из них гораздо более известны, чем я. Но такого человека, как я, с моими чувствами, переживаниями, воспоминаниями, с моими надеждами и мечтами — больше в мире нет — это может сказать о себе каждый человек, если ему удается постоянно преодолевать свою идентификацию, свое отождествление с вещами, с профессиями, с должностями и с самим собой.

НЕПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Человек никогда не бывает абсолютно свободным, он постоянно зависит от тысячи факторов, обусловливающих его поведение. Он зависит от наследственности, от климата, от культуры, от государственного строя, от зарплаты, от семьи и т. д. и т. п. Пересечение этих зависимостей создает такой водоворот случайностей, предугадать которые просто невозможно. Человек может рассчитать движение планет на сотни лет вперед, но не знает, что с ним будет завтра. В результате этого незнания он часто бессилен предотвратить многие события своей, жизни.

В замечательном рассказе американского фантаста Рэя Бредбери «И грянул гром» герой поехал на машине времени в далекое прошлое охотиться на динозавров, но случайно раздавил бабочку. Когда он вернулся в свое время, там был уже не демократический строй, а. фашистская тирания. Бабочку не съел какой-то птенец и сдох с голоду, птенец не дал потомство, которое должно было уничтожить вредных гусениц и т. д., цепь случайностей росла и привела к изменению будущего.

Так же может случиться и с вами — вы не пошли на урок истории, а если бы пошли, то услышали бы такие интересные вещи по истории Древнего Рима и это так вас взволновало бы, что вы с этого момента твердо решили бы стать ученым-историком. И, став им, весьма существенно повлияли на всю историческую науку. А поскольку вы не пошли, то жизнь потекла совсем в другую сторону.

Правда, некоторые древние мыслители считали, что есть судьба: ходи или не ходи на историю, но если тебе на роду написано стать историком — будешь им. Но другие, более проницательные, считали, что судьба — это мы сами, наш характер, наша личность. Ничто, никакие события строго и однозначно не определяют нашу жизнь, если мы действительно живем, а не летаем по воле ветра, как перекати-поле. Мы зависим от многих вещей внешне, но мы не должны ни от чего зависеть внутренне. Если я хочу стать историком, если я твердо решил положить на это всю жизнь — я им стану и никакие внешние препятствия меня не остановят.

Мало ли причин влияет на меня, но если я живу, потому что решил так жить, то я — главная причина моего образа жизни, а не внешние обстоятельства.

В философии существует понятие «собранного человека», — собранного не в психологическом, а в философском смысле. Собранный человек — это тот, кто не имеет хвостов. Тот, кто все хвосты подобрал под себя и на них нельзя наступить, нельзя сделать ему больно. Обычно ведь у человека очень много выставленных Наружу хвостов: богатство — это хвост, только и думаешь, Как бы его не потерять: только и думаешь — вот придут рэкетиры и заставят платить; высокий пост — это хвост, чем выше залезешь, Тем больнее падать, масса людей тебе завидует, многие ненавидят и ждут, когда ты споткнешься; глупость — это хвост, да еще какой, всегда можешь попасть впросак, что-то сделав не так и при этом не подумав о последствиях. Как правило, таких хвостов очень много. Но у мудрого человека их вообще нет. Что бы ни случилось в мире — государственный переворот, финансовый кризис, социальные катаклизмы, — это его никак серьезно не коснется, он может этих потрясений даже не заметить.

Собранности трудно добиться еще и потому, что человеческая душа всегда «распылена» — часть своей души человек оставляет

работе, часть дому, часть общению с друзьями, часть рыбной ловле. В каждой из них ох всегда частичен, ограничен и односторонняя. А все удается и все получается только у собранного, у «полного», а не частичного человека. Нужно всегда полностью присутствовать во всем и везде — на работе, в семье, в любви и даже на рыбалке. Нельзя работать наполовину, так же как нельзя полюбить на пятьдесят процентов. Только полностью присутствующему здесь и теперь человеку открывается красота мира, любовь и собственная судьба.

В древнеиндийской книге «Бхагавадгита» говорится: «Кто не собран, не может правильно мыслить, у него нет творческой силы. У кого нет творческой силы — нет мира, а если нет мира, откуда быть счастью?»

Когда я просто человек, когда я в стихии человечности, когда я чувствую и понимаю, что я — ничто, что учитель» физик, поэт, пожарник — это только мои спецификации, мои внешние занятия, то я ничем не предопределен, я свободен.

Я свободен не от чего-то, не тогда, когда могу что-либо не делать, а когда я не могу не делать, я не могу. Помните в философии Канта: я здесь стою и не могу иначе?! Пусть я погибну, пусть земля разверзнется, а я долг выполню, потому что я человек и ни от чего не завишу, ничем не предопределен, кроме собственного слова. Выполню потому, что я свободен. Свободен не только от чего-то, но главное — свободен для того дела, которое только я могу выполнить.

— Свободным именуешь ты себя? — спрашивал Ницше в своем знаменитом произведении «Так говорил Заратустра». — Лучше властную мысль свою покажи мне, а что мне в том, что ты бежал из-под какого-то ярма? Из тех ли ты, которым дозволено сбросить с себя ярмо? Много есть таких, которые, отбросив свое подчинение, отбросили с ним, и последнюю свою ценность. Свободен от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но пусть мне ответит свет очей твоих: свободен для чего?»

НЕЗАМЕНИМОСТЬ И НЕПОВТОРИМОСТЬ

Незаменимость человека прежде всего выражается в том, что он должен найти свое дело, ради которого он пришел в мир. У каждого человека есть такое дело, которое, кроме него, никто не сделает, А если

не сделает, то во Вселенной так и будет пустое место, дыра, не заполненная ничьим трудом, ничьим усилием. Это дело может быть любым — от открытия новых физических законов до вбивания гвоздя. Вбивать гвоздь, писал Г. Торо, надо так прочно, чтобы, и проснувшись среди ночи, можно было думать о своей работе с удовольствием, чтобы не стыдно было за такой работой взывать к музе. Каждый вбитый гвоздь должен быть заклепкой в машине Вселенной.

Проблема в том, чтобы найти такое дело, найти такое место, встав на которое можно занять свой уникальную, неповторимую позицию. Надо «втиснуться» в этот застывший слипшийся мир, где все места уже заняты, раздвинуть его глыбы. Если я не пытаюсь найти свое место, значит, я занимаю чужое, повторяю уже известные мысли и делаю то, что могут делать многие. И тогда я не отвечаю своему человеческому назначению, потому что человеческое назначение в том, чтобы оставить свой след на земле, свою заклепку в машине Вселенной.

Ведь все мысли, все идеи и все дела были когда-то кем-то впервые высказаны, впервые сделаны. И эти, впервые сделавшие или выдумавшие люди принимали участие в творении мира, благодаря им мир продолжается. Но если я не буду продолжать его существование своим незаменимым делом, своей собственной позицией — мир может кончиться.

Если все будут повторять чужие дела и чужие мысли, не тратя собственного сердца, не пытаясь участвовать в творении мира, то он рухнет.

Ницше считал, что христианство — это сказки, выдумки, ерунда в той мере, в какой оно не вырастает из души каждого. Вера в Христа не имеет никакого значения, если ты не породил заново образ Христа в своем сердце. Вся цивилизация построена на песке, поскольку не порождена, не воссоздается оригинальными и неповторимыми усилиями каждого человека. Все это, по Ницше, рухнет, поскольку ни на чем не основано. Ни на чем не основано — значит, не порождено каждым внутри себя. А устойчиво только то, что порождено каждым. И ведь действительно рухнуло! Прежде всего в самой цивилизованной стране — Германии; следовательно, это фундаментальное качество человеческого существования, на котором и благодаря которому держится весь мир, создаваемый человеком.

Точно также обстоит дело и с неповторимостью. Это особенно хорошо видно на примере великих людей. Если бы Наполеон погиб в самом начале своей карьеры, в 1796 году на Аркольском мосту, то история Франции наверняка была бы иной. Наполеон своим неповторимым военным и политическим гением существенно изменил облик Франции и даже характер французского народа. И никто в те десятилетия не смог бы сделать ничего подобного.

Никто бы не написал за Шекспира его пьес и сонетов, никто бы вместо Пушкина не создал «Евгения Онегина» или «Бориса Году, нова». Но точно так же любой человек, хотя и не создал ничего великого в культуре или политике, тем не менее может сказать о своей жизни: «Я чувствовал и переживал так, как никто еще не переживал и не чувствовал, и мои переживания, мое понимание мира так же дополняют Вселенную, как переживания Шекспира или Пушкина: без меня мир был бы беднее, был бы незавершенным».

Любая жизнь достойна, пусть внешне незаметная и неинтересная, если человек проживает ее как свою жизнь, никого не копирует, ничему не подражает, а просто живет самобытно, живет, как сказал Мартин Хайдеггер, в стихии своей четырехугольности: сохраняя для себя землю, небо, смертное и божественное, тем самым развертывая себя четырехкратно — в спасении земли, в вос-приятии неба, в провожании смертного и в ожидании божественного.

Если бы кто спросил Александра Македонского, что он умеет делать, тот бы ответил — подчинять мир своей власти; Сократ на тот же вопрос ответил бы, что умеет жить, как подобает людям, т. е. в соответствии с предписаниями природы, а для этого требуются более обширные, более глубокие и полезные познания. Ценность души определяется не способностью высоко возноситься, но способностью быть упорядоченным всегда и во всем.

Когда человек жалуется, что он сегодня за весь день Ничего не совершил, то ему можно ответить: «Как? А разве ты не жил! Просто жить — не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел»; а на сетование: «Если бы мне дали возможность участвовать в больших делах, я бы показал, на что способен», — Монтень возражал: «А сумел ли ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то уже совершил величайшее благо». Природа одна и та же на любом уровне бытия, и человек не нуждается в какой-

то особой счастливой доле, чтобы показать себя и проявить в деяниях: не надо сочинять умные книги, достаточно разумно вести себя в повседневности, не надо выигрывать битвы, достаточно наводить порядок и устанавливать мир в обычных наших обстоятельствах. Лучшее творчество, по Монтеню, — жить согласно разуму. Все прочее — царствовать, накоплять богатства, строить, — все это дополнения и довески. Лишь мелкие люди, которых подавляет любая деятельность, не умеют из нее выпутаться, не могут ни отойти на время от дел, ни вернуться к ним.

И интересный парадокс: чем более оригинален и неповторим человек, тем он нам ближе и понятнее. Потому что в самой потаенной глубине своей сущности мы все одинаковы. Но только в самой глубине, там, где мы становимся не поэтами или писателями, не полководцами или учеными, не русскими или японцами — а просто людьми, людьми, живущими в стихии человечности. Нам понятны переживания японского поэта XIII века, а японцам близок и понятен Чехов. Там, где человек достиг глубины общечеловеческого, прорвался через свою национальную или социальную ограниченность, — там он понятен и близок всем живущим. Чем более неповторим, тем более близок, тем более похож на нас; на нас таких, какими мы мечтаем стать.

НЕВЫРАЗИМОСТЬ

Объяснить нечто можно лишь через другое — свет через длину волны, звук — через частоту колебаний. Но как объяснить, что такое человек? Поскольку он несводим ни к чему — ни к вещам, ни к теориям, ни к идеям, ни к нервным или физическим процессам, то объяснить, выразить его через другое невозможно. Человека нельзя изучать объективно, как некий внешний предмет.

Существуют всевозможные тесты, выделяющие характер и склонности человека. Но

только при условии, что он будет отвечать на вопросы честно и искренне. А если он будет валять дурака, нарочно говорить всякие глупости, фантазировать?

Человека можно познать и описать только косвенно, прежде всего по продуктам его творчества: если писатель пытается рассказать о

себе, то получается художественное произведение, так же как музыка любого композитора — тоже попытка такого рассказа. Человек хочет выразить себя самого, свою Сущность, но поскольку она не сводима ни к словам, ни к нотам, ни к картинам, то полного выражения никогда не получается. Человек пытается познать себя, движется в глубь себя, и это движение по вертикали всегда откладывается на плоскости в виде книги картины или теории.

Нам очень много известно о человеке благодаря науке, философии, искусству» Но он все равно продолжает оставаться для нас непостижимой тайной. Не загадкой, которую мыв конце концов разгадаем, а «явственной тайной», по выражению Гете. Мы знаем, как на биохимическом уровне зарождается жизнь, как устроена клетка, как связаны белок и нуклеиновые кислоты; но зарождение жизни, появление нового человека — всегда непостижимое чудо. Оно не сводится ни к белку, ни к нуклеиновым кислотам.

Мы знаем, как работает мозг, с какой скоростью от клетки к клетке мозга идут электрохимические реакции, но мы не знаем и, видимо, никогда не узнаем, как приходит в голову мысль. Если бы мы это знали, то мы все стали бы гениями.

Любая самая точная и самая тонкая теория, изучающая человека как вещь, как организм, как функцию, так же соответствует его сущности, как, по словам Гете, «хорошо сколоченный крест соответствует живому телу, на нем распинаемому».

Самое главное и самое глубокое всегда остается невыразимым и неуловимым в человеке. «Всегда останется нечто, — писал Достоевский, — что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки; с тем вы и умрете, не передав никому, может быть, самого-то главного из вашей идеи».

Познание самих себя, разгадывание этой вечной загадки и составляет основное содержание человеческой истории и культуры. Если мы эту загадку разгадаем, то вся наша история закончится. Не будет смысла продолжать ее дальше.

КАТЕГОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Основные категории бытия человека, определяющие его жизнь, — это прежде всего свобода, поиски смысла жизни, творчество, любовь,

счастье, вера, смерть. О свободе и поисках смысла жизни мы уже говорили; теперь рассмотрим остальные категории нашей жизни.

ЛЮБОВЬ

Любовь — самый верный свидетель моего существования. Как пел В. Высоцкий;

Я дышу, и значит — я люблю!

Я люблю, и значит — я живу!

С точки зрения философии то, что я кого-нибудь люблю, объясняется не предметом любви, а моей способностью любить. Больше никакими причинами объяснить возникновение любви нельзя. Например, я люблю этою человека, потому что он (она) очень красивый. Но есть тысячи более красивых людей, почему я остановился именно на этом? Я люблю, потому что он умный. Но разве за это любят? Я люблю его, потому что он богатый,— это уже совсем несерьезная причина для любви.

Любят не за что-то; любят, потому что любят. Для любви нет причин, как нет причин для добрых поступков, нет причин для совести. А когда есть такие причины, то ни любви, ни совести уже нет. Хотя психологически любовь всегда объясняется конкретными причинами, и любящий искренне верит в то, что его избранник — самый красивый или самый умный.

Человек делает добро, поступает по совести не потому, что преследует какую-нибудь конкретную цель, а потому, что он добр, совестлив и не может жить иначе. Человек любит потому, что не может не любить, даже когда обнаруживает, что любимый на самом деле не обладает особыми достоинствами. Любящий видит в любимом то, чего не видят другие, чего весь мир не видит. Человека невозможно познать никакими тестами, никакими опросами и исследованиями. Но есть одно безошибочное средство узнать человека — надо его полюбить.

Иногда можно услышать, как один юноша говорит другому: «За что ты ее полюбил, она ведь такая некрасивая». На что другой мог бы ответить: ты слеп, у тебя нет глаз, которыми ты можешь увидеть ее божественную красоту, которая открыта мне.

В своей основе любовь есть религиозное восприятие человека, видение в нем божественного начала.

Любовь в этом мире встречается очень редко. Согласно древнему мифу об андрогине, раньше человек был одновременно мужчиной и женщиной. Потом Бог разорвал его на две половинки и бросил в разные стороны. И они с тех пор ищут друг друга. Когда найдут, возникает любовь. Но попробуй найти! Многие, почти все, верят, что любят или любили, но они лишь убедили себя в этом, на самом деле чаще всего это имитация любви. Философ Владимир Соловьев считал, что любовь для человека — то же, что разум для животного, т. е. пока только неопределенная возможность.

Любовь встречается редко еще и потому, что люди боятся любви, так как это — постоянная забота и тревога за любимого человека, постоянная ответственность. Любовь не совпадает со счастьем в будничном смысле этого слова.

Любовь — очень парадоксальная вещь. Во-первых, она возникает тогда, когда любить нельзя, развивается, преодолевая различные, препятствия. Вся художественная литература построена на описании этого конфликта — любовь Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Вронского и Карениной. Не только в литературе, но и в жизни любовь всегда развивается в борьбе с внешними обстоятельствами, с судьбой, обществом.

Отсюда второй парадокс — любовь всегда связана со смертью: или оттого, что препятствия для ее осуществления оказываются непреодолимыми; или любящий осознает, как хрупко и недолговечно его чувство; или когда он остро переживает то, как он живет, дышит, радуется жизни и потому своим главным врагом считает небытие, распад, смерть. Андрей Болконский перед своей кончиной думает, что только любовь может противостоять смерти, только любовь является ее действительной соперницей и может спасти человека. Ибо жизнь, как таковая, осуществляемая в смене поколений, бессмертна.

Воспитывать — значит пробуждать способность любить. Труд жизни начинается с труда души, с любви, а уже потом идет труд ума и труд рук. Ребенку можно дать все, если одарить его любящей душой, и лишить всего, если не развивать его способность сердцем стремиться к сердцу человека. Чтобы делать добро — надо приложить душевный труд, большую силу, и эта сила — любовь к людям, причем ко всем без исключения.

Обычно говорят, что всех любить невозможно, что есть люди недостойные. Тем не менее надо прежде всего учить любви: научится человек любить людей, тогда ему будет что и кого любить. И уж потом он сам сможет ненавидеть тех, кто хочет погубить любимое и дорогое ему.

Если проповедовать выборочную любовь (этих можно любить, они хорошие, а этих не надо), то постепенно можно прийти к выводу что у всех людей есть недостатки, все в чем-то плохие и любить не надо никого.

Исключительная роль в понимании и утверждении смысла любви принадлежит христианской религии. Согласно ей, Бог есть любовь, любовь вообще, чистая любовь, поднимаясь к которой человек начинает жить в атмосфере любви и становится способным к любому конкретному ее проявлению — может полюбить человека, животное, природу.

В Новом завете говорится: «...всякий любящий рожден от Бога и знает Бога; Кто не I любит, тот не познал Бога...» (I Ин 4, 7—8), Религиозная, христианская суть любви не имеет ничего общего с рационалистическим требованием всеобщего равенства и альтруизма, которое постоянно вновь и вновь возрождалось во многих идейных течениях — от софистов пятого века до коммунистического Интернационала. Нельзя любить как человечество вообще, так и человека вообще — можно любить только данного, отдельного, индивидуального человека во всей конкретности его образа. Любящая мать любит каждого своего ребенка в отдельности, любит то, что есть единственного, несравнимого в каждом из ее детей.

Любовь может лишь несовершенно и частично реализовываться в мире, оставаться для многих только путеводной звездой. И тем не менее если душа узнала, что любовь есть оздоровляющая, благодатствующая сила Божия, то, как писал С. Франк, «никакое глумление слепцов, безумцев и преступников, никакая холодная жизненная мудрость, никакие приманки ложных идеалов — идолов — не могут поколебать ее, истребить в ней это знание «Спасительной истины».

Понимание того, что человек без любви — жалкое неполноценное существо, не постигающее смысла своего существования, выражено в словах апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и

ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (I Кор 13,1—2).

ТВОРЧЕСТВО

Когда мы говорим о творчестве, то прежде всего имеем в виду великих людей — писателей, художников, ученых. Однако каждый человек занимается в своей жизни творчеством, — когда пытается не просто выполнить механически свою работу, но и внести в нее что-то от себя, в чем-то ее усовершенствовать. Везде, где цель деятельности рождается из глубины человеческого духа, имеет место творчество. Везде, где человек работаете любовью, вкусом и вдохновением, он становится Мастером.

Творчество, считал Бердяев, выдает гениальную природу человека — каждый человек гениален; а соединение гениальности и таланта создает гения. Можно не быть гением, но быть гениальным. Гениальной может быть любовь матери к ребенку, мучительные поиски смысла жизни. Гениальность — это прежде всего внутреннее творчество, самотворчество, превращение себя в человека, способного к любому конкретному виду творчества. Только такое первотворчество есть исток и основа любой творческой деятельности.

Перед людьми издавна вставал вопрос: откуда берется новое, новая идея, новая мысль? Ведь новая мысль не складывается из суммы старых, иначе вообще не было бы проблемы творчества, каждый мог бы творить походя новые идеи; Был в истории философии «парадокс Сократа — Платона»: чтобы прийти к новой мысли, надо ее уже каким-то образом знать, иначе неизвестно — куда идти и что искать. Но как можно что-то знать, чего еще никто не знал и ты сам не знаешь?

Можно сколько угодно перебирать знания, полученные в школе и вычитанные из книг, — ничего нового не создашь. Нужно самому измениться. Нужно стать способным к творчеству, научиться все время удивляться миру, все время видеть тайны и проблемы там, где другой ничего подобного не видит. Творчество — это образ жизни.

Увидеть что-либо впервые чрезвычайно трудно. Потому что наши знания, образование, привычки все сейчас же объясняют, сейчас же переводят в привычные штампы. Мы видим, как идет первый снег за окном, он пошел вдруг, хотя его ждали давно, и, вместо того чтобы поразиться тому, как большие белые хлопья медленно, словно танцуя, падают в вечернем темнеющем воздухе, мы говорим: «Что тут удивительного? Это просто циклон принес холодный воздух со Скандинавского полуострова!»

Однако с такого удивленного видения и начинается творчество. Так Рафаэль увидел Мадонну, а Кеплеру «открылась бездна звезд полна», так Эйнштейн увидел искривляющуюся Вселенную. Это же удивление водило кистью Тициана и Рублева, это же изумление перед миром слышится в музыке Бетховена и Шнитке»

Недаром философы вслед за поэтом Батюшковым различают «память рассудка» и «память сердца». Память сердца — это достигшие глубины души впечатления о том, как мы действительно увидели что-то в мире сами. «Того не приобресть, что сердцем не дано», — писал другой поэт, Евгений Баратынский. Сердце здесь понимается, конечно; не в анатомическом смысле.

Каждый ребенок в детстве, в пору формирования личности, должен что-то «увидеть» — не важно что, важно, чтобы увиденное глубоко запало ему в душу, в память сердца, чтобы произошло «прикосновение» к миру и родилось изумление перед ним. Это может быть солнце, пробивающееся через кроны деревьев, или полная луна в бездонном весеннем небе. Помните, как у Толстого в «Войне и мире»: «Соня! Соня! ...Ну как можно спать? Да ты посмотри, что за прелесть?! Ведь этакой прелестной ночи почти никогда, никогда не бывало... Нет, ты посмотри, что за луна?!»

В философии такое видение, такое открытие мира называется созерцанием. Созерцание — это смотрение умом, всей душой, всей человеческой сущностью. С него всегда начинается творчество. Если его нет — значит, что-то не состоялось в этом человеке, недозавершилось, осталась пустота, на которую не могут опереться ни интеллект, ни чувства.

Если у человека никогда не было переживания удивительной новизны, свежести и бездонной неисчерпаемости мира, то он остается один на один с собой, со скудным набором правил жизни, с

постепенно крепнущим убеждением, что жизнь скучна, уныла, однообразии и не имеет никакого внутреннего смысла.

СЧАСТЬЕ

Ницше говорил, что мудрый человек не обязан быть счастливым — если человек знает, зачем он живет,; ему не важно, как он живет. Но большинству людей, особенно в юном возрасте, такие рассуждения покажутся чересчур суровыми, чересчур пессимистичными. Как это нет счастья, когда каждый день приносит столько радости? А сколько радостей, сколько счастья нас ожидает впереди! Никто не знает точно, что такое счастье, и разные люди понимают его по-разному. Наиболее распространенная точка зрения подменяет счастье удовольствием. Удовольствие — это имитация счастья. Самым крайним видом такого счастья является наркотическое опьянение: человек полностью отрешен от мира, полностью растворен в чистом удовольствии, он абсолютно счастлив и доволен, и больше ничего ему в данный момент не нужно. Правда, потом наступит очень тяжелое похмелье, тяжкие страдания, но сейчас он об этом не думает.

Очень многие отождествляют счастье с полным удовлетворением своих потребностей: у них все есть, они богато живут, им легко доступны физические и духовные удовольствия — что еще надо для счастья? Невероятно богатый царь Крез спросил древнегреческого мудреца Солона, одного из первых философов, видел ли тот когда-нибудь счастливого человека. На что Солон ответил, что не видел и что вообще видеть счастливого человека нельзя. «Но ведь я перед тобой, — возмутился Крез. — Я самый счастливый, потому что я самый богатый». Но Солон ответил, что об этом еще рано судить, так как Крез еще жив. Действительно, вскоре на Креза напали враги, разгромили и разграбили его государство и убили его самого.

Греки считали, что лишь смерть придает жизни законченный вид. Жизнь должна завершиться, и тогда можно ответить, счастлив ли был человек. А пока она продолжается, сказать этого нельзя.

Некоторые люди связывают свое представление о счастье с карьерой — для них настоящее счастье иметь власть, управлять другими людьми, все время быть на виду. Но, как показывает жизнь, власть быстро развращает и опустошает человека.

Ни забвение, ни наслаждение, ни удовлетворение всех потребностей, ни власть не приносят, видимо, настоящего счастья; они дают лишь имитацию счастливой жизни, после которой быстро наступает пресыщение и разочарование.

Единственно возможный вид счастья — это жизнь в согласии с самим собой, без страха, без напрасных надежд и мечтаний, в спокойном и ясном видении проблем и невзгод. Счастье — это внутренняя умиротворенность, когда вместо страха и забот жизнь проникнута пониманием святости каждой прожитой минуты, святости и красоты окружающего мира, которые отражаются в душе.

Счастье возможно только сейчас, в эту минуту, в настоящем. Но обычно мы никогда не задерживаемся в настоящем, утверждал Паскаль. Мы вспоминаем прошлое, мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг. Мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит. Мы так легкомысленны, считал Паскаль, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от единственно существующего в действительности. Это потому, что настоящее обычно нас ранит. Мы его прячем с глаз долой, потому что оно нас удручает, а если оно нам приятно, то жалеем, что оно ускользает. Мы пытаемся удержать его в будущем и предполагаем распоряжаться такими вещами, которые отнюдь не в нашей власти, в том времени, до которого мы вовсе не обязательно доживем

Все наши мысли заняты прошлым или будущим. Настоящее никогда не бывает нашей целью. Таким образом, мы вообще никогда не живем, но лишь собираемся жить и постоянно надеемся на счастье, но никогда не добиваемся его, считал Паскаль.

Пока человек не нашел ничего святого в своей жизни, ничего имеющего глубину, его жизнь поверхностна. Он может быть счастлив — жениться, иметь детей, хороший дом и деньги, быть умным и удачливым. Но его жизнь будет лишена того аромата мудрости и спокойствия, без которого все похоже на тень.

Замечательный индийский мудрец Джадду Кришнамурти, умерший в 1980-х годах в очень преклонном возрасте, говорил, обращаясь к школьникам 10—12 лет, что основой правильной и счастливой жизни является образование, реальное образование. Быть

реально образованным, говорил он, означает не приспосабливаться к обществу, не имитировать, не делать того, что делают миллионы. Если вы чувствуете, что вам нравится делать нечто — делайте. Но будьте готовы к тому, что делаете,— даже к ссорам, ненависти, антагонизмам, разделениям между народами, войнам — если вам действительно нравится жить таким образом. Если вы принимаете весь этот беспорядок, хаос вокруг вас, то вы — часть этого хаоса, и нет никаких проблем. Но если вы скажете: я не хочу жить так, то тогда вы должны найти другой путь. Приспосабливаться к тому, что есть, приказывает не разум, а хитрость.

Вы должны быть образованны в каждом отрезке вашей жизни — внешне и внутренне. Это означает, что внутренне вы должны избавиться от страха. Понимание того, что такое страх, делает наш разум интеллигентным. Эта интеллигентность показывает, как жить правильно в этом мире.

Страх — это величайшая, может быть, самая великая проблема. Вы должны понять ее в целом, чтобы избавиться от страха. Ты говоришь: я боюсь неизвестного, боюсь завтрашнего дня, будущего. Почему ты вообще думаешь о завтрашнем дне? Потому что отец, мать, соседи всегда спрашивают, что будет, с тобой завтра? И ты попадаешь в эту же ловушку. Действительно, все вокруг вроде бы страшно.

Но как ты можешь знать, что будет с тобой через двадцать лет? Пока ты молод — живи, радуйся и не думай о будущем. Если ты теперь живешь без страха, то потом, когда вырастешь, кем бы ты ни стал — садовником, поваром или еще кем-нибудь — ты все равно будешь счастлив.

Мы никогда не обучаемся, просто большое; количество информации закладывается в нашу голову, и мы развиваем только малую часть ума, которая помогает нам зарабатывать деньги. Это похоже на культивирование одного уголка огромного поля, в то время как все остальное зарастает сорняками.

Истинная любовь родителей к своим детям, считает Кришнамурти, — в желании, чтобы они не приспосабливались слепо к требованиям, чтобы они обучались, а не имитировали истинное обучение. Если бы родители действительно любили своих детей, не было бы войн.

ВЕРА

Уже известный нам С. Франк определял веру как возможность сверхчувственного опыта. Но возможен ли такой опыт? Например, слушая прекрасное музыкальное произведение, человек, одаренный музыкальным чувством, слышит, кроме самих звуков и их сочетаний, еще что-то другое, что можно назвать музыкальной красотой. Как бы позади звуков и сквозь них мы воспринимаем еще нечто невысказанное, о чем в словах можно дать только слабый, несовершенный намек. Звуки воспринимает наше ухо, а то невысказанное, о чем они говорят, воспринимает непосредственно наша душа.

То же мы испытываем, наслаждаясь живой прелестью человеческого лица. Видимая форма здесь именно потому прекрасна, что воспринимается как совершенное выражение некой таинственно незримой и все же воочию нам предстоящей реальности.

Звуки музыки, слова лирического стихотворения, образы пластических искусств, природы или человеческого лица, добрые поступки пробуждают в нашем сердце что-то иное, говорят нам о чем-то далеком, непосредственно недоступном, смутно различаемом; нашей, души достигает весть о чем-то потустороннем, запредельном. До нашей души, согласно Франку, доходит голос как бы издалека, говорящий о некоем лучшем, высшем мире. Совершенно несущественно, называем ли мы это голосом совести или голосом Бога — это только два разных названия одного и того же. Важно лишь то, что мы испытываем в интимной глубине нашего сердца живое присутствие и действие некоей силы, о которой мы непосредственно знаем, что это сила высшего порядка, что нашей души достигла некая весть издалека, из иной области бытия, чем привычный, будничный мир.

Таким образом, и эстетический, и нравственный опыт связаны с опытом религиозным. Но поскольку человек в большей степени чувственное существо, внимание которого, как правило, приковано к видимому осязаемому, то все незримое и неощущаемое склонно ускользать от него. Конечно, для глухих нет красоты в музыке, а для слепых — в живописи, однако гораздо больше людей не глухих, но и

не музыкальных, не слепых, но и не воспринимающих красоту зритель рых образов, не ощущающих поэзию.

Для очень большого числа людей сверхчувственный опыт — пустой звук. Но даже люди, которым он доступен, часто не улавливают присущего ему сверхчувственного характера.

Можно наслаждаться красотой и при этом воображать, что красота исчерпывается приятными эмоциями, Можно верить в Бога, но сомневаться в религиозном опыте, считать его иллюзией, чем-то призрачным, что только пригрезилось. Ведь Бог — не каменная стена, о которую можно, не заметив ее, разбить голову и в которой поэтому нельзя сомневаться. Он есть реальность незримая, открывающаяся только глубинам духа.

Вера есть воля открывать душу навстречу истине, прислушиваться к тихому, не всегда различимому «голосу Божию» подобно тому как мы иногда среди оглушающего шума прислушиваемся к доносящейся издалека тихой мелодии. Это поля заставляет нас пристально вглядываться в ту незримую и в этом смысле темную глубь нашей души, где тлеет «искорка», и в этой искорке увидеть луч, исходящий от самого солнца духовного бытия.

Обычно под верой понимается некое своеобразное духовное состояние, в котором человек согласен признавать, утверждать как истину нечто, что само по себе не очевидно, для чего нельзя привести убедительных оснований, и поэтому возможно сомнение и отрицание того, во что веришь.

Если принять такое определение, то останется непонятным — как возможно верить, для чего это нужно? Верить в недостоверное означает либо обнаруживать легкомыслие, либо уговаривать, убеждать себя самого в том, что, собственно, остается сомнительным. Здесь абсолютизируется некое состояние искусственной загипнотиэированности сознания.

Вся наша жизнь, по Франку, основана на такой вере — мы ложимся спать и верим, что ночь сменится днем, что мы проснемся и что проснемся именно мы. Но доказать этого мы не можем. На каждом шагу мы руководствуемся верой в неизменность того, что называем законами природы, однако эта неизменность ничем не гарантирована, и наша вера в нее есть именно слепая вера. Чаще всего в приведенных случаях речь идет о вероятности, а не о необходимости.

У религиозных фанатиков вера является актом послушания, покорного доверия к авторитету. Вера же, по своей сущности, — это не слепое доверие, а непосредственная достоверность, прямое усмотрение истины. Подлинная вера основана на откровении — на самообнаружении Бога, на Его собственном явлении нашей душе, на Его собственном голосе, нам говорящем. Тот, кто слышит голос Божий, и имеет — хотя бы на краткий миг — веру-достоверность.

Вера в своем первичном существовании есть не мысль, не убеждение в существовании трансцендентного личного Бога как такового, а некое внутреннее состояние духа, живая полнота сердца, подобная свободной радостной игре сил в душе ребенка.

И это состояние духа определено чувством нашей неразрывной связи с родственной нам божественной стихией бесконечной любви, с неисчерпаемой сокровищницей добра, покоя, блаженства, святости.

Она открывается лишь нерасколотой целостности нашей жизни — «целомудрию», тому «детскому» в нас, по сравнению с чем все «умное» и «сведущее» означает уже несовершенство. Это живое, интимно-внутреннее всеединство души называется сердцем и в этом смысле Божество, полагает Франк, доступно только «сердцу». «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога». Здесь о сердце говорится в том же смысле, как и выше, когда мы говорили о разнице между «памятью рассудка» и «памятью сердца».

Жить в вере, таким образом, значит жить в постоянном напряжении всех своих сил, жить сердцем, для которого любой предмет, любая внешняя данность открывается в своей несказанности, значительности, таинственной глубине. Вера — это когда сердце горит, объятое силой, которая по своей значительности и ценности с очевидностью воспринимается как нечто высшее и большее, чем «я» сам.

Когда человек достигает внутреннего преображения, духовной просветленности через усилия веры, то ему открывается реальность, которая по своей очевидности, ошеломляющей силе красоты и мудрости так захватывает и потрясает человека, что любые эмпирические факты его существования, все радости и невзгоды повседневной жизни кажутся чем-то случайным и совершенно неважным. Состояние веры отличается от состояния повседневной

озабоченности, как поэтическое вдохновение — от физически тяжелого и бессмысленного труда.

СМЕРТЬ

Смерть — важнейший фактор человеческого существования. Только вглядываясь в лицо смерти, мы начинаем любить жизнь. Если бы не было смерти, жизнь была бы бессмысленна. В древнегреческой мифологии самое страшное наказание, к которому боги могли приговорить человека» — это бессмертие. Что может быть страшнее бессмертия, хотя в тысячах книг, романов, трактатов бессмертие преподносилось как главная мечта человечества. Представьте себе, что вы бессмертны — уже умерли все ваши родственники и друзья, дети и дети ваших детей, вы все живете и живете абсолютно одинокими заброшенным в чуждые вам время и культуру.

Смерть, как и рождение, формирует границы человеческой жизни. Все, что вне этих границ, для человека не существует. Смерть сопровождает человека с момента его рождения. Какое бы время его жизни мы ни взяли, человек всегда достаточно зрел для того, чтобы умереть. Смерть представляет собой как бы тень человека, самую верную и привязчивую.

Человек в этом смысле — самое несчастное из животных, поскольку знает заранее о своей будущей смерти. Но в то же время это дает огромное преимущество человеку, поскольку смерти; организует человеческую жизнь, заставляет человека искать смысл и оправдывать перед самим собой свое существование.

Смерть — не конец, а венец жизни, она с самого начала присутствует в ней как упорядочивающий жизнь элемент.

Но человек в обыденной жизни живет так, как будто он бессмертен. Он старается не думать о смерти, всячески отгоняет мысли о ней или же полагает, что смерть где-то очень далеко от него.

Мудрецы же с древних времен говорили: «Помни о смерти! Для чего нужно помнить о смерти? Разумеется, не для того, чтобы отравлять себе жизнь и постоянно мучиться страхом. Помнить о смерти — значит каждый день жить так, как будто это последний день твоей жизни, ведь он и в самом деле может оказаться последним. Предполагается, что хоть последний свой день даже дурной человек

постарается; прожить по-человечески — не лгать, не воровать, не убивать.

Смерть, по мнению известного танатолога (танатология — наука о смерти) В. Стрелкова, —фундаментальное, свидетельство нашего «неодиночества». Мы всегда находимся под ее пристальным взглядом, ощущая ее присутствие, ее реальность за каждым поворотом, мы не позволяем себе распускаться, поддерживая себя на уровне, превышающем тот, к которому склоняет нас наша животная природа, разумеется, это тяжкая ноша. Осознание смертности требует от нас немалого усилия.

Смерть предполагает высший уровень ответственности. Лишить человека его конечности — означает, помимо всего прочего, устранить эту ответственность.

Человек, будучи конечным существом, отличается от всех животных тем, что прилагает к своей конечности масштаб безусловного и бесконечного. Он должен жить так, как если бы впереди его ожидала вечность, только не в обыденном смысле, когда человек просто не думает о смерти, а в том смысле, что он брал и будет брать на себя задачи, для выполнения которых заведомо не хватит жизни. В этом смысле он, творя, любя, делая добро, прорывается в вечность, побеждает смерть.

Многие бравшие на себя такие бесконечные задачи остались жить в вечности в прямом смысле этого слова. Сократ, Эпикур, Ницше, Пушкин гораздо более живые, чем многие ныне здравствующие наши современники. Любой из этих мыслителей мог бы сказать словами Владимира Соловьева:

...Средь суеты случайной,

В потоке мутном жизненных тревог,

Владеешь ты всерадостною тайной: Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

СОЗНАНИЕ, МЫСЛЬ, ЯЗЫК

ЧТО ТАКОЕ СОЗНАНИЕ?

Сознание — поразительный феномен Вселенной. В сознании величайшая сила человека и величайшая печаль: печаль в том, что мы в отличие от животных знаем о своей будущей смерти. Благодаря сознанию («иметь сознание» — значит «быть со знанием») мы знаем, как многообразен и бесконечен мир, и понимаем, как мы слабы и как мало можем знать. Как говорили древние: «во многом знании многие печали».

Сознание часто мешает нам: представьте себе, что вы быстро бежите вниз по лестнице, бежите, автоматически переставляя ноги, но стоит сознанию вмешаться, стоит вам подумать: «как это я бегу и безошибочно, не глядя, попадаю на нужную ступеньку?» — и вы тут же споткнетесь и даже можете упасть. Спасаясь от злой собаки, вы можете перемахнуть через высокий забор, но, если сознание вмешается в этот момент, оно вам скажет, что через этот забор перепрыгнуть нельзя, это слишком высоко — и вы не перепрыгнете.

И в то же время сознание — великая сила, оно дает человеку второй мир — идеальный мир. Прежде чем что-то сделать, человек сначала мысленно представляет себе это дело и его последствия. У нас есть много таких идеальных моделей действий, ощущений, моделей вкуса, запаха, с помощью которых мы ориентируемся в мире.

Например, на четвертом или пятом уроке вы можете отчетливо представить себе, как пахнет горячий свежий хлеб; так отчетливо, что потекут слюнки. У вас в сознании есть идеальная модель запаха свежего хлеба. Есть модель зубной боли: можно ведь представить себе, как болит зуб, да так явственно, что он действительно может заболеть. Есть модель боли от укола иглы или от удара током, и поскольку у вас есть такая модель, вы стараетесь пальцы в розетку не совать.

Любое ваше действие вы сначала проигрываете в своей голове, а уже потом что-то предпринимаете. Любую цель и любые последствия

вы сначала стараетесь представить наглядно — как, например, будет выглядеть лицо вашей матери, когда вы скажете ей о том, что ее приглашают в школу для разговора о ваших успехах, как будет выглядеть ракета, которую вы собираетесь сколотить из досок для полета на луну, и т. д.

У каждого из нас есть идеальный образ, идеальная модель человека вообще, и потому, когда мы идем по улице, мы не вглядываемся в каждого встретившегося нам прохожего. Но если из-за угла выйдет кто-нибудь с тремя головами — мы насторожимся, ибо это не соответствует нашему идеальному образу.

Но есть и более «серьезные» модели — модель атома, с которой вы познакомились на уроке физики, модель Вселенной, модель электрического напряжения, структурная модель любого органического вещества (бензольного кольца, например); вообще, все законы науки — это идеальные модели. Таким образом, у каждого человека есть огромное количество таких идеальных моделей (действия» ощущения окружающего мира и т. д.) — все это в совокупности составляет идеальный мир, с помощью которого мы ориентируемся в окружающем материальном мире, можем внедриться в него, раздвинуть его, увидеть его сущность, которая никаким иным образом, кроме как через наши идеальные модели, не дана. У столяра есть боль-шой набор идеальных моделей табуреток, столов, оконных рам. У химика — идеальные модели химических реакций, соединений, валентности и т. д.

И представления древнегреческого философа Демокрита о том, что в мире есть по сути только атомы и пустота, и представления современной физики об атомарной структуре мира — это идеальные модели, помогающие нам что-то понять в хаосе природных явлений.

Сознание позволяет нам восстанавливать прошлое, которое уже ни в каком виде не существует, и предвосхищать будущее. Человеческое существование невозможно без памяти, без фантазии.

Сознание — это чувства, эмоции, память, воля, фантазия (воображение), мышление. Первые пять составляющих образуют то, что называется психикой.

Это чисто человеческое качество, хотя чувства, память и воля есть и у животных. Орел видит гораздо дальше человека, но человек видит гораздо больше орла; у орла такое зрение, что он может читать газету,

которую держит человек в окне противоположного дома; но орел никогда газету читать не будет, его интересует только то, что можно схватить и съесть. Человек видит все не только глазом — видит всем своим сознанием, видит воображением, видит мыслью.

Точно так же почти все высшие животные слышат во много раз тоньше, чем человек, чуют малейшие шорохи за многие десятки метров. Но человек слышит гораздо больше — врач слушает легкие больного и очень много может сказать о его болезни, механик слушает, как работает мотор, и может точно определить, что с ним случилось. В сыроваренной промышленности есть специалисты, которые слушают сыр. Сыр, если он созрел, тихо потрескивает, но услышать это может только специалист высокого класса.

Человеческое сознание, следовательно, — это удивительный и нигде больше в природе не встречающийся феномен, свидетельствующий об исключительности человека. Можно без преувеличения сказать, что сознание — это таинственный и могущественный дар человечеству. Непонятно только, чей это дар — Бога, природы или каких-то случайных мутаций, произошедших в человеческом организме.

МЫСЛЯТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?

Животные, особенно высшие, близко стоящие к человеку на эволюционной лестнице, проявляют чудеса сообразительности, заставляющие подозревать, что они обладают сознанием. Когда-то Декарт в шутку писал, что обезьяны умеют говорить, но скрывают это, чтобы их не заставили работать. Собаки в лаборатории физиолога Павлова различали 16- и 18-гранник, обезьяны выдерживали сложнейшие тесты на сообразительность. Интересен факт: обезьяна открывала края, пила воду, мыла руки и лицо, но ни одну обезьяну не смогли научить закрывать кран. С точки зрения обезьяны, это, видимо, совершенно бессмысленное занятие.

Фантастической проницательностью, недоступной для человека, обладают коты. Когда сибирский крестьянин ушел на войну, на следующий день ушел в лес его кот. Через четыре года кот вдруг вернулся и на следующий день пришел с войны хозяин.

Дельфины часто ведут себя так, словно обладают сознанием — легко дрессируются, быстро научаются понимать словесные команды и даже спасают тонущего человека.

Пчела подлетает к улью и исполняет над ним в воздухе очень сложный танец, глядя на который остальные пчелы знают, куда им лететь, где находятся нужные им для сбора меда растения.

Можно сказать, что разум, сознание являются как бы потенциальной, до конца не проявленной возможностью мира насекомых, птиц, животных. И только у человека она раскрывается в полной мере, и человек начинает жить прежде всего разумом. Его чувства гораздо слабее, чем у животных, но такая интенсивность ему и не нужна. Волк чувствует волчицу по запаху за несколько километров — человеку такой нос ни к чему. Зато его чувства гораздо более избирательны и усилены мыслью.

Мы слышим в узком диапазоне частот (не слышим, к примеру, ультразвука); мы видим в очень узком диапазоне спектра (не видим в инфракрасном и ультрафиолетовом свете) — но мы изобрели с помощью своего разума такие приборы, которые слышат и видят там, где бессильны человечески» глаза и уши. Когда человеку нужно было летать, у него не выросли крылья — он изобрел самолет.

Однако человек на самом деле унаследовал все богатство животных чувств, просто ему в нормальном состоянии они не нужны потому как бы приглушены, подавлены. Хотя есть люди, у которых они развиты точно так же, как и у животных (как правило, хотя и необязательно, это люди с подавленным или несколько расстроенным разумом). Речь идет о так называемых экстрасенсах, то есть о сверхчувствительных людях.

Много лет назад о них был снят фильм «Семь шагов за горизонт», там есть кадры, на которых человек о завязанными глазами ведет машину по улица, а рядом о ним другой человек смотрит на дорогу, положив руку на спину водителю. И тот, чувствуя спиной мельчайшие движения мускулов на руке (когда нужно поворачивать, смотрящий непроизвольно подает рукой влево, нужно тормозить — рука подается назад и т. д.), довольно ловко ведет машину по улице.

Тот же фокус происходит на эстрадных представлениях экстрасенсов, когда кто-нибудь из зрителей прячет в зале мелкий предмет — булавку или запонку. Экстрасенс берет спрятавшего за руку

и довольно быстро подводит его к тому месту, где спрятана вещь. Он тоже чувствует мельчайшие движения руки, хотя утверждает, что будто читает мысли другого человека.

Среди экстрасенсов очень много шарлатанов, но есть люди, поражающие своими фантастическими и необъяснимыми способностями. Они могут диагностировать больного. Проводя близ его тела руками, они могут сказать, какой орган сейчас болит, и очень часто диагноз подтверждается.

Так что, хотя человек и далеко ушел от животных с помощью своего разума, все богатство чувств и эмоций животного мира живет в нем и, возможно, служит необходимой основой для развития сознания. Что касается животного мира, то относительно многих его представителей, видимо, можно говорить о наличии у них предсознания.

ТРИ СТОРОНЫ СОЗНАНИЯ

Можно выделить три стороны сознания: предметное сознание (то есть сознание, направленное на мир окружающих нас вещей, предметов, событий); самосознание (сознание, направленное на самого себя, все время осознающее самое себя как нечто иное, чем весь остальной мир); и сознание как поток непосредственных переживаний. Первые две стороны сознания относятся к тому, что в философии всегда называлось духом. Третья сторона часто называется хорошим и простым словом — душа.

В предметном сознании и самосознании мы имеем дело с идеями, понятиями, с моделями окружающего мира, с представлениями о самом себе (вспомните об образе самого себя у каждого человека). В духе человек возвышается над природой, создает второй идеальный мир, познает законы Вселенной и может на основании этих законов строить машины, возводить дома, посылать в космос ракеты.

Что касается души, то она занимается совсем другим делом. Душа, ее глубина и развитость делают человека живым. В принципе, познавать мир, развивать цивилизацию может и искусственный интеллект, мыслящая машина, И если бы человек не имел души, он и был бы такой машиной. Душа — нечто более значительное и глубокое

в человеке, чем дух. Дух (и предметное сознание, и самосознание) — словно листья и ветви дерева, душа — его корни.

В глубине человеческого сознания течет, словно невидимая и вечно изменчивая река, поток душевных переживаний. Душевная жизнь подобна мелодии, которая все время меняется от каждой новой ноты. Каждое новое впечатление откладывается в нашей душе изменяя весь ее настрой. Сознание никогда не возвращается в прошлые состояния, потому что тянет за собой все прошлое; все, что бы ни случилось с человеком, откладывается в его памяти, и, попадая в точно такую же ситуацию (приходя в один и тот же класс, к тем же самым ученикам и учителям, на те же уроки), человек каждый раз — уже другой, у него больше опыта, больше переживаний, больше впечатлений и т. д.

Поток душевных переживаний имеет свое внутреннее пространство и время, свои пространственные и временные горизонты, благодаря которым мы можем познавать пространство и время окружающего мира.

Например, каждое переживание имеет будущий и прошлый временной горизонт, то есть каждое переживание как бы «оттеняет» себя, бросает тень в прошлое и будущее. Мы слушаем музыку, и в каждый данный момент мы слышим только одну ноту или аккорд, но на самом деле слышим мелодию, потому что прозвучавшие звуки еще слышны каким-то образом в нашей душе, а те, которые вот-вот мы должны услышать, уже каким-то образом звучат. И потому все это связывается в единую мелодию.

Точно так же обстоит дело и с речью. Когда вы слушаете учителя, вы в каждый миг слышите один произносимый слог: но вы слышите речь, потому что еще звучат в сознании прошлые слова, и, когда учитель произносит первый слог, вы уже, как правило, знаете, какое слово он скажет. Иначе произносимые звуки не сливались бы для нас в осмысленную речь.

А что такое пространственные горизонты, хорошо понятно на примере того, как мы видим что-либо. Например, мы видим дом. На самом деле мы не можем видеть весь дом, потому что нет такой точки, с которой мы бы сделали это — мы всегда видим только переднюю стену и часть боковой; даже с вертолета мы видим только крышу и, может быть, одну из стен. Но мы видим дом, потому что наше

сознание автоматически достраивает невидимые глазу пространственные горизонты любой вещи.

Из этих механизмов психической работы нашего сознания вырастает понимание физического времени, геометрического пространства и т. д.

В простом акте зрения на переднем плене сознания стоит предмет нашего внимания, а весь задний план занят игрой душевной жизни. Различные мысленные образы, как и действительно воспринимаемые предметы, окружены роем воспоминаний, грез, настроений и чувств. Погружаясь в их поток, мы чувствуем, что живем, что это и есть подлинная жизнь.

Например, вы видите человека, котором любите, скажем свою бабушку. Вы видите не просто старого человека, знакомого вам с самого раннего детства, — ваша бабушка состоит из ваших первых радостей и печалей, из всех героев сказок, которые она вам читала долгими зимними вечерами, из неведомого вам Бога, которому в семье только бабушка что-то шепчет каждый вечер, ложась в кровать; из первых мыслей о смерти, связанных с бабушкиной старостью, и т. д. И все бабушкины вещи, даже после ее смерти, тоже полны ею — и старая швейная машинка, которую давно хотят выбросить, но все никак не решаются, и нелепое зеркало в пластмассовой оправе. Однажды оно попадается вам на глаза, вы дотрагиваетесь до него, и вдруг вновь всплывают в вашей памяти все счастливые минуты детства, все Иваны-царевичи. Кощеи Бессмертные, все ночные страхи, которые легко снимались прикосновением бабушкиной руки. Эта часть вашей, души, ушедшая в зеркало или в швейную машинку, вдруг ожила и разговаривает с вами. Быть в сознании — значит одушевлять мир и постоянно собирать свою душу из всех предметов, людей, событий, в которые ваша душа ушла. Душевная жизнь — это великая неизмеримая бездна, особая, в своем роде тоже бесконечная Вселенная, находящаяся в каком-то совсем ином измерении бытия, чем весь объективный пространственно-временной мир и мир идеальных предметностей. О мире души нельзя сказать ни где она находится, ни когда и как долго совершаются процессы ее жизни, ибо она везде и нигде, всегда и никогда — в том смысле, что все мерки вообще к ней неприменимы; наоборот, все ориентиры, все стереотипы восприятия

мира, мышления и поведения становятся возможными благодаря этому внутреннему интимному слою нашей жизни.

Этот вечно волнующийся океан переживаний, вечно текущий и постоянно изменяющийся поток, эта вечно звучащая мелодия нашей души и являются тем внутренним Я, о котором мы говорили в предшествующей главе. Только углубление в себя, постоянное соприкосновение с внутренним Я дает ощущение силы и жизненности существования, сбрасывает автоматизм и оцепенелость повседневного бытия, открывает такие красоты мироздания, о которых «объективный» поверхностный наблюдатель даже и не подозревает.

То, что называется человеком, есть нечто неизмеримо большее, чем просто частица мира или общества, — его закованный внешними рамками мир великих, потенциально бесконечных сил. Душевная жизнь уходит вглубь до бесконечности, еще Гераклит говорил, что границ души не отыскать, столь глубока ее мера. Признать это — значит не обожествить человека, но до некоторой степени уяснять себе его богоподобие.

Все, чем человек когда-то был или может стать, все, чем были его предки или будут его потомки, — потенциально есть в каждом миге душевной жизни. Она есть та потенциальная сверх временность, без которой немыслимы сознание и знание.

СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Зигмунд Фрейд (1856—1939) — австрийский врач психиатр, основоположник теории психоанализа, согласно которой причины нарушений психики надо искать в сознании больного, в его детских переживаниях, спрятанных в подсознании. Фрейд первым сформулировал принципы работы бессознательного, описал основные психологические комплексы и неврозы. Его влияние на культуру XX века было огромным: фрейдистские мотивы до сих пор широко распространены в философии, литературе, искусстве. Как сказал один немецкий философ, духовную ситуацию двадцатого века создали три человека: Маркс, Ницше и Фрейд.

Главные труды: «Я и Оно», «Тотем и табу», «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни, «Неудовлетворенность культурой».

Сознание — это не только предметное сознание, не только самосознание и поток душевных переживаний. Откроем теперь еще одну сторону или слой жизни сознания — бессознательное. Бессознательное — его огромный пласт психики, по своему объему значительно больший, чем вся сознательная жизнь, впервые бессознательное было открыто в начале XX века австрийским психиатром Зигмундом Фрейдом. В центре его открытия лежит так называемый Эдипов комплекс.

Древнегреческий миф об Эдипе говорит, что когда у царя Фив родился сын, то оракул предсказал, что, когда сын вырастет, он убьет своего отца и женится на матери. В ужасе царь приказал убить младенца, но слуга пожалел его и увез на другой остров. Эдип вырос, вернулся в Фивы, случайно встретил своего отца, которого, конечно, не узнал, и в случайной ссоре убил его. Потом совершил несколько подвигов, в частности освободил город от Сфинкса и в благодарность за это его мать Иокаста согласилась выйти за него замуж, не зная, что жених — ее сын. Боги сурово наказали Эдипа — когда он узнал правду, то в отчаянии выколол себе глаза, а его мать покончила с собой.

Этот сюжет оказался весьма привлекательным и для древнегреческой, и современной европейской литературы — написано много пьес и романов на эту тему. Интерес к ней, согласно Фрейду, был вызван тем, что Эдипов комплекс глубоко укоренен в психике любого человека — она так работает. Каждый ребенок в раннем возрасте бессознательно ревнует отца к матери и доже желает его смерти, естественно, не осознавая этого. По мере взросления этот странный комплекс почти у всех проходит, и лишь у некоторых принимает болезненные формы.

Фрейд рисует такую трехзвенную картину человеческой психики:

Первый, верхний этаж — сверхсознание.

Второй, средний этаж — сознание.

Третий, нижний этаж — бессознательное.

Сверхсознание — то, что дается индивиду обществом: правила поведения, родительские запреты и т. п.

Бессознательное — бездонный резервуар у нашей, биологической по своей природе, энергии: комплексы, страхи, неврозы, инстинкты. Среди инстинктов главное место занимает половой инстинкт.

Сознание — некоторая промежуточная часть психики. Снизу ее подпирают страсти и инстинкты, сверху — требования общества. Распустить свои инстинкты (половой инстинкт, страсть к насилию, агрессивность и др.) нельзя: общество не потерпит. Подавить их тоже нельзя — это приводит к нервным срывам, к неврозам, к психическим заболеваниям. Как хочешь, так и живи — между Сциллой и Харибдой.

Главный вывод Фрейда: человек никогда не может сам себя знать до конца. Бессознательное не просвечивается светом разума.

Это темный, бесконечно глубокий колодец, где чего только не намешано. Здесь и Эдипов комплекс, доставшийся нам в наследство от вашего животного состояния, здесь всевозможные страхи, которые мы приобрели в детстве. Ребенок испугался чего-то, постарался забыть, сознание забыло; но психика ничего не забывает, она просто вытеснила это переживание в бессознательную сферу, и оно там живет и часто терзает человека. Например, один человек боится находиться в закрытом помещении, другой, наоборот, боится открытого пространства, третий смертельно боится выезжать за границу.

Любой человек буквально напичкан равными комплексами и страхами: один, ложась спать, обязательно заглянет во все шкафы и под все диваны, другой не уснет, если не поставит тапочки под прямым углом друг к другу, третий, садясь в трамвай, обязательно два раза чихнет и один раз почешет левую ногу — и кто знает, какие переживания и стрессы случились с ним в детстве и выразились теперь в таком странном поведении.

Но это все — случаи безобидные, бывают и серьезные психические отклонения, справиться с которыми могут только специально обученные врачи — психоаналитики.

Наше бессознательное — мощный источник нашей энергии. Эта энергия может тратиться непосредственно на достижение разного рода приятных нам вещей, а может воплощаться в произведениях культуры, искусства. Любой художник именно в бессознательном черпает свое вдохновение, свою художественную силу.

Бессознательное может проявляться во сне, в оговорках, описках, в странной забывчивости. Человек говорит одно, а его бессознательное хочет другого, и рано или поздно человек проговаривается о своих истинных желаниях. Один человек не любит другого я постоянно забывает его фамилию, хотя они работают вместе двадцать лет. Или

вместо здравствуйте, товарищ Тимирязев!» говорит «здравствуйте, товарищ Тимирзяев!».

Фрейд приводит пример, когда одна дама, увидев другую в новой шляпе, говорит восхищенным голосом: «Эту прелестную шляпу вы конечно же сами обделали» (вместо «отделали»).

Психоанализ помогает человеку разобраться в самом себе, перестать быть марионеткой, которую собственные потаенные желания и комплексы тянут за ниточки, и она послушно дергается, не понимая цели и смысла своих поступков. Фрейд открыл такие глубины человеческой сущности, о которых не подозревала наука XIX века.

Фрейд даже утверждал, что такие социальные движения XX века, как фашизм и коммунизм, — это массовый психоз, что европейские общества нашего времени — это общества психически больные, нуждающиеся в лечении. Сам он попал в гитлеровский концлагерь и за большие деньги был выкуплен оттуда английской королевой.

КАКИЕ СНЫ СНИЛИСЬ КАРЛУ ЮНГУ?

Карл Густав Юнг (1875—1961) — швейцарский психиатр. поначалу ученик Фрейда, который пошел значительно дальше своего учителя, создав так называемую «глубинную (аналитическую) психологию», психологию коллективного бессознательного. Юнговская концепция бессознательного строится на глубоком и всестороннем анализе литературы, истории, мифологии и психопатологии.

Его работы по психологии, по анализу современной культуры и места человека в ней были настоящим откровением для многих людей, которые и сейчас Юнга считают не только ученым, но и неким духовным пророком.

Кроме «Психологических типов» на русский язык переведены сборники его работ «Архетип и символ», «Феномен духа в искусстве и науке», «Либидо, его метаморфозы и символы».

Швейцарский психиатр Карл Юнг перед первой мировой войной в течение нескольких недель видел один и тот же сон. Будто бы из земли проступает кровь и поднимается выше и выше, заливая все вокруг. Юнг бежит от этого потопа в горы, но море крови подходит и туда, и в нем плавают обрубки человеческих тел. Он уже решил, что сходит с

ума, и решил обратиться к врачу, как вдруг разразилась мировая война и сны прекратились.

Потом он выяснил, что подобные сны снились не ему одному. Коллективное бессознательное (этот термин ввел Юнг) жило в предчувствии войны и предстоящих ужасов массового уничтожения людей.

Будучи практикующим врачом-психиатром, Юнг столкнулся с удивительным фактом — в бреду сумасшедших, в камлания шаманов, в поэтическом бормотании впавших в экстаз мистиков проговариваются одни и те же тексты, внешне бессмысленные, но обладающие определенным строгим порядком.

Эти же тексты встречаются в древних мифах, в религиозных повествованиях, в сказках многих народов, которые никак не влияли друг на друга. И Юнг пришел к утверждению, что существует некое коллективное, родовое бессознательное, которое лежит значительно глубже личного бессознательного, открытого Фрейдом. Правда, и у Фрейда были элементы коллективного бессознательного (тот же Эдипов комплекс), но в целом для него содержание бессознательного составляли комплексы как результат вытесненных переживаний индивидуальной жизни.

Бессознательное — это совокупность архетипов (древних моделей понимания и объяснения мира).

Архетип, по Юнгу, — это система реакций древних людей на мир: в те времена, когда мир открывался им совершенно иным образом, чем нам сейчас, — открывался жутким, пугающим кошмаром окружающего леса, диких зверей, грозных явлений природы, и люди были вынуждены вжиться в этот мир, приспособиться, как-то объяснить и интерпретировать его.

Архетип сам непосредственно никогда не может достичь сознания, но только опосредованно, с помощью символов. Так, Бога нельзя видеть, человеческая психика не выдержит встречи с ним. Бог — это архетип, он всегда дан только через символы. Для христиан таким символом Бога является Иисус Христос.

Коллективное бессознательное при нормальных условиях не поддается осознанию, никакая аналитическая техника не может его «вспомнить»: ведь оно, в отличие от личного бессознательного, никогда не было вытеснено или забыто. В то же время коллективное

бессознательное не существует наподобие некоторых врожденных структур нашей психики, передающихся по наследству (это, по Юнгу, не врожденные представления, а врожденные возможности представления, ставящие известные границы самой смелой фантазии).

Юнг приводит пример из своей практики» когда умирающему от рака больному давали для облегчения мескалин, сильное галлюциногенное средство, напоминающее современный ЛСД. Больной, шофер по профессии, человек малообразованный, проспав несколько часов после принятия мескалина, рассказал Юнгу, что во сне участвовал в торжественном и пышном обряде похорон, и подробно описал его. Это был тот же самый обряд, который описан в древней и в ту пору известной только специалистам «Тибетской книге мертвых».

Архетипические образы особенно наглядно могут выступать в символической форме искусства. Архетипы несут в себе заряд мощной творческой энергии. Великий художник — это человек, умеющий извлекать эту энергию и передавать чарующую силу архетипов через современное ему искусство.

Архетип — это фигура демона, человека или события, повторяющаяся на протяжении истории искусства везде, где свободно действует творческая фантазия. Архетип — прежде всего мифологическая фигура, которая является итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда наших предков, психический остаток переживаний одного и того же типа. В каждой такой фигуре или образе кристаллизовалась частица человеческой психики и человеческой судьбы, страдания и наслаждения — переживаний, несчетное число раз повторявшихся у бесконечного числа поколений.

Неудивительно, считает Юнг, что, встретив типическую ситуацию или увидев произведение искусства, где ярко выражены архетипические мотивы (герой, побеждающий дракона; сын» нашедший своих родителей; несчастная девушка, которую полюбил прекрасный принц), мы внезапно ощущаем неподдельную радость, нас захватывает неодолимая и притягательная сила. В такие моменты мы — уже не индивидуальные существа, мы — род, мы все — человечество, просыпающееся в нас.

Все наиболее действенные идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа — родина в образе матери, мудрость в

образе старца и т. д.

При этом архетип, проявляющий себя в сновидении, фантазии или в жизни, всегда несет в себе особую силу, благодаря которой его воздействие носит нуминозный, т. е. зачаровывающий, характер. Архетип вынуждает психику выйти за пределы человеческого. Поэтому, рассуждает Юнг, люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов. Понятие «бога» — совершенно необходима психологическая функция, она не имеет отношения к вопросу о существовании Бога. Ответ на этот вопрос и приведение доказательств — не по силам человеческому интеллекту. И такое доказательство совершенно не нужно, так как идея сверхмогущественного, божественного существа наличествует всегда, если не осознанно, то бессознательно, ибо она тоже есть архетип. Архетипы создают мифы, религии и философские системы, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи.

Подобно тому как наше тело в целом ряде рудиментарных органов хранит пережитки древних функций и состояний, так же и наша душа, казалось бы, переросшая свои архаические влечения, несет тем не менее в себе признаки пройденного развития и повторяет бесконечно древние мотивы в своих фантазиях и снах.

Наиболее адекватной формой проявления архетипов являются для нас сны. К ним нельзя относиться легкомысленно, чаще всего это не наши сны, это порождение коллективной души. Сны нередко предупреждают нас об опасности, только мы не понимаем их языка. Тревожные, пугающие сны говорят о том, что в человеке зародилась болезнь, он ее еще не ощущает, а коллективное бессознательное уже посылает в мозг сигналы тревоги. Сны также часто предупреждают человека об опасности, если он совершает сомнительные поступки и подрывает свои собственные душевные силы.

Как-то родители умершей от болезни девочки принесли Юнгу альбом, где она рисовала всяких страшных чудовищ. Они хотели узнать, не сошла ли она перед смертью с ума. Юнг показал им старинный альбом с изображением таких же чудовищ и сказал, что люди знали о них столетия назад. Эти символические звери, являвшиеся ребенку во сне, были свидетельствами нарождавшейся болезни.

Однако в массе своей люди перестали чувствовать и понимать язык архетипов, они оторваны от своих глубинных корней, утратили живительную связь с ними. Они не боятся больше окружающей природы и не доверяют своим снам, они развенчали своих богов и демонов и считают себя свободными. Однако боги и демоны никуда не ушли, они получили новые обличья и новые имена и все так же ведут спор за души людей. Они приняли форму преступности, алкоголизма, бесчисленных неврозов и страхов, наркотиков и массовых психозов. Современный человек потерял свою душу и находится в постоянных поисках ее.

ГДЕ НАХОДИТСЯ СОЗНАНИЕ?

Сознание, в точном смысле этого слова, не есть что-то находящееся внутри человека, не есть что-то принадлежащее ему, как рука или нога. Сознание всегда между мной и другим человеком или людьми, между мной и миром. Поэтому правильнее было бы говорить о «поле» сознания. Сознание есть некоторое напряженное поле.

Сознания во мне нет, во мне нет ни мыслей, ни чувств. Во мне, в моем мозгу протекают только материальные процессы. Мозг вообще ничего не запоминает, а только кодирует, и только материальную информацию. Если она поступает в мозг в течение тридцати секунд, она остается там навсегда: происходят необратимые химические изменения клеток мозга. Это то же самое, как если бы старушка, собираясь в магазин, завязала узелок на платке, чтобы не забыть купить соль. В магазине она увидит узелок и вспомнит. Но если она по дороге в магазин потеряет этот узелок — ни одна разведка мира не сможет догадаться, что означал завязанный узелок.

Точно так же в мозге: там только клетки, нервные цепи, электрохимические реакции, т. е. одни «узелки».

Можно привести еще одну апологию: наш мозг — как фортепиано, там есть струны, клавиши, молоточки, но нет никакой музыки. Нужно играть на фортепиано, чтобы она появилась. Человеку нужно взаимодействовать с миром, с другими людьми, и тогда появляется сознание.

Возможно также, что сознание не кончается со смертью человека и не начинается с его рождением, т. е. оно потенциально существует

всегда, а человек овладевает им и обладает, пока живет. Так Р. Моуди, американский врач-реаниматор, в своей книге «Жизнь после смерти» описывает показания ста больных, побывавших в состоянии клинической смерти, т. е. умерших и возвращенных к жизни через несколько минут. Их показания удивительно совпадают друг с другом и говорят о том, что сознание продолжает функционировать после смерти: сначала человек видит себя со стороны, видит, как над его кроватью склонились врачи; потом его засасывает в какой-то темный тоннель, и он несется по нему с большой скоростью; постепенно проходит страх, наступает чувство счастливого освобождения; потом человек идет через болото, или туман, или реку и видит на той стороне своих умерших ранее родственников (к ним, правда, уже никто из испытавших клиническую смерть не доходил) и т. д.

Конечно, это не настоящая смерть, мозг еще живет; никто не возвращался с того света через полчаса или через час, чтобы рассказать, что происходит после смерти. Но тем не менее все эти свидетельства расширяют наше представление о сознании.

Совсем недавно появилось еще понятие «пренатальная память», т. е. память о том, что было до рождения. В очень глубоких снах человек иногда видит себя яйцом, покачивающимся в теплом растворе.

Так что природа и сущность сознания все еще представляет собой великую тайну, и человечество ждут удивительные открытия.

РАЗУМ БОЛЬШОЙ И РАЗУМ МАЛЫЙ

Всякий человек, как мы помним из Ницше, ценен постольку, поскольку он есть путь к сверхчеловеку, т. е. к идеалу человечности, к художнику, философу и святому. А каждое сознание значимо постольку, поскольку оно есть возможность Большого сознания, Большого разума.

Человек чаще всего живет, или вообще не приходя в сознание — ему достаточно ограниченного набора рефлекторных реакций (встал, поел, поработал, выпил, посмотрел телевизор, лег, поспал), или живя малым сознанием, малым разумом, почти как супершимпанзе. Малый разум развивает специфические качества человека — хитрость, умение приспособиться к жизни, добиться относительного комфорта и достатка, не мучаясь над проблемами бытия и смысла жизни, не

страдая от несовершенства мира и общества, не отыскивая новых путей для своего самовыражения.

Никто, конечно, не может осудить человека за то, что он живет малым разумом, потому что перспектива жить Большим разумом часто пугает нас. Большой разум — это мудрость, которая часто представляется малому разуму как безумие. Апостол Павел говорил: «Будьте безумными, чтобы быть мудрыми». Это значит, что в «безумии», в отречении от малого разума у человека появляется возможность разума Большого.

Большой разум — это то, о чем ранее говорилось как о «мысли сердца». С помощью Большого разума мы не просто воспринимаем мир как совокупность вещей и законов (для этого достаточно и малого разума); мир по-настоящему открывается нам как бездонная, бесконечная, завораживающая тайна. Большим разумом мы как бы познаем мир изнутри, сливаемся с тем, что в нем есть потаенного и невыразимого; мы больше не любопытные наблюдатели, старающиеся хитростью вырвать у мира какие-то его тайны и употребить их себе на пользу, — мы сами и есть мир, это он сам познает себя через нас.

Такое видение мира есть у детей, поэтов, у любого мудрого человека, не обязательно ученого. С. Франк писал, что человек, которому ведомы в мире содержания и связи, остающиеся тайной для других, должен, поскольку он сохранил в себе способность вообще видеть саму реальность как она есть, глядеть на мир тем же изумленным, восхищенным, полным благоговения взором, которым глядит на него маленький ребенок.

И такая мудрость, конечно, выглядит безумием в глазах обладателя малого разума. Надо было действительно быть безумным, чтобы увидеть, подобно Демокриту, что мир состоит из атомов и пустоты. Ведь никакого электронного микроскопа у него не было, и никаких атомов он видеть не мог. Надо было быть безумцем, чтобы услышать музыку сфер, как ее услышал Пифагор, безумным, чтобы увидеть искривляющуюся Вселенную, как Эйнштейн.

Все, что они и другие «безумцы» говорили и писали, ни из каких опытных данных вывести было нельзя — нужно было действительно иметь Большой разум, жить большим сознанием, быть чистым и незамутненным зеркалом Вселенной, прислушиваться к ее невразумительному голосу. Так, знаменитый астроном Кеплер помимо

научных изысканий занимался составлением гороскопов для важных особ — он считал, что знает особые внутренние тайны движения звезд, чувствует их подспудное влияние на себя и только в силу этого может быть астрономом. Ньютон из этих же соображений писал алхимические трактаты, искал философский камень и уделял этому не меньше внимания, чем теоретической физике.

Видение мира большим сознанием — не только не менее важная вещь, чем утилитарно-практическое отношение к нему. Лишь оно вообще делает возможным любое отношение, любую науку, любые практические действия. Вид звездного неба с загадочно-прихотливым узором светящихся и мигающих на нем точек, с таинственным молчанием темных и непроницаемых небесных бездн, с объемлющим меня благоговением, чувством и моего одиночества перед лицом этого неба, и моего сродства с ним — все это, взятое вместе как нераздельное единство, есть в большей мере реальность, нем образ мира в любой научной теории.

МОЖНО ЛИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕМУ-НИБУДЬ НАУЧИТЬ?

Еще одним серьезным аргументом в пользу существования большого сознания служит теория воспоминания Платона. Платон утверждал, что человека ничему нельзя научить, если понимать учение как перекладывание знаний из одной головы в другую. Человек должен сам все вспомнить.

У этого высказывания Платона есть два плана: мифологический и рациональный. В мифологическом плане душа, согласно Платону, до рождения человека жила среди богов и там набиралась знаний, а родившись и получив от богов эту душу, человек должен только вспомнить то, что она усвоила ранее.

В рациональном плане в теории воспоминаний есть глубокий смысл: всему действительно важному человека научить нельзя. Нельзя, например, научить быть Эйнштейном — нет таких учебников. Эйнштейн, кстати, сам во время учебы особых талантов в физике не обнаруживал и имел по ней тройку в аттестате. Но что-то такое было в Эйнштейне, чего не было в других: раскованная фантазия, смелость мышления, т. е. то, чему научить нельзя, что нужно только из себя извлечь и в атом смысле — вспомнить.

Нельзя научить быть Моцартом: очень многие музыканты его времени знали лучше теорию композиции, тот же Сальери был гораздо более образованным в музыке, чем Моцарт. Но того, что было в Моцарте, не было ни в одном музыканте. В фильме «Амадеус» у Моцарта вообще нет черновиков: он слышит музыку и записывает, а не сочиняет ее, не вымучивает. Что значит — слышит? Бог ему надевает? Или он слышит музыку сфер, как Пифагор? В любом случае научить такому слуху нельзя ни в одной консерватории.

Есть лингвисты, которые знают по нескольку десятков языков. Выучить столько нельзя. Чтобы выучить один — немецкий или французский, — надо запомнить несколько тысяч слов, в том числе сотни глаголов в шести-восьми временах, огромное количество идиоматических выражений и т. д. А тут человек знает десятки языков. На самом деле он выучивает два-три языка (уже для этого нужны специфические способности), а все остальные как бы вспоминает. Он начинает чувствовать «душу» языка, внутренние связи и опорные блоки как внутри языка, так и между языками, например индоевропейской группы. Язык как бы «открывается» такому человеку, и каждый следующий словно бы «всплывает» в нем, поднимается из глубины души.

В истории философии был знаменитый спор между немецким философом-рационалистом и математиком Лейбницем и английским философом-эмпириком Локком. Лейбниц, вслед за Декартом, утверждал существование врожденных идей, говоря, что самое важное и главное знание в рождено человеку. Не в том смысле, что человек рождается со знанием законов физики или математики, но в том, что человек, если его правильно развивать и воспитывать, неизбежно сам придет к открытию важнейших истин. Врожденное знание как бы потенциально заложено в человеке. Как скульптор, смотря на кусок мрамора, уже видит в нем скульптуру, видит по прожилкам и линиям этого куска, что нужно отсечь, чтобы скульптура проявилась, так и знание определенным образом ужо есть в человеке, каким бы «сырым» и необразованным он ни был.

Но достать это знание из себя, «вспомнить» его — очень сложная и для многих непосильная задача.

Все важное и денное нельзя передать как результат, набор приемов работы — нужно самому додуматься, самому дойти до всех

тонкостей профессии, нужно, чтобы тебе самому открылось.

А этому никто не учит. Это дается только в воспоминании, только на пути раскрытия в себе большого сознания.

Все это, однако, не означает того, что не нужно учиться, не нужно овладевать обычными рутинными знаниями, не нужно изучать то, что люди до тебя давно уже знали. Ты-то ведь не знаешь. Чтобы подняться на уровень большого сознания, нужно постоянно и всесторонне развивать малое, создавать себе опору для дальнейшего прыжка в неизвестное.

ОТКУДА ВОЗНИКАЕТ МЫСЛЬ?

Мы очень хорошо знаем, как устроен наш мозг, как идут в мозгу от клетки к клетке электрохимические реакции; представляем себе, как замыкаются нервные цепи, сколько клеток в коре головного мозга, какова биохимическая основа памяти и т. д. Но мы не знаем, как мы мыслим, когда и как приходит в голову мысль: мысль нельзя заставить прийти сознательно, иначе мы бы все были гениями.

То, что ежесекундно проносится в нашей голове: всякие всплывающие впечатления, ассоциации, переживания, — это не мысли, а разный необязательный мусор. Вы сидите на уроке, на секунду отвлеклись и уже думаете о том, что скоро перемена и надо сходить в буфет, купить пирожок, встретиться с друзьями из соседнего класса. Потом думаете о прочитанной книге, об Австралии, Америке; и эти ваши «мысли» уже далеко-далеко от урока. Так что когда придет настоящая мысль, ей просто трудно будет вклиниться в вашу голову, ибо там все уже забито этим мусором. Поэтому голову нужно очищать, чтобы быть готовым к мысли.

Древняя индийская мудрость предлагает это делать так: утром, проснувшись и позавтракав, принять позу лотоса (но можно и просто сесть на стул), расслабиться, положить руки на колени и постараться пятнадцать минут ни о чем не думать. Не прогонять весь словесный мусор, который тут же полезет вам в голову, а постараться, чтобы ваши мысли, как осенние листья на воде, потихоньку уплывали от вас куда-то.

И точно такую же операцию нужно проделать вечером перед сном. Все это очень сложно — невероятно сложно целых пятнадцать

минут ни о чем не думать, — но постепенно вы будете привыкать к этому состоянию, очищая свою голову. И однажды вам вдруг станет стыдно вашей внутренней болтовни, вы будете готовы к тому, что, если вдруг придет настоящая мысль, вы ее заметите и оцените.

А когда приходит мысль — это всегда чудо. Самому что-то понять, самому что-то увидеть — это невероятно сложно, это невероятно редкостная вещь. Вот как описывает такое состояние Ф. М. Достоевский: «Помню раз я зимний январский вечер я спешил с Выборгской стороны к себе домой... Подойдя к Неве, я остановился на минутку и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль... Ночь ложилась над городом, и вся необъятная, вспухшая от намерзшего снега поляна Невы, с последним отблеском солнца, осыпалась бесконечными мириадами искр иглистого инея... Сжатый воздух дрожал от малейшего звука, и, словно великаны, со всех кровель... поднимались и неслись вверх столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь в дороге, так что, казалось, новые здания вставали над старыми, новый город складывался в воздухе... Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами... походит на фантастическую волшебную грезу, на сон, который... тотчас искурится паром.

Какая-то странная мысль вдруг зашевелилась во мне. Я вздрогнул, и сердце мое как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива могущественного, но доселе незнакомого мне ощущения. Я как будто что-то понял в эту минуту, как будто прозрел во что-то новое, в совершенно новый мир, мне незнакомый и известный по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с той именно минуты началось мое существование…»

Увидеть самому что-то впервые — и означает прихождение в голову мысли, мысли-видения, мысли-открытия. Мыслить и значит видеть, видеть не просто глазами и не столько глазами, сколько всем своим существом.

ДВА ПОНИМАНИЯ МЫШЛЕНИЯ

В связи с возрастающим господством естественных и технических наук в современном мире мышление сплошь и рядом понимается как представление, как совокупность наглядных картинок мира. Современная наука говорит о картине мира. Составить себе картину чего-то — значит поставить перед собой все, что есть в мире, так, словно мы сами и есть авторы этой картины. Такая картина мира — не картина, изображающая мир, а мир, понятый как картина. А на картине мир можно изобразить, представить только как совокупность вещей и предметов, ничего больше здесь нет.

Слово «представление» имеет еще и другой смысл: театральное представление, причем оба смысла часто совпадают — человек представляет себе мир как сцену, на которой он разыгрывает собственные сценарии.

Если мир мыслится только через представление, то тогда есть я — человек, субъект — и есть мир окружающих меня вещей, которые в принципе чужды мне, которыми я могу распоряжаться, их покорять, подчинять своей власти.

Поскольку в представлении весь мир рассматривается только как совокупность предметов, то результатом такого взгляда всегда будет лишь выявление некоего материального костяка, на котором держатся и природа, и каждая вещь в отдельности. Тогда природа — это склад полезных ископаемых, хранилище энергии. В мире, который есть продукт деятельности мышления как представления, нет ничего ни святого, ни величественного.

Одно дело — старинная водяная мельница, которая использует силу природы, но не извлекает из водяного потока никакого запаса энергии, другое — гидроэлектростанция на Волге, омертвляющая воду и изменяющая ландшафт. Не гидроэлектростанция пристроена к реке — наоборот, река встроена в гидроэлектростанцию.

Одно дело, когда крестьянин обрабатывает землю, заботится и ухаживает за ней, поливает ее своим потом, холит и лелеет ее. Другое — современное земледелие как отрасль механизированной пищевой промышленности, которая выжимает из земли все возможное, безудержно пичкая ее всякой «химией».

Вооружившийся мышлением как представлением, человек рассматривает себя как господина природы и постоянно воюет с ней,

покоряет ее. А поскольку он сам — часть природы, то он часто воюет и с самим собой, подрывая корни своего существования.

Философия в лице всех своих серьезных представителей всегда выступала против понимания мышления как представления, всегда призывала отучаться мыслить наглядно, ибо мышление в картинках — это не полноценное мышление, им не ухватывается истинная природа вещей. Философия всегда призывала перейти от представляющей мысли к мыслящей мысли.

У Хайдеггера есть небольшая и весьма примечательная работа «Вещь», где он пытается показать сущность мыслящей мысли в ее отличии от мысли представляющей. Возьмем, например, глиняный кувшин. С точки зрения представляющей мысли сущность заключена в стенках, которые лепит гончар. С точки зрения мыслящей мысли эта сущность не в стенках, в пустоте, которую стенки охватывают. Но что такое пустота?

Пустота кувшина выполняет две функции: в ней можно что-то хранить и из нее можно что-то наливать. Можно хранить воду: вода берется из росы, выпадающей с неба, и из источника, рождающегося в дремотной темноте земли. Таким образом, земля и небо входят в сущность кувшина. Хранить можно и вино, оно добывается из виноградной лозы, в произрастании которой соединились питательные силы земли и солнца. Вино — это посланный богами напиток, согревающий человека. Значит, земля, вода, небо, солнце, божественное и смертное соединились в кувшине и составляют его суть. Эту суть никаким наглядным представлением не охватишь, ни в какой картинке не увидишь. Мыслящая мысль не производит картинок, а пытается ухватить потаенную суть вещей.

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК

Во всей классической — от древности до середины XX века — философии считалось, что язык — просто инструмент для выражения наших мыслей, что слова и предложения нейтральны по отношению к тому содержанию, которое они выражают. Как связаны между собою мышление и язык?

Мышление одно, а языков много. Нет глупых народов, у каждого народа одинаковое, в процентном отношении, количество дураков на

душу населения.

Но есть неразвитые языки, в которых богатство выражений обеспечивается не за счет сложной грамматики, а за счет интонаций. Это языки бедные. Одно и то же слово там может произноситься с десятком интонаций, и каждый раз это слово имеет другое значение.

Чем сложнее грамматик», тем богаче язык. С помощью глагольных форм, падежей, предлогов можно передавать тончайшая оттенки мысли. А попробуйте только с помощью интонаций выразить чувства, например, Анны Карениной —- получится одно мычание.

Во многих странах Азии и Африки преподавание в школе и университете ведется на европейских языках, в силу бедности и неразвитости местных языков.

Мышление любого народа развивается быстро — почти каждый день случаются в науке открытия, каждый день происходят новые явления. А язык изменяется очень медленно, его ведь никто не придумывает, его столетиями создает народ. Иногда, правда, новые слова создают поэты. Но язык всегда отстает от развития мышления, новых слов для новых явлений не хватает. Поэтому появляются искусственные языки науки и профессиональные языки, так называемый сленг, жаргон.

В нашей стране почти каждый социальный слой имеет свой сленг. Однажды в парикмахерской один мастер, указывая на меня, спросил другого: «Это твой морж?» (т. е. это твой Клиент?). «Да нет, — отвечал другой, — это так, полуморж (то есть непостоянный клиент: иногда дает чаевые, иногда не дает). У музыкантов свой жаргон: «вчера застебали совок в крематории и хорошо забашляли» (играли на похоронах и хорошо заработали).

Во время второй мировой войны мощный воздушный флот Японии потерпел сокрушительное поражение. Оказалось, что японцы плохо летают, их пилоты не держат строй. После войны психологи стали выяснять — в чем причина? Оказалось, что причина в японском языке. Японский язык очень древний, очень богатый, очень ритуальный. А тут война, ситуация меняется ежесекундно, нужны четкие краткие команды, а язык этого не позволяет. В русском языке есть такие слова, скажешь пару слов - и все ясно. В японском таких слов не нашлось. Там, как и в китайском, самое страшное

ругательство: ты не умеешь жить! Для русского слуха это вообще не ругательство: подумаешь, не умею! А кто умеет?

Но нормальный литературный язык — язык Пушкина, Толстого или Солженицына — в нашей стране всегда составлял основу культуры, делая возможным развитие и жаргона, и искусственных языков науки.

Раз язык — его культура, то портить язык, произвольно изменять его нельзя. Должна охраняться и защищаться чистота языка. Если бы Толстой почитал «Московский комсомолец», он бы сказал, что это написано не по-русски.

За последние сто лет русский язык сильно обеднел, упростился. После революции стала широко развиваться и применяться ненормативная лексика, проще говоря, матерщина. Некоторые молодые люди, общаясь между собой, вообще обходятся тремя-четырьмя словами, выражая ими все оттенки своих мыслей и чувств.

Язык постоянно упрощает политическая пропаганда и агитация, коммерческая реклама, полуграмотные чиновники и депутаты, чьи речи часто транслируют по телевидению.

Между языком и мышлением — сложные противоречивые отношения. Одно дело — подумать, а совсем другое — сказать. Каждый из вас, сидя на каком-нибудь школьном собрании, наверное, думал: вот сейчас пойду и выступлю, выложу им всем правду-матку!

А когда выходили и открывали рот, то с удивлением обнаруживали, что говорите одни банальности, ничего интересного не сказали, да никто вас и не слушал.

Одно дело сказать: приехал на Кавказ, залез на горку, внизу река бежит, наступает вечер, сижу, смотрю, и что-то мне взгрустнулось.

И совсем другое — сказать:

На холмах Грузни лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Нужно уметь говорить, уметь написать, уметь выразить. Вы пытаетесь объясниться в любви, хотите сказать своей избраннице, что любите ее так, как никто на свете, но открываете рот и говорите общеизвестные вещи: я тебя люблю! Но эти слова говорили миллионы раз до вас, вы же хотите сказать, как любите, но в этих общих словах

ваше неповторимое чувство пропадает. А новые слова нельзя изобретать — вас примут за сумасшедшего. Безвыходная ситуация!

Только поэт может рассказать, как он любит («я помню чудное мгновенье»), а нам, простым смертным, приходится довольствоваться обычными заезженными фразами.

Многие наши чувства мы так и не можем внятно высказать и уносим с собой в могилу; уходим, не понятые миром.

ЯЗЫК — ДОМ БЫТИЯ

Язык — не только инструмент передачи информации и не только средство общении. Язык — это еще и возможность дать высказаться миру. Мир просит слова. В первобытную эпоху мир представлялся людям говорящим: шумом ветра, плеском воды, шелестом листьев. Мир говорил деревьями, землей, птицами, животными, вещами.

Человеческий язык — не просто выражение мысли, чувства и желания. Язык — это способность человека откликнуться голосам окружающего мира, дать им свое человеческое звучание.

Разбить на земле сад — значит, пояснял Хайдеггер, разомкнуть замкнутость земли, чтобы она приняла в себя семена я побеги.

Так же и язык как бы разбивает мир, намечает в нем, показывает те места, в которых мир может высказаться. Сказать и говорить — не одно и то же. Можно много говорить и ничего не сказать. Можно молчать и сказать многое. Сказать — значит показать, объявить, дать видеть, слышать.

Нигде, кроме как в языке, мир, по Хайдеггеру, полностью не присутствует. Язык — это дом бытия. Мир хочет быть высказанным. Дело за нами. Присутствие мира в языке требует человека. Человек может дать слово миру, мир требует человека для своего явления. И человек требует мира, потому что иначе как в мире он себя не узнает.

В языке важны не только произносимые слова, но даже молчание, которое часто глубже слов проясняет смысл. Даже речь незнакомого языка — это не бессмысленный звук, а слово, мы чувствуем его значимость. Между непонятным словом и природным звуком лежит целая пропасть сущностного различия.

Тенденции современной культуры делают язык все более бедным и невыразительным.

В своем чистом виде, в первозданной стихии язык сохраняется только в поэзии. С точки зрения Хайдеггера, и мышление, и поэтическая речь когда-то возникли из «первопоэзии». Поэзия ближе к изначальной речи, чем любой другой способ выражения мысли. Размышлять вообще — значит поэтизировать: не просто писать стихи, а дать сказаться через себя стихии языка.

Язык на самом деле сильнее нас: это не мы говорим языком, а язык говорит нами. Истинный философ или истинный поэт прислушиваются к языку, к его чистому голосу, открывают его в себе, и тогда то, что они говорят, будет не пустой болтовней, а творчеством, раскрытием новых, не виданных ранее сторон мира.

Обычно считается, что говорение и слушание — разные вещи: один человек говорит, а другой слушает. На самом деле мы можем говорить, только когда слушаем себя, слушаем ту тишину в себе, которая вот-вот выразится в словах. Мы прислушиваемся к тому еще беззвучному голосу, который может вылиться в словах.

Язык есть мелодия человеческой жизни и одновременно — голос, которым говорит с нами мир. Мы живем в резонансе этого голоса — голоса Бога, голоса совести, голоса любви. Эти голоса есть нечто первичное по отношению к нашей естественной повседневной речи. Благодаря тому, что мы слышим эти голоса, мы присутствуем в мире.

СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ

В философии во все времена было два главных подхода к вопросу о том, как человек познает окружающий мир: одни философы считали, что мы познаем мир чувствами, другие — разумом. Первые иногда назывались сенсуалистами (от sense — чувство) или эмпириками, вторые — рационалистами.

Сенсуалисты считали, что чувства — единственный и достоверный источник наших знаний. Чувства нас никогда не обманывают, дают нам самую точную информацию. Уж если я взялся рукой за горячий утюг, то точно буду знать, что это такое. А вот когда мы начинаем размышлять, гораздо труднее набежать ошибки.

Основной лозунг сенсуалистов: чтобы знать — надо видеть! Видеть в широком смысле слова: слышать, обонять, ощущать и т. д. Основные формы чувственного познания — ощущение (когда мы

воспринимаем какое-то отдельное качество: теплое, тяжелое, синее и т. д.), восприятие (когда мы воспринимаем целостный образ предмета — видим, например, яблоко, человека) и представление (когда мы можем представить себе наглядно и конкретно предмет, который сейчас не видим и не ощущаем).

Рационалисты, напротив, полагали, что наши чувства очень слабы и недостоверны. Чувствам не дана сущность вещей, не дано прошлое, не дано будущее. Зато все это доступно разуму. Еще Платон утверждал, что наши чувства обманчивы. Нельзя что-нибудь одновременно знать и не знать: либо я знаю, либо я не знаю. Но можно одновременно видеть и не видеть, закрыв рукой один глаз.

У рационалистов свой лозунг: чтобы видеть — надо знать. Поскольку мой глаз не вооружен мыслью, знанием, я и не увижу того, что мне нужно. Допустим, я открываю заднюю крышку телевизора — если я никогда не изучал электроники, я там ничего не увижу, кроме бессмысленного переплетения проводов, схем и т. д.

Основными формами рационального познания являются формы нашей мысли: понятие, суждение, умозаключение. Понятие открывает нам какой-нибудь существенный признак вещи. Очень многие явления в мире даже представить себе нельзя — например, скорость света или искривляющуюся в трехмерном пространстве Вселенную. — но можно понять. Суждение — это такая связь между понятиями, в которой что-либо утверждается или отрицается (например, яблоня — это дерево). И наконец, умозаключение (силлогизм) — это такой способ мышления, когда мы из двух суждений можем непосредственно вывести третье. Например:

Все люди смертны.

Иванов — человек.

Следовательно, Иванов смертен.

Сенсуалисты утверждали, что все наше знание происходит из опыта, из конкретного индивидуального опыта отдельного человека, а рационалисты считали, что из опыта никаких всеобщих и необходимых знаний вывести нельзя. Допустим, я хочу открыть или подтвердить закон всемирного тяготения. Беру большой камень и подбрасываю его. Зная массу Земли и массу камня, я могу в принципе рассчитать скорость, с какой камень будет стремиться к Земле.

Но ведь я не могу из своего личного индивидуального опыта делать выводы относительно всей Вселенной. Нет никакой гарантии, что выводимый мною закон будет работать везде и всегда. Я могу подбросить камень сто раз, могу тысячу, но я не буду уверен, что в тысячу первый раз он упадет, а не улетит в небо. Как же все-таки Ньютону удалось открыть свой закон?

Рационалисты полагали, что знание — не из опыта, а из головы. Но как оно попало в мою голому, «ели я предварительно не пытался увидеть, попробовать, поставить эксперимент? Знания, отвечали рационалисты, в голову не попадают, они всегда там находятся в виде врожденных идей. Знанию, если это действительно знание, научить нельзя и научиться под влиянием внешнего мира тоже нельзя. Это знание нужно вспомнить, как мы уже видели в разделе «Можно ли человека чему-нибудь научить?». И Платон, и Декарт, и Лейбниц, и многие другие рационалисты утверждали, что если правильно развивать человека, то он неизбежно придет к открытию законов, к новому пониманию мира, к новому видению.

Как бы то ни было, к концу XVIII в. в философии сложилась странная ситуация: знаний человечеством накоплено много, а откуда эти знания — толком неизвестно.

Разрешить эту проблему попытался Иммануил Кант в своей знаменитой «Критике чистого разума». Кант настолько глубоко и нетрадиционно переосмыслил идеи и рационалистов, и сенсуалистов, дал настолько яркое и глубокое понимание сути человеческого познания, что его стали называть Коперником философии: как Коперник коренным образом изменил наши представления о Солнечной системе, так и Кант изменил наши представления о познании.

Кант попытался преодолеть односторонность и сенсуализма, и рационализма, полагая, что и чувства и разум играют одинаково важную роль в познании. Но есть еще одна удивительная человеческая способность, весьма таинственная по своей природе, из которой вырастают и чувства и разум, — и мы никогда, по Канту, не сможем вывести наружу механизмы ее действия. Это способность воображения, причем чистая способность воображения.

Мы можем себе помыслить не фокстерьера, не бульдога, не пуделя, а просто собаку вообще. Мы можем помыслить себе

треугольник вообще, дом вообще, человека вообще. Хотя таких вещей, как собака вообще или дом вообще, в природе не бывает.

Однако с таких «чистых» предметов начинается всякое человеческое познание. Разум с помощью способности воображения так переплавляет, перетасовывает данные чувств, что получает в конце концов чистый предмет, вещь, закон. Многие миллионы людей видели падающие предметы, но нужно было мощное воображение Ньютона, чтобы в хаосе случайных событий увидеть строгий, повторяющийся и необходимый закон.

Чистое продуктивное воображение, согласно Канту, сверхъестественная, нечеловеческая способность, которой владеет человек и которая делает возможным познание: мы имеем право формулировать законы относительно всей природы (как в случае о законом всемирного тяготения) потому, что выводим эти законы не из своих индивидуальных переживаний, наблюдений и обобщений, мы имеем на это право потому, что пользуемся силой, намного превышающей наши ограниченные человеческие возможности.

Это дар, данный нам свыше, это результат сверхъестественного внутреннего воздействия в нас, это сила самой природы или Бога, которую мы можем почувствовать в себе, освободить ее, заставить служить себе. В этом смысле Кант говорил, что рассудок диктует природе законы вообще. Законов вообще, чистых законов, в природе нет. Они — продукт человеческой головы, продукт чистой способности воображения. В природе, как и в социальной жизни, есть хаос случайных событий, есть перепутанность и переплетенность связей, и только наше воображение может выявить из этого хаоса и воспроизвести в строгих и точных формах предметы, объекты, законы и т. д.

Например, законы астрономии нельзя увидеть, разглядывая в телескоп звездное небо; законы истории нельзя разглядеть, посмотрев в окно или прочитав газету. Астрономы тысячи лет разглядывали звездное небо, но лишь гений Кеплера «увидел» в движении звезд и планет точные и ясные законы небесной механики.

Таким образом, все наши знания в том виде, в каком они у нас есть и доступны нашему пониманию, взяты не из окружающего мира. Этот мир дает лишь сырой материал, служит пищей и толчком нашему воображению. Но наши знания и не от человека, не являются нашей

произвольной фантазией и не заложены в нее заранее наподобие картофеля, кем-то положенного в мешок.

Демокриту надо было глубоко заглянуть внутрь себя, освободить свою умственную анергию, раскрепостить фантазию, чтобы увидеть в мире атомы и пустоту, в которой эти атомы вечно падают. И это ведь не красивая сказка, которой Демокрит забавлял своих учеников: с тех пор гипотеза об атомистическом строении вещества не уходила из науки, получая все новые толкования и обоснования.

Все открытия и изобретения в любой области всегда движутся в рамках чьей-то первичной интуиции. Кто-то первый увидел, чье-то воображение нарисовало общую картину иди контур проблемы, у кого-то хватило смелости в игре своего воображения увидеть открытие новых горизонтов и заявить об этом.

Наличие у человека воображения — не просто фантазии, а именно продуктивного воображения, когда он может вообразить себе предмет, очищенный от всех случайных черт, проявлений, «увидеть» закон в чистом виде, форму, тип и т. д., — свидетельствует о человеческой свободе. И в основе всех подлинно глубоких и важных знаний лежит человеческая свобода.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Обычно под истиной в современной науке понимают соответствие наших понятий, высказываний, теорий окружающему миру. Если соответствуют, значит они правильные, истинные, если не соответствуют — ложные.

Но очень многие философы отрицали такое понимание истины, считали его поверхностным, не соответствующим действительной сложности такого феномена, как истина. Например, с точки зрения Ницше, истина вовсе не есть соответствие наших понятий вещам мира. В конце концов мы находим в вещах то, что сами туда вложили. Эго нахождение называет себя наукой, а вкладывание — это искусство, религия, любовь. Мы сначала одухотворяем мир, делаем его сложным, глубоким, прекрасным, и тогда становится возможной наука, которая эту сложность познает и эту красоту пытается выразить. Например, о некоторых физических теориях сами физики говорят: они недостаточно красивы, чтобы быть истинными.

У древних греков было слово для обозначения истины — алетейя, что означает нескрытость, непотаенность. Истина не прячется, она лежит на виду, надо только уметь ее увидеть. Истина не вне нас, она — в нас самих. Она не только результат познания мира как чего-то внешнего; в сути своей истина — попадание в такую позицию, в такую жизнь, где мир и вещи вдруг открываются мне, становятся понятными, волнующими, бездонными, непостижимыми. Истину не открывают, в ней живут. Живут те, кому удается пробиться в такое состояние.

В этом смысле истина — всегда результат индивидуального прорыва к миру. И истины, полученные таким путем, всегда индивидуальны. Никто за вас понимать ничего не будет. Понять должны вы сами. И если вы что-то поняли, вы не можете свое понимание передать другому, он должен сам и по-своему понять. Поэтому всякая истина, полученная в живом опыте понимания, сама является живой и больше всего на свете боится стать общеупотребительной и для всех понятной — иначе говоря, пошлой. Боится, как все живое боится смерти.

Истина, по Хайдеггеру, — это событие открытости мира. Когда случается такое событие, оно потрясает нас, переворачивает душу, мы чувствуем себя посвященными в новое знание, в новую истину. Хайдеггер приводит как пример произведение искусства, которое всегда есть открытие того, что есть на самом деле. Он рассуждает о крестьянских башмаках, изображенных на известной картине Ван Гога, где нарисованы просто башмаки, пустые, стоящие неизвестно где; не видно даже земли, налипшей на них с поля или по дороге с поля. И все же, благодаря искусству, через эти башмаки мир открывается нам таким, каким мы его раньше не видели.

Тяжелая и грубая прочность башмаков, пишет Хайдеггер, собрала в себе все упорство неспешных шагов вдоль широко раскинувшихся и всегда одинаковых борозд, над которыми дует пронизывающий резкий ветер. Тревожная забота о хлебе насущном сквозит в этих башмаках, забота, не знающая жалоб; но и радость, не ищущая слов, когда пережиты тяжелые дни; и дрожь предчувствия близящейся смерти.

Это и есть то, что греки называли непотаенностью. Башмаки стоят у всех на виду, но надо их увидеть так, как увидал Ван Гог, как увидел Хайдеггер, и такое видение будет посвящением в истину, совершенно непонятную незрячим и непосвященным.

ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕЛЕННОЙ

ЕЩЕ РАЗ О КАРТИНЕ МИРА

В человеческой истории различаются эпохи обустроенности и эпохи бездомности. Либо человек чувствует, что живет в мире, как в своем доме, налаженном, гармоничном, занимая в нем свое законное место; либо чувствует себя затерянным и одиноким перед лицом бесконечности Вселенной, ощущая себя заброшенным в этот мир, во власть слепой и бессмысленной судьбы.

Эпоха бездомности почти повсеместно господствует во всех современных культурах, в мироощущении подавляющего большинства людей. Перед человеком простирается такой бесконечный океан звезд, галактик, дальних миров, который не оставляет ему никакой надежды стать сколько-нибудь заметным явлением во Вселенной.

Теория «первичного взрыва» говорит о том, что когда-то, примерно 15-20 миллиардов лет тому назад, все вещество Вселенной было сосредоточено в одной точке, в одном ничтожном по размеру объеме фантастической плотности, сверхплотности. Это такое состояние вещества, когда электроны как бы вдавлены в ядра. Потом произошел первичный взрыв, и все вещество стало разлетаться в разные стороны и разлетается до сих пор. Энергия взрыва привела к синтезу тяжелых элементов: образовались звезды, а затем планеты.

В 1930-х годах было открыто так называемое «красное смещение» — при проведении спектрального анализа любой видимой нами звезды все линии спектра смещаются к его красному концу. Это значит, что звезда от нас удаляется, что все звезды, все галактики удаляются от некоего центра с огромной скоростью — несколько десятков тысяч километров в секунду. Это подтверждает теорию первичного взрыва.

Из нее вытекают два следствия: либо Вселенная так и будет расширяться, пока через десять в десятой степени лет не «рассыплется» на элементарные частицы. Либо, когда выгорит весь

водород в звездах, вселенная начнет сжиматься, как сжимается, выгорая, отдельная звезда, и красное смещение сменится фиолетовым — это будет означать, что все звезды приближаются друг к другу.

При любом исходе человечеству в отдаленном будущем ничего хорошего не светит. Уже через несколько десятков миллионов лет радиация нашего Солнца увеличится настолько, что жизнь на Земле в своих нынешних формах станет невозможна. Единственный выход для человека — изменить форму жизни. Например, стать искусственным. Уже создано много искусственных органов: ноги, руки, почки, клапаны сердца. Самой большой, и на сегодняшний день принципиально нерешаемой, остается проблема искусственного мозга, искусственного интеллекта.

Мы с вами уже знаем, на каких бездонных и непостижимых для разума основаниях покоится человеческое сознание: здесь и архетипы, и личное бессознательное, и поток переживаний, и мир идеальных предметностей — без всего этого нет человеческого сознания. И создать алгоритм, формализовать все подобные операции и заставить машину чувствовать, воспринимать, мыслить не представляется возможным ни сегодня, ни в обозримом будущем.

Но допустим, что наукой эта задача будет в конце концов решена. Человек превратится полностью в искусственное существо, в мыслящего и чувствующего робота, у которого все части тела могут заменяться по мере изношенности или в случае потери можно будет получить не только ногу, но и новые мозги, да еще с большей оперативной памятью. Человек сможет жить на любых планетах, в любых условиях, не будет бояться смерти и сможет как угодно долго путешествовать в космосе и расселяться в других галактиках. Ведь чтобы долететь до ближайшей к нам галактики, нужно несколько поколений — долететь и вернуться смогут только далекие потомки отправившихся в путь Согласно теории относительности, время в системах, движущихся со скоростью, близкой к скорости света, замедляется. Можно прилететь через год и стать моложе своего младшего брата. Чтобы долететь с такой скоростью до туманности Андромеды, нужно около ста лет. За это время на Земле пройдет сорок миллионов лет. Так что никакого смысла возвращаться нет. Никто вас не вспомнит по прошествии такого срока.

Бессмертие чревато опасными последствиями — если я бессмертен, то, хотя я сам могу воспроизводиться, мне не нужно иметь детей, мне не нужно жениться, мне не нужно никого любить. Но ведь вся художественная литература построена на проблемах и перипетиях любви. Значит, мне не надо художественной литературы. Мне не надо искусства. Кончится это тем, что человек потеряет смысл своего существования. Вряд ли этот смысл будет в том, чтобы нести свет разума во все уголки Вселенной. Зачем человеку этот разум, если больше ничего не останется — ни красоты, ни любви, ни счастья, ни зла, ни борьбы против зла. А нет зла — нет и свободы.

Так что физический образ мира, построенный наукой XX века, мало радует нас. Нам было бы гораздо уютнее в мире древнего грека — где наука занималась открытием законов звездного неба не для каких-то практических целей, а чтобы наслаждаться красотой и гармонией космоса. Где сам космос был обжитым и уютным домом, и даже олимпийские боги, хотя они временами проявляли коварство и вероломство, были богами домашними, близкими по духу, с ними можно было договориться по принципиальным вопросам.

Можно только надеяться, что сегодняшняя картина мира со временем останется в памяти людей всего лишь как научная картина мира XX века, а перед человеком откроются совершенно новые и неведомые нам сейчас перспективы.

КТО МОЖЕТ НАМ ПОМОЧЬ?

Если Вселенная существует 15 миллиардов лет, наша Земля — 4,5 миллиарда, а жизнь на Земле возникла почти 4 миллиарда лет тому назад, то логично предположить, что есть и другие планеты в космосе, где также зародилась жизнь, и не только зародилась, но дошла уже до уровня технологической цивилизации, и, возможно, существуют космические союзы таких цивилизаций, которые предпринимают грандиозные эксперименты в космосе: зажигают новые звезды, строят гигантские сферы. Существует же у нас проект Дайсона, по которому в будущем предлагается разобрать на строительный материал другие планеты и построить гигантскую сферу вокруг Солнечной системы, чтобы вся анергия Солнца доставалась нам, в то время как сейчас достается только 1/2500 часть. На этой сфере могут расселиться

десятки миллиардов людей. В инженерном плане эта идея отнюдь не безумна.

Такая сфера будет заметна из ближайшей галактики. Даже ночной свет таких больших городов, как Нью-Йорк или Токио, виден в телескоп с Марса. И мы тоже должны были бы наблюдать подобного рода эксперименты в космосе. Но мы ничего не наблюдаем. И ничего не слышим.

Считается доказанным, что любая технологическая цивилизация в поисках братьев по разуму будет посылать сигналы на волне 21 сантиметр, она наиболее дальнобойная. И мы слушаем космос по программе, но там все тихо. Конечно, хаотического шума много, время от времени ловятся сигналы со строгой периодичностью, но это всего лишь периодичность мертвых физических циклов (вращения, колебания и т. п.).

Но, может быть, мы никого не видим и не слышим потому, что технологические цивилизации разделают громадные расстояния. Вероятность возникновения жизни на Земле исчезающе мала. В нашей Галактике примерно 150 миллиардов звезд; если допустить, что некоторые имеют свои планетные системы (хотя планет ни у одной звезды, кроме Солнца, пока не обнаружено), а на некоторых из планет возникает жизнь. Но жизнь может быть и в виде плесени или грибов. Так что планет, где есть разумная жизнь, еще на порядок меньше. И еще на порядок меньше планет, где может существовать технологически развитая цивилизация.

Следовательно, мы практически одиноки во Вселенной. И все разговоры об инопланетянах, о летающих тарелках не имеют под собой реальной почвы. Кстати, Карл Юнг полагал, что летающие тарелки — это фантомы, продукт коллективного бессознательного, они появились, когда над человеком висела угроза термоядерной войны, и были подсознательным выражением надежды на могучую цивилизацию, которая все видит и не даст нам погибнуть.

А если мы практически одиноки, если мы единственные представители разума во всей обозримой Вселенной и никакой помощи в решении проблем нашего выживания ждать вам неоткуда, — то это налагает на нас большую ответственность. Ответственность за жизнь людей, за планету, которая подарила нам эту жизнь, за воду, за воздух, за всех живых существ, которые обитают вместе с нами.

В числе прочего эта ответственность предполагает и необходимость хорошо учиться.

ВРЕМЯ

Время — важнейший фактор существования мира и человека. Время многообразно: есть психологическое, биологическое время, время истории, время культуры, физическое и даже космическое время.

В каждом живом организме работают биологические часы — растения закрываются вечером и открываются по утрам не по солнцу, а по своим часам. Они даже в полной темноте делают то же самое. Человек, перелетев из Европы в Америку, будет поначалу засыпать в три часа дня и просыпаться в четыре утра.

У каждого существа разное время и разный ритм жизни — однодневный мотылек проводит свою жизнь так же интенсивно, как черепаха свои триста лет. Сердце ласточки бьется со скоростью двести ударов в минуту, и она живет совсем в другом времени, чем земляной червяк.

Существуют так называемые биоритмы организма, у каждого человека они индивидуальны, в каждое время года идут со своей скоростью. Появилась целая армия «специалистов», которые составляют биокалендарь. Когда вам нужно усилить активность, когда лучше посидеть дома и т. д.

Психологическое время — это время наших внутренних переживаний. Веем известно, что когда человек чего-то долго ожидает, то время тянется медленно, а если спешит и не успевает, то оно летит очень быстро. Вспомните, как долго тянется последний урок в пятницу — гораздо дольше, чем первый в понедельник. Год, наполненный бездельем, никак не кончается, но потом, когда мы на него оглядываемся, нам кажется, что он промелькнул за миг. Наоборот, когда мы вспоминаем год, полный трудов и прошедший очень быстро, нам кажется, что он длился целую вечность.

В каждой молодой культуре существует сакральное (священное) и профанное (земное, повседневное) время. Сакральное время — это вечность, в которой живут боги и бессмертные герои. Это время движется по кругу или просто стоит неподвижно.

Профанное время является как бы отражением вечности: в античности движение времени измерялось движением звездного неба — величавым круговращением светил.

В средние века в Европе время отмечалось ударом монастырского колокола, времени было много, оно медленно текло тягучим густым потоком, как мед из кувшина.

Только в конце средних веков были изобретены часы — жуткий по сути символ убегающего времени. Но еще раньше появились мировые религии, которые «выпрямили» время — вместо круга оно стало линией, уходящей вдаль. В христианстве это выразилось в эсхатологии — учении о конце света где-то там, впереди, когда Христос придет второй раз и будет судить всех.

С появлением часов, машинного производства, крупных городов люди стали жить совсем в другом времени, в другом ритме — ритме машины. Времени стало постоянно не хватать — его стали «занимать» у будущего. Сколько раз вы слышали или сами говорили: сейчас нет времени (книгу прочитать, отдохнуть, сходить и осмотреть что-то), вот когда освобожусь…

В современной науке, промышленности время дробят уже на сотые доли секунды (время химической реакции, время жизни элементарной частицы). Во всей Западной Европе сотни миллионов людей примерно в одно и то же время (разница часовых поясов здесь незначительна) встают, в одно и то же время чистят зубы, идут на работу и т, д.

В рассказе фантаста Шекли один служащий выходил из дому ровно в 8.15, так как в 8.17 отправлялся от его остановки автобус. Один раз он опоздал на тридцать секунд, и автобус ушел. Но тут же подошел второй. Его поразило, что в этом автобусе нет обычной толкучки и даже можно сесть. Приехав на работу, он вошел в лифт и вдруг увидел на панели красную кнопку перед этажом, на котором он работал, раньше этой кнопки не было. Он нажал ее и приехал на этаж, где сидели его сотрудники, но в то же время здесь все было не так: все были вежливы, начальник добрый, зарплата выше. Короче, он попал в мир, который следовал за прежним миром с пол минутным отставанием, и это был совсем другой мир.

В начале XX века путешествие из Европы в Америку составляло несколько недель, сейчас мы летим туда 8-10 часов. Вся наша жизнь

значительно ускорилась. Все быстро меняется: мода, прически, стили в архитектуре, философские концепции, художественные школы. Мы проживаем жизнь с такой интенсивностью, с таким количеством впечатлений, которых человеку прошлых эпох хватило бы на несколько жизней. И это хорошо только с одной стороны, потому что с другой — такой ритм сопровождается большим количеством нервных срывов, стрессов, психических заболеваний.

Даже музыканты стали играть длинные классические произведения (симфонии и оперы) на несколько минут быстрее, чем играли в прошлом веке; все торопятся, все спешат и все мечтают когда-нибудь остановиться, задуматься, оглянуться. Но не у всех получается.

Существует и время истории: время жизни народа, которое имеет совсем другой ритм, другой способ протекания. Более подробно мы поговорим об этом в главе «Человек и история».

ПРОСТРАНСТВО

Пространство так же многообразно, как и время: есть биологическое пространство, психологическое, пространство культуры, физическое, географическое, историческое пространство.

Биологическое пространство строго соблюдается в растительном и животном мире: дубы растут на определенном расстоянии друг от друга, скученность животных на узком пространстве приводит к истребительной войне между ними, пока их не останется ровно столько, сколько нужно для нормальной жизни.

Психологическое пространство — очень важная категория нашего общежития. Человеку необходимо определенное количество свободного пространства вокруг него, иначе он чувствует дискомфорт. Некоторым людям очень плохо в толпе. Проблема психологической совместимости у членов экипажей самолетов, космических кораблей — во многом и проблема психологического пространства.

Физическое пространство трехмерно и анизотропно, т. е. не имеет предпочтительного направления (в космосе нет ни верха, ни низа, ни запада, ни востока). Но физическое пространство еще и искривляется под влиянием гравитации. Пространство нашего мира имеет

положительную кривизну: почти все космические тела — шары, и сама Вселенная, видимо, тоже — сфера.

Как и время, пространство у древних народов было сакральным и профанным. Сакральное пространство — это центр, где находится какое-либо святое место («пуп земли», главный храм и т. п.). Чем дальше от этого места, тем проще и зауряднее пространство. В Москве сакральный центр — Красная площадь, здесь все освящено временем, все торжественно. Печать святости и на прилегающих к Кремлю улицах, но чем дальше от него, тем она все более убывает, и где-нибудь в Орехово-Борисово уже ничего святого нет — унылые коробки домов, грязь, пыль.

У кочевых народов пространство — это путь, который проходит герой, побеждая врагов и совершая подвиги. Путешествия Язона и Одиссея — дошедшие до греков отголоски кочевой эпохи.

У оседлых народов пространство замкнуто, закрыто, города обычно состоят из концентрических кругов улиц. Родина для древнего грека — это все то, что можно увидеть вокруг, если влезть на самое высокое дерево или взойти на холм Акрополя. Эти обитатели маленьких государств-городов (полисы) испытывали страх перед бесконечным пространством. Во времена Перикла за учение о бесконечности могли подвергнуть смертной казни. Греческий храм построен по тому же принципу — его можно охватить одним взглядом.

Совсем другое дело средневековье и более близкие к нам времена. Христианский храм — это путь от входа к алтарю, который символизирует бесконечность. Развивается перспективная живопись — уходящие вдаль линии ландшафта, горизонт. В театре есть задник, символизирующий открытое пространство. Возникает учение о бесконечности пространства (Дж. Бруно). Появляется понятие вектора в математике. Европейские города постепенно начинают спрямлять свои улицы — прорубаются прямые проспекты; новые города строятся исключительно по такому принципу (сравните Москву и Петербург).

В живописи появляется густой коричневый фон, символизирующий бесконечность (Рембрандт), бесконечность начинает звучать и в симфониях Моцарта и Бетховена. Наконец, возникает психология, которая открывает бесконечность и неисчерпаемую сложность человеческой души.

Пространство — это способ выражения человеческой души через то, как она воспринимает и переживает окружающий ее мир. В современной культуре, почти целиком профанной, все еще сохранилось сакральное восприятие пространства, присущее в основном художникам. Помните, как Гоголь писал в «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собрались дивиться сему чуду: вдруг стало видно далеко, во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горой подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку была видна земля Галичская».

ЧИСЛО

Галилей утверждал, что природа говорит на языке математики. Поэтому числу, математическим закономерностям во все века придавалось огромное значение. Еще Пифагор считал, что числа управляют миром и составляют его сущность. Числа и геометрические фигуры образуют мир: движение точки (число 1) образует линию; движение линии (число 2) образует плоскость; движение плоскости (число 3) образует фигуру; движение фигуры (4) создает пространство. Все остальные числа являются суммой или произведением первых четырех. Пифагор даже основные стихии — огонь, воду, воздух — видел в виде геометрических фигур: октаэдра, икосаэдра и т. д.

Число «три» у всех древних народов — мужское число, оно более динамично; «четыре» — женское, как более статичное и постоянное. Сумма 34*1, число семь, — священное число, оно характеризовало устойчивое состояние Вселенной; «десятью соединяло единое и ноль» т. е. единичное и всеобщее. Произведение 3 и 4 — число 12 — также святое, а 13 — это уже перебор, чертова дюжина. Эта магия чисел до сих пор жива в определенных районах земли. Если охотники-эскимосы убивают тюленя самца, они снимают с него три слоя жира, а с самки — четыре.

Есть шутливый тест, где предлагается назвать нечетное число от 1 до 9. После этого говорится, что число один называют гении, три — умные люди, пять — не очень умные, семь — посредственные и

заурядные, девять — авантюристы. Самое интересное в этом тесте то, что 90% людей называют число 7. Святость этого числа, видимо, была осознана в очень древние времена (семь дней недели, семь пядей во лбу, семь дней творения мира Богом, семь частей света и т. д.). Есть гипотеза, согласно которой все это потому, что первые люди, жившие на берегу Индийского океана, могли питаться дарами моря, когда после семидневного лунного цикла наступал отлив.

Абстрактные числа современной математики — это очень поздний продукт развития культуры. Первобытного человека нельзя было спросить: сколько будет 2+2. Он обязательно бы спросил: что к чему прибавляем — яблоки к грушам или топоры к копьям. Преобладал не количественный, а качественный аспект чисел.

В древнекитайской живописи часто повторяющийся мотив, ветка сливы, представляет собой символ числовой структуры природы. Цветоножка — воплощение единого начала; чашечка, поддерживающая цветок, выражает троицу — Небо, Земля и Человек, рисуется тремя точками; сам цветок олицетворяет пятью лепестками пять первоэлементов; кончики ветвей дерева обычно имеют восемь развилок. Все части, связанные с самим деревом, питающимся соками земли, определены четными числами; все цветы, тянущиеся в небо, — нечетными.

Таким образом, в древности числа и тела считали тождественными. Всякий акт счета понимался как сакральный акт: числа предсказывали судьбу, соотносили измеряемую вещь с пропорциями Вселенной, включали измеряемое в космический ритм, не исчерпываемый числом, но числом выражаемый.

Этот древний архаический смысл чисел снова и снова возрождается в художественной литературе. У Достоевского, согласно лингвисту В. Н. Топорову, всякое роковое событие, случающееся с его героями, происходит после семи часов вечера. В его романах, особенно а «Преступлении и наказании», также поразительно устойчив образ четырехэтажных домов. Раскольников приходит в четвертую по порядку комнату, идет разговор о четырехмесячной неуплате долга, Сонина комната — это тоже неправильный четырехугольник и т.п. Вертикальная четырехчленная структура выражает у Достоевского мотивы ужаса, узости, насилия и нищеты. Ей противопоставлена

четырехчленная горизонтальная структура(на все четыре стороны), связанная с идеей простора, доброй воли, спасения.

В настоящее время числа утратили свой сакральный характер, став голыми абстракциями, одинаково годными для обсчитывания и измерения любой реальности. Правда, специалисты говорят, что хороший математик не тот, кто хорошо считает, владеет техникой математического анализа и т. д., но тот, кто чувствует мистический дух чисел, как чувствовали его древние. Карл Вейерштрасс, известный своими математическими открытиями, говорил, что математик, который не несет в себе частицы поэта, никогда не станет совершенным математиком. Чистая математика есть тоже искусство. У нее свои стили, свои формы выражения в каждую историческую, культурную эпоху. Давно обращали внимание на сходство музыка и математики. Эйнштейн, например, призывал математиков изучать музыку и даже учиться играть на каком-нибудь инструменте, ибо музыка, считал он, развивает специфическую математическую интуицию.

Чувство формы у скульптора, живописца, композитора является по сути математическим. В геометрическом анализе и проективной геометрии XVII века обнаруживается тот же одухотворенный строй бесконечного мира, что и в современной им музыке, этой геометрии звукового пространства, и в масляной живописи — с ее известной только Западу перспективой — этой геометрии образного пространства.

ДВИЖЕНИЕ

Движение происходит всюду и везде, на всех уровнях и во всех объектах — от галактик до электронов, вращающихся вокруг атомного ядра. Я как человек участвую в многообразных формах движения: механически перемещаюсь, во мне происходят химические и биологические процессы, вместе с планетой я вращаюсь вокруг Солнца, вместе с Солнцем вокруг центра Галактики, вместе с Галактикой лечу куда-то с большой скоростью из-за расширения Метагалактики.

Перед человеком издавна вставал вопрос: что или кто является источником движения, кто произвел «первичный взрыв», кто запустил

гигантский механизм, работающий бее перебоев миллиарды лет? Никто, кроме Бога, этого сделать не мог. Многих гипотеза существования Бога как перводвигателя не удовлетворяет. Но никаких более удовлетворительных объяснений наука не дает.

Часто говорится о том, что внутри каждой вещи заложено противоречие и что именно оно является источником, мотором развития. Основное противоречие всякого живого организма — борьба жизни и смерти; солнечной системы — борьба силы притяжения и отталкивания и т. д. Но кто или что заложило эти противоречия в сущность мира? На этот вопрос тоже нет ответа.

Даже простое механическое движение содержит в себе загадку. Древнегреческий философ и математик Зенон выдвинул парадокс «Летящая стрела». Стрела, чтобы пролететь определенное расстояние, должна сна-чала пролететь половину его, а до этого четверть, а до этого половину четверти, а перед - этим четверть четверти и т. д.; мы можем пространство дробить до бесконечности все более и более уменьшающихся отрезков, но стрела не может пролететь бесконечное количество отрезков — поэтому она вообще не летит, она покоится. Движение невозможно.

С тех пор больше двух тысячелетий математики и логики ломают себе голову над этим парадоксом.

Всякое усложнение в живой природе, появление новых, более сложных форм жизни называется развитием. Хотя наличие развития отмечаем только мы, люди. Самой природе все равно, в каком виде ей существовать: в виде грибов или в виде школьников десятого класса. Нам представляется более развитым то, что ближе к человеку. Но есть в природе масса форм, которые не развиваются и прекрасно себя чувствуют: ежи, змеи, черепахи, крокодилы и т. п. уже десятки миллионов лет живут, нисколько не изменяясь. А есть формы жизни, которые деградируют, мельчают, исчезают вообще.

Развитие общества мы называем прогрессом. Прогресс — это увеличение степени господства человека над природой. Как только возникло общество, оно действительно стало постоянно и неуклонно прогрессировать — это прежде всего касается создания искусственной среды вокруг себя. Развиваются формы жизни, орудия труда, способы обработки земли и получения новых материалов и т. д. Нет, правда, никакого прогресса в самом человеке, он гораздо больше знает, чем его

первобытные или античные предки, но существенно умнее он не стал. Как не стал и менее агрессивным или более счастливым.

Если мы ничего не знаем о начале движения, то много знаем о его конце. Есть так называемая теория «тепловой смерти Вселенной», согласно которой водород в звездах рано или поздно весь выгорит, тепло равномерно распространится в космосе, и прекратится всякое движение. Наступит тепловая смерть, потому что в неживых системах всякое движение идет от более нагретого к менее нагретому. А здесь установится полная равномерность.

Во всем видимом нам мире, утверждает физика, возрастает энтропия, то есть хаос, неупорядоченность. Мир из космоса превращается в хаос. Закон энтропии гласит: всякая неживая система стремится к наиболее вероятному для нее состоянию, иначе говоря — к хаосу. Например, ваша школа, школьное здание — это неживая система. Если люди не будут ни отапливать его, ни ремонтировать, то очень скоро оно рухнет, превратится в груду кирпичей. И это для него наиболее вероятно; невероятно — чтобы оно само себя обогревало, само себя ремонтировало.

Так же и Вселенная в целом. Это неживая система. И тепловая смерть для нее неизбежна, так как неизбежно возрастание энтропии. Поэтому, кстати, невозможно путешествие назад во времени. Нельзя вернуться во вчерашний день, там было меньше энтропии, и это необратимый процесс. Отсюда и необратимость времени.

Ученые, правда, утешают, что если Вселенная бесконечна (а есть и такие гипотезы), то и возрастание энтропии не имеет предела. Тогда она может возрастать бесконечно, и это не приведет к тепловой смерти.

СВЕТ, ЦВЕТ И РИТМ

Не только пространство и время, не только движение, но и такие феномены, как свет, цвет и ритм, определяют человеческую жизнь и культуру. Свет — не только физическое явление, но и глубочайший символ человеческой жизни. Источником света для человека является не только солнце, огонь лампы или пламя костра. Свет пронизывает весь космос: от сверкающих звезд до самых плотных материй — гранита и алмаза.

От света произошло и «светлое» — легкое, свободное, открытое, — и «святое», и «свет разума».

Свет всегда опосредован тенью, темнотой, всегда находится с ней во взаимной игре, образуя многочисленные оттенки. Мир воспринимается в световых контрастах: одни предметы освещены ярко, другие в тени, на третьих мерцающий отблеск, четвертые едва угадываются во тьме.

Это же относится к свету разума и к нашему пониманию мира. Абсолютно чистый свет был бы равен абсолютной тьме. Кто прямо и не моргая смотрит на само солнце, тот слепнет.

Сам язык говорит о глубокой зависимости между светом и тьмой: немецкое слово «тень» (Schatten) родственно немецким scheinen (казаться) и Schein (свет); русское «мрак» (или «морок», по чередованию гласных) связано с глаголами «меркнуть», «мерцать», указывающим на наличие света.

Если на Западе «тень», «тьма» несут в себе отрицательное значение — власть тьмы, дьявол всегда черный, а святые в белых одеждах, день всегда радует, а ночь пугает, — то на Востоке тень, темные стороны, сама тьма воспринимаются как добрый знак, как доказательство связи предмета с сущностью мира.

Цвет как проявление света — также и природный фактор, и феномен культуры. Например, в раннеарабской мозаичной живописи, в искусстве раннего средневековья, в иконописи преобладает золотой цвет как попытка выразить просвечивающую поверхность, как бы намекающую на бесконечность, сверхъестественность изображаемого. Золотой цвет в картине или на иконе изображает вещи как бы произведенные светом, а не просто освещенные.

Состав краски и способ ее нанесения на поверхность предопределялись той культурной атмосферой, в которой жил художник, теми духовными задачами, которые он хотел разрешить. Но в то же время сам цвет и особенности его проявления влияли на культуру.

Обостренное внимание к внутренней жизни, попытка выразить и передать ее цветом вынуждали переходить к более глубоким тонам, например к синему, голубому и черному. И. В. Гете в своем «Учении о цвете» писал, что синее вызывает у нас чувство одиночества,

напоминает нам о тени, синее стекло показывает предметы в печальном виде, а голубую краску называл «волнующим ничто».

Черный цвет в современной европейской культуре считается траурным, в то время как для японцев весьма характерно пристрастие к черному цвету и тени вообще. В воображении японцев неизменно присутствует темнота черного лака, в то время как европейцам даже привидения рисуются светлыми. Откуда такая разница во вкусах? Видимо, людям Востока свойственно искать удовлетворение в той обстановке, в которой они очутились, они не питают чувства неприязни к темноте, добровольно затворяются в тень и открывают в ней присущую ей красоту.

В европейской живописи XVI—XVIII веков коричневый цвет, как считал философ культуры Освальд Шпенглер, растворял осязаемое бытие чувственного мира в атмосферической видимости, вытеснял вообще линию из картины, придавая ей выражение потусторонности.

Наконец, ритм как феномен природы накладывает сильнейший отпечаток на мировосприятие людей. Символ космического ритма — древнейший образ, существовавший во всех культурах. Чем древнее мифы, тем более они ритмичны по форме. Они ритмично выкрикиваются, выплакиваются, выпеваются. Ритм превращает поступок в мимическое действо, в пляску, танец, делает язык ритмической речью, на его основе возникают песня и первичная музыка.

Наша материальная культура получила круглые и четырехугольные структуры созданных человеком вещей в силу присущего нам чувства ритма. Человек чувствует космический ритм, ритм природы и запечатлевает их в вещах. Вся композиционная симметрия античной архитектуры и скульптуры произошла отсюда.

Некоторые авторы пытаются объяснить природным ритмом всю человеческую историю. Например, дрейф магнитного ядра Земли приводит к циклическим изменениям погоды, отчего раз в несколько сот лет наступала засуха в Великой азиатской степи, и люди шли к северу, в Европу, начина-лись великое переселение народов, великие завоевания.

Александр Чижевский в своей книге «Земное эхо солнечных бурь» доказывал, что все крупные события в человеческой истории —

войны, революции и т. п. — совпадали со вспышками солнечной активности.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

«Я» — «ТЫ» — «МЫ»

Абсолютно непосредственно и достоверно нам дано лишь наше собственное Я. Оно является для нас той точкой, из которой наше сознание озаряет нам весь остальной мир. Все остальное — другой человек, общество — воспринимаются как производное от моего Я, как нечто внешнее; чужое, как всё, что не Я.

Однако как при этом происходит человеческое общение? Как можно понять другого человека, отнестись к нему с доверием? Как можно «добраться» до другого человека, до другого сознания?

С точки зрения философии «другое я» — это не просто объект, скажем другое тело, другой организм, который можно воспринимать и познавать, но это и другой человек, который меня воспринимает, на меня смотрит, меня слушает. «Ты» не стоит пассивно перед «я», покорно и безучастно предоставляя себя любопытствующему взору, здесь происходит активная встреча двух. Мое «я» открывается другому, становится для него «ты».

Не я открываю «ты», оно само открывается мне. Чужую душу нельзя ни видеть, ни осязать, нельзя вообще чувственно воспринять. Чужая душа — это ведь не предмет, на который я смотрю, она сама на меня смотрит. Как два зеркала, поставленные друг против друга, дают бесчисленный ряд отражений, так и познание какого-либо «ты» должно содержать в себе бесконечное число преломляющихся и отражающихся, пробегающих взад и вперед узнаваний и пониманий.

«Ты», таким образом, дает нам знать о себе, затрагивая нас, проникая в нас, вступая с нами в общение. То, что называется «ты», есть непостижимая тайна живого человека, которая соприкасается, вторгается в нас, переживается нами.

Все это дано уже в любом чужом взоре, направленном на нас. Встреча двух пар глаз, скрещение взоров — то, с чего начинаются любовь, и дружба, и вражда, вообще всякое общение, — есть, считал

С. Франк, наиболее конкретное обнаружение вечной тайны, образующей само существо человеческой жизни. Происходит чудо выхождения человека за пределы самого себя, взаимного самораскрытия друг для друга двух людей, которые в иных отношениях замкнуты в себе.

В человеческой истории сознание «я», с одной стороны, возникает из реакции на «ты» как чуждого и угрожающего ему «другого», на «я-подобное» существо вне меня самого. Но, с другой стороны, «я», как таковое, впервые внутренне оформляется, начинает самого себя понимать и оценивать, лишь когда видит себя чужими глазами. Человек, писал К. Маркс, родится без зеркала в руках и сначала, как в зеркало, смотрится в другого человека. Только увидев в другом похожего на себя человека, он и к самому себе начинает относиться как к человеку.

В современной психологии существует концепция «зеркального Я». Согласно ей, личность — это сумма реакций человека на мнения о нем окружающих. Т. е. человек смотрит на то, как к нему относятся, и старается соответствовать ожиданиям. Если ему с детства твердить, что он глупый, он и вырастет глупым. Если все уверяют его, что он способный и талантливый, то он постарается соответствовать ожиданиям других.

Раньше в младших классах проводили опросы: каждый писал записку учителю, с кем он хочет сидеть за одной партой на следующий год. Выявляли тех, с кем никто в классе сидеть не хочет, т. е. отвергаемых всеми, нелюбимых одноклассников. В таком возрасте дети остро чувствуют, что их не любят, и вырастают несчастными, покинутыми, с острым чувством собственной неполноценности. И учителю нужно видеть таких детей, чтобы переломить отношение класса к ним.

Первичное единство «я» и «ты» грамматически выражается в «мы». «Мы» — не просто совокупность многих «я», это преодоление вечной противопоставленности меня и другого. «Мы» — первичная категория личной, а потому и общественной жизни человека. Это единство, противостоящее сразу и множеству, и разделению. Человек как «я» развивается в лоне «мы» всю свою бессознательную и сознательную жизнь.

Язык, культура, нравственность, весь духовный капитал, которым мы живом и который составляет наше существо, берется из сложившихся жизненных отношений между людьми. Социальная, общественная жизнь не есть, следовательно, какая-то внешняя форма человеческой жизни. Она есть необходимое выражение единства людей, составляющего основу человеческой жизни во всех ее областях. Человек живет в обществе не потому, что так жить удобнее, а потому, что лишь в качестве члена общества может состояться как человек, подобно тому как лист может быть только листом целого дерева.

С начала XX века в философии различают «общество» и «общность». Общество (в отличие от общности) — это внешняя связь между людьми, внешнее подчинение людей общей направляющей воле — власти или праву. Но внешнюю организацию общественной жизни, внешнюю механичность нужно отличать от внутренней органичности. Все органическое, живущее внутренним единством, не может быть организованно. Единство и оформленность не налагаются на раздробленность и бесформенность частей, а действуют в них самих, пронизывая их и присутствуя в их внутренней жизни.

Это внутреннее органическое единство может выступать в форме семьи, в форме религиозной общины ит. д., наконец, в форме общности судьбы и жизни всякого объединенного множества людей. Эта общность образует жизненное содержание самой личности. Общность — это духовное питание, которым внутренне живет личность, ее богатство, ее личное достояние.

Для поверхностного восприятия общество состоит из людей, в настоящее время населяющих землю. Но за наружным, временным аспектом настоящего в общественной жизни таится ее вечный фундамент и источник сил — первичное надвременное единство настоящего с прошлым и будущим. В каждое мгновение наша жизнь определена силами и средствами, накопленными в прошлом, и вместе с тем устремлена в будущее, выступает как творчество того, чего еще нет.

ЭТНОСЫ И СУПЕРЭТНОСЫ КАК ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Лев Николаевич Гумилев (1912—1992) — сын двух великих русских поэтов — Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Участник многих этнографических и археологических экспедиций в Азию. Доктор исторических и доктор географических наук. Результатам его исследований явились замечательные, правда во многом до сих пор спорные, книги «Древняя Русь и Великая» Степь», «В поисках вымышленного царства», «От Руси к России», «Хунну».

Этнос — это объединение людей, лежащее на границе природы и общества, это жизнь людей в конкретных природных условиях, которые определяют своеобразие каждого этноса, и в то же время жизнь, связанная социальными, культурными законами. В учение об этносах большой оклад внес Л. Н. Гумилев, в частности, своей книгой «Этногенез и биосфера земли».

Греческое слово «этнос» означает «вид, порода». Этнос — это свойство homo sapiens группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» всему остальному миру. Эллины и варвары, иудеи и все прочие народы, европейцы-католики в средние века и нечестивые азиаты. Объединиться в этнос нельзя, он возникает как природное явление, и каждый человек с младенчества принадлежит тому или иному этносу.

Есть чисто социальные объединения — классы, государства; есть чисто природные — семья, род, племя, народность, раса и даже отчасти нация. Этнос как бы перекрывает все это, являясь, с одной стороны, основой и природных, и социальных делений человека, с другой — самостоятельной единицей.

Этнос связан не только с природой, он имеет отношение к сознанию, к психологии человека. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. Они, строго говоря, не французы, первые — выходцы из Англии, вторые — из Испании. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про наполеоновского маршала Мюрата или про мушкетера Д’Артаньяна, что они — не французы? Они считали себя принадлежащими к французскому этносу.

Русский этнос в XIX веке — это поморы, питерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и крестьяне степных губерний, казаки донские и казаки уральские — все

они были очень непохожи друга на друга, говорили на разных диалектах, вели совершенно разный образ жизни, но народного единства это не разрушало. А вот терские казаки по быту очень близки чеченцам, но эта близость друг с другом никогда их не объединяла.

Цыгане вот уже тысячу лет как оторвались от Индии, откуда пришли, потеряли связь с родной землей и тем не менее не слились ни с испанцами, ни с французами, ни с румынами. Они везде, куда ни попадали, оставались иноплеменной группой.

Этносы часто складываются в систему этносов. Например, «китайцы» или «индусы» эквивалентны не «французам» или «немцам», а западноевропейцам в целом, ибо являются системами этносов, объединенных на принципах культуры. Индусов связывает система каст, а китайцев — иероглифическая письменность. Как только уроженец Индостана переходил в мусульманство, он переставал быть индусом. Китаец, живущий среди варваров, в древние времена рассматривался как варвар, а иноземец, знающий китайский этикет, — как китаец.

А чтобы стать полноценным американцем, нужно просто родиться в США, а кто ты по национальности — еврей, русский или немец, не важно.

Этнос, согласно Гумилеву, — еще и поведение людей, его составляющих. Каждый человек должен вести себя особым образом, и характер поведения определяет его этническую принадлежность. Возникновение нового этноса — это также создание нового стереотипа поведения. Особенно это относится к суперэтносам, которые, складываясь на основе старых этносов, создавали новый специфический тип поведения.

Современные испанцы, как считает Гумилев, сложились в этнос, носящий это название, относительно поздно (в средние века) из смешения древних иберов, кельтов, римских колонистов, германских племен свевов и вестготов, к которым примешались баски (прямые потомки иберов), аланов (потомков сарматов и ближайших родственников осетин, арабов-семитов, мавров и туарегов-хамитов, норманнов и каталонцев, частично сохранивших свое этническое своеобразие.

Англичане — это сложный суперэтнос из англов, саксов, датчан, норвежцев и западных французов из Анжу и Пуату.

Русский суперэтнос образовался из смешения восточных славян из Киевской Руси, западных славян, финнов (меря); муромы, веси, чуди заволоцкой; угров, смешавшихся сперва с перечисленными финскими племенами; бантов (голядь); тюрок (крещеных половцев и татар, в небольшом числе монголов).

Только через принадлежность к этносу любой человек осознает свою связь с обществом, с государством, с историей.

СЕМЬЯ

Семья — клеточка общества, его как бы мини-модель. Без семьи и семейного воспитания, семейной заботы о ребенке не было бы ни общества, ни государства, ни этноса. Как бы ни менялись общественные устройства, какие бы бури ни проносились над людьми — семья всегда оставалась.

Утописты-революционеры всех времен почему-то мечтали уничтожить семью, брачные отношения, выступали за свободную любовь и за то, чтобы функции семьи передать государству, построив огромные фабрики-кухни, фабрики-прачечные и освободив женщину от домашнего труда.

Однако давно замечено, что дети, получившие домашнее, а не казенное воспитание, лучше учатся, более способные. Никакие детские сады и школы не заменят материнской любви. Л. Толстой писал в «Войне и мире», что Наташа страстно любила своего будущего ребенка, хотя она еще не была замужем. Вот когда нас так любят, так страстно желают еще до нашего рождения, то этим закладывают все наши таланты, все наши способности.

Семья исторически изменялась. В эпоху матриархата, когда власть принадлежала женщинам, каждый знал свою мать, но никто не знал своего отца, вместо семьи были беспорядочные половые отношения. Затем власть перешла к мужчине, и отец стал заинтересован в том, чтобы точно знать, кто его дети, кому передать свое хозяйство, свой дом. Возникла парная семья. Она еще не была скреплена законами и легко распадалась и вновь образовывалась.

С появлением государства появились и законы о браке, и постепенно в Европе начала складываться моногамная семья — один мужчина и одна женщина. Однако в мусульманских странах, в Азии и

Африке до сих пор существуют, особенно в деревнях, полигамные браки. По мусульманским законам, мужчине разрешается иметь до четырех жен. В Непале еще в первой половине нашего века семья строилась по противоположному принципу: одна жена могла иметь до пяти мужей. Но в большинстве стран укрепилась и сохраняется моногамная семья.

Семья воспитывает и развивает чувство взаимной связанности людей, их умение служить друг другу. Семья, живущая в одном доме, — это социальная система. Вот как Л. Гумилев это пояснял: «Элементы системы: члены семьи и предметы их обихода, в том числе муж, жена, теща, сын, дочь, дом, колодец, кошка. Они составляют семью до тех пор, пока супруги не разведутся, дети не отколются, начав зарабатывать сами, теща не разругается с зятем, колодец не зацветет и кошка не заведет котят на чердаке. Если после этого они останутся в доме, хотя бы туда провели водопровод,. это будет не семья, а заселенный участок, т. е. все элементы живой и косной природы останутся на месте, но система семьи исчезнет. И наоборот, если умрет теща, будет перестроен дом, сбежит кошка, уедет учиться любящий сын, семья сохранится, несмотря на перемены в числе моментов. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они и не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры».

Еще в начале века типичной для России была большая семья. Все жили вместе: родители, родители родителей, дяди, тети, кузены, кузины и т. д. В настоящее время типичная семья — это родители (отец и мать) и один-два, максимум три ребенка. Дети, едва став взрослыми, стараются как можно раньше уйти из семьи и завести свой дом, жить самостоятельно. В странах Западной Европы это вообще стало правилом: сын или дочь, достигнув совершеннолетия, отделяются и живут, стараясь экономически не зависеть от родителей, и родители не рвутся им помогать, считая, что те должны сами пробить себе дорогу в жизни.

Постепенно исчезает тот аромат большой семьи, в котором и должны расти дети.

ГОСУДАРСТВО

Согласно английскому философу XVI века Томасу Гоббсу, государство существовало не всегда. Сначала была война всех против всех, и в ней человек сам должен был себя защищать. Постепенно люди пришли к идее «общественного договора»: они как бы заключили неписаный договор, что часть своей свободы они отдают государству, т. е. обязуются ему повиноваться, а взамен оно обязуется их охранять от разбойников и внешних врагов. Таким образом, главная цель государства — охрана своих подданных, забота о них.

Первое государство возникло в Древнем Египте много тысяч лет назад, а сейчас нет ни одного народа, кроме первобытных племен в джунглях Амазонки, который не имел бы государственного устройства. Древние греки перепробовали все виды и формы такого устройства: монархию (власть одного, покоящуюся на законе), тиранию (беззаконную власть одного человека), олигархию (беззаконную власть группы людей), демократию (власть народа) и охлократию (власть толпы).

Демократия, наверное, лучшая форма государства: всеобщее избирательное право, всеобщая выборность, когда любой человек, достигший определенного возраста и умственно здоровый, может быть избран в органы власти, наконец, соблюдение прав и свобод каждого человека. Правда, в древнегреческой демократии рабы людьми не считались и прав не имели. Однако в мировой истории и демократии и монархии тяготели к установлению тирании или олигархии, к узурпации власти, к подавлению прав и свобод личности.

Чтобы этого избежать, английский философ Джон Локк и французский литератор Шарль Монтескье предложили, независимо друг от друга, принцип разделения властей, который, постепенно развиваясь, к настоящему времени требует наличия в обществе четырех властей:

- законодательная власть (парламент, дума и т. д.);
- исполнительная власть (монарх, президент, правительство);
- судебная власть;
- свободная пресса (вместе с иными средствами информации), которую сейчас называют четвертой властью.

Все эти ветви власти друг от друга не зависят, друг друга контролируют и делают невозможной узурпацию, захват власти каким-нибудь одним лицом.

В настоящее время подавляющее большинство стран в мире — это демократические республики. Даже страны, где у власти формально находится монарх (Англия или Швеция), по существу функционируют в режиме республики.

Власть до сих пор считается наивысшей ценностью. Люди всегда стремились властвовать над другими людьми — и почти все войны, почти все преступления и злодеяния были вызваны жаждой власти.

Со времени немецкого социолога Макса Вебера выделяются три типа власти: традиционная власть, харизматическая власть, бюрократическая власть.

Традиционная власть — это власть племенного вождя, князя, короля, царя, передаваемая по наследству, по традиции. Король правит не потому, что он умный или талантливый, а потому, что он родился наследником престола.

Харизматическая власть покоится на личном обаянии, на способности нравиться массе — на харизме человека. Харизматический лидер — это человек, прорвавшийся к власти за счет своей мощной воли, интуиции, энергии. Типичными харизматическими лидерами были Наполеон, Ленин, Фидель Кастро, Ельцин в начале своей деятельности.

Самой «совершенной» в смысле неуязвимости, самой распространенной и могущественной является ныне бюрократическая власть — власть аппарата. Это анонимная власть: никто не знает людей, которые готовят самые важные решения. Те, кто их подписывает, — лишь свадебные генералы. Аппарат могущественнее их и может их убрать, если они ему мешают. Типичный пример — судьба Хрущева или попытка переворота в СССР, которую совершил партийно-государственный аппарат в августе 1991 года, и последовавшая вскоре отставка Горбачева.

Бюрократический аппарат — это совокупность людей, работающих как машина, без страха и упрека, без эмоций и без инициатив. Чиновник тем успешней работает винтиком этого аппарата, чем больше он подавил в себе все человеческие качества. Аппарат может работать на любого, кто стоит у руля власти, хотя на самом деле он служит прежде всего себе.

Государство, университет, армия, даже церковь — все управляется ныне бюрократическим аппаратом. Он постоянно разбухает, втягивая в

себя все новых людей. Он, как гидра: если у него отрубить одну голову, то вскоре вырастают сразу три.

Аппарат — и благо и зло одновременно: ничего более эффективного в деле управления человечество не создало, и в то же время аппарат, если его все время жестко не контролировать (а он никаких контролеров не терпит), начинает работать на себя.

В некоторых странах роль государства в жизни общества минимальна, и достижение такого ограничения считается важнейшим завоеванием демократии. Государство охраняет границы, защищает от преступности, собирает налоги и заботится о пенсионерах и безработных. В США, например, государство контролирует только 5% экономики, все остальное — в частных руках.

У нас государство еще очень сильно вмешивается во все дела и обязанности граждан. Оно по-прежнему определяет основные направления экономического развития; по- прежнему у нас нет сильного класса собственников, которые противопоставляли бы свой интерес государству; по-прежнему большая часть населения в совершенном юридическом неведении по поводу своих прав и обязанностей. «У нас в России две напасти: внизу власть тьмы, вверху тьма власти», — как острили еще в начале XX века.

Возможно, что сейчас нужна сильная государственная власть, чтобы справиться с разгулом преступности, остановить падение производства и т. д. Но рано или поздно государство должно будет значительно умерить свои аппетиты.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Многие века, начиная с возникновения государства, общество было разбито на разные классы, сословия, касты и т. д. В России прошлого века были помещики, крестьяне, буржуазия, рабочие, ремесленники, сословия дворян, священников, купцов, мещан, офицерское сословие, казаки. Крестьяне, в свою очередь, могли быть государственные, помещичьи, монастырские, вольные.

Общество было довольно сложным и дифференцированным. После октябрьской революции 1917 года все значительно упростилось: дворянское сословие, буржуазия, купечество были уничтожены. Остались — рабочий класс, крестьянство и интеллигенция. Последняя

считалась даже не классом, а некой «прослойкой» между двумя классами.

В настоящее время российское общество снова дифференцируется, возвращаясь к нормальной социальной сложности. Вновь появился класс капиталистов, скромно называющихся предпринимателями, который внутри себя делится на так называемые «страты» (слои): по сферам своей деятельности (промышленность, торговля, банки) и уровням своего дохода. Появился класс мелких предпринимателей, имеющих свое небольшое дело: магазин, ларек, гараж по ремонту и т. д.

Очень сложным по своему внутреннему устройству стал рабочий класс — здесь и промышленные (внутри себя крайне неоднородные в силу различия как отраслей, так и уровня квалификации), и сельскохозяйственные рабочие, и полубезработные, и полностью безработные. Быстро возрождается сословие ремесленников в связи с быстрым развитием сферы обслуживания.

Вновь «появились» служащие — многомиллионный отряд, самый большой по численности в любом современном обществе. Здесь государственные служащие высшего звена (министры, директора фабрик и заводов); инженерно-технический состав предприятий, кого часто включают и в рабочий класс; работники сферы обслуживания: коммунальных предприятий, транспорта, связи; военнослужащие.

Особое место принадлежит интеллигенции: учителям, ученым, писателям, художникам, артистам — людям, занимающимся духовным производством, производством и распространением новых идей, новых культурных ценностей, воспитанием и образованием детей.

В каждом обществе есть и еще одна часть населения, часто довольно внушительная — так называемые маргинальные слои, которых раньше называли деклассированными элементами: воры, бандиты, проститутки, бродяги» нищие.

В 30-е годы во время коллективизации в СССР огромная масса крестьян хлынула в города, спасаясь от голода и репрессий. Многие из них, оторвавшись от крестьянской среды и культуры, так и не приросли к городской. Оказавшись без корней, без роду и племени, без религии, без культуры, они словно повисли в воздухе. На рабочих местах они, КАК правило, выполняли самую простую,

неквалифицированную работу, селились по окраинам города, в бараках — тогда в деревянных одноэтажных, сейчас в каменных 9-16-этажных.

Беда этих людей в том, что они становятся никому не нужны, все меньше потребности в неквалифицированном труде, все меньше рабочих мест, везде требуется хорошее образование и достаточно высокая общая культура, а государство не имеет средств либо желания (или того и другого сразу), чтобы помочь маргиналам найти себе новое место в жизни.

Сейчас в нашей стране в связи с ростом безработицы, падением жизненного уровня опасность обвально быстрой маргинализации усиливается.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Вечным анекдотом при советской власти был следующий; «чего только у советской власти нет — масла нет, мяса нет». Но еще при советской власти никогда не было гражданского общества.

При советской власти господство государства было тотальным, почему и государство это теперь называется тоталитарным. Государство определяло, что людям надо слушать, — почти все западные радиостанции, вещающие на русском языке, глушились; определяло, что смотреть, — и советские и западные фильмы отбирала государственная комиссия; что читать — все издательства и типографии были государственными, свирепствовала цензура, и страшным преступлением было иметь печатный станок; определяло, что думать, — с детского возраста людям так промывали мозги, что или думали в соответствии с решениями партии, или вообще не думали.

Все гражданские права личности, записанные в Конституции, существовали только на бумаге: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода печати, презумпция невиновности (т. е. человек не обязан доказывать, что он невиновен) и т. д. Человек был не гражданином, а винтиком огромной государственной машины. Человек существовал один на один с государством.

Гражданское общество — это общество структурированное. Оно содержит внутри себя массу негосударственных объединений, независимых от государства, и человек, являясь членом одного или

нескольких союзов или объединений, уже не стоит один на один перед лицом государственной машины. Она уже не может спокойно проехать по нему и не заметить.

Если общество однородно и монолитно, как при тоталитаризме, то оно подобно студню — толкнешь его с одного бока, и толчок, не встречая никакого сопротивления, проходит свободно через всю массу до следующего края. Отсюда и всенародное одобрение решений партии, и всенародное осуждение проклятых империалистов или их пособников — инакомыслящих. Отсюда страх, царящий в обществе, — человеку некуда было укрыться от вездесущего «государева ока». Все мы были погружены в этот студень и дружно колебались в такт его колебаниям.

Иное дело — гражданское общество. Я здесь не столько гражданин государства, сколько член союза потребителей, член клуба содействия пожарникам, член секты «Свидетели Иеговы», член общества трансцендентальной медитации. Я — член коллектива, с которым у нас общие интересы, мы защищаем друг друга, мы помогаем друг другу. Тот же «Союз потребителей» — очень серьезная общественная организация, которая по вашей просьбе может подать в суд на любое предприятие, выпускающее некачественные продукты. Эта организация имеет свой журнал, своих адвокатов и может, в принципе, разорить любое государственное или частное предприятие, если уличит его в неуважении к правам потребителей.

В нашем обществе еще только появляются ростки гражданского общества. А вот если взять, к примеру, современную ФРГ, то там оно сильно развито. В ней существует широкое «альтернативное» движение. Одна из основных программ этого движения — ограничить зависимость людей от государства и могущественных концернов. Создать им такие условия, чтобы они сами себя обеспечивали своим трудом, не работая на государство и крупных собственников. Можно жить лучше, даже если имеешь меньше. Меньше денег, меньше потребления, зато больше возможностей для личной самореализации. Нужен переход от «экономики услуг» к «экономике самообслуживания». Нужно, считают идеологи альтернативных движений, работать, чтобы жить, а не жить, чтобы работать. Создаются мелкие предприятия, которые называют себя «коллективами», «социальными проектами». Это центры дошкольного

воспитания, продовольственные кооперативы, мастерские, общественные библиотеки, терапевтические группы взаимопомощи (например» группа помощи женщинам» подвергающимся плохому обращению в семье)» группы социо- и психотерапии, товарищества по закупкам. Основная идея «альтернативщиков» — переход от централизованного государства к «федерации коммун»: кооперативов, мелких аграрных и ремесленных производств. В ФРГ 200 сельскохозяйственных коммун. Существуют движения по захвату пустых домов и созданию альтернативного жизненного пространства. Захваченные дома превращаются в центры политического общения. Есть много самоуправляемых молодежных коммун. Существует широкое движение за гражданские права, оно выступает против запретов на профессию (т. е. лишение человека права занимать некоторые должности из-за его политических убеждений) и т. п. Наконец, есть очень много нетрадиционных религиозных обществ.

Все это, вместе взятое, создает картину богатого гражданского общества, где человек всегда может найти себе группу единомышленников, всегда может получить защиту от несправедливостей государства и от собственного одиночества. Человек чувствует себя человеком только в своей маленькой группе, где все знают, любят и помогают друг другу.

В России человек в массе своей чудовищно одинок и часто пользуется суррогатами общения: тусуясь возле пивного ларька, где все действительно друг друга «уважают», или вливаясь в орущую массу болельщиков на стадионе.

УТОПИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АЛХИМИЯ

Платон стал первым социальным утопистом после того, как написал свою книгу «Государство». С его точки зрения, люди будут счастливы только при справедливом государственном строе, где каждый живет по своим способностям, знает свое место и никто никому не завидует. В платоновском государстве существует три класса: философы управляют, стражники охраняют, а ремесленники работают. Каждого ребенка, достигшего пяти лет, приводят к философам, и те решают, в какой класс его отдать. Бели умный — то

он становится философом, если глупый, но сильный — стражником, если ни то и ни другое — тогда ремесленником.

Все в этом государстве расписано и регламентировано: когда вставать, когда петь гимны, когда жениться и т. д. Платон, правда, прекрасно понимал, что нарисовал некое идеальное государство, которого на самом деле нельзя построить.

Много позже подобные сочинения назовут «утопиями» (от греческого «у» — «не» и «топос» — «место»; место, которого нигде нет; так озаглавил в 1516 г. свою книгу английский мыслитель Томас Мор).

Но на беду сочинения Платона прочитал тиран острова Сицилия Дионисий и позвал автора к себе: давай устроим у меня на острове так, как ты описал! Платон соблазнился и поехал строить там справедливое государство. И ничего не вышло. Дионисий, разозлившись, продал Платона в рабство проезжающим мимо острова купцам. Друзья с большим трудом выкупили его. Идеальные прожекты — это одно, а реальная жизнь — совсем другое.

Там, где мы пытаемся внедрить утопию непосредственно в жизнь, возникает социальная алхимия. Алхимия — это средневековая наука, занимающаяся поисками некоего философского камня, способного превращать все металлы в золото. Главным в алхимии было не само золото, а внутренняя духовная трансформация человека: тайна в том, что философский камень — это сам алхимик, который в результате многолетних опытов по изучению природы (и самого себя в ней) становился мудрым человеком. Когда же действительно ищут философский камень вне себя самого — например, рецепты золота, рецепты идеального общественного устройства, рецепты воспитания нового человека, — тогда и начинается социальная алхимия — вера в то, чего нет и принципиально не бывает.

Иеремия Бентам — английский философ, занимавшийся проблемами морали, написал письмо руководителям французской республики после революции 1789 года. Письмо называлось «Паноптикум, или Руководство народом в целях его блага». Паноптикум — его не только музей, где хранят разные редкости, это еще и башня, с которой все видно очень далеко. В «Паноптикуме» Бентам давал рецепты жизненного обустройства людей, ничуть но менее утопические, чем платоновские. Бентам считал, что в

устройства общества пот никаких особых премудростей, невидимых невооруженному главу. А раз так, то можно, наивно полагал Бейтам, познать социальную среду и то, как она воздействует на человека; следовательно, можно определенной организацией и манипуляцией с этой средой получать заранее вычисляемые и предсказуемые результаты. Организовывая систему обстоятельств, можно совершенно однозначно управлять человеком. Разумеется, для его же блага, а не для того, чтобы человека оболванивать. Машину для оболванивания попытались создать позднее, в России и Германии, отыскивая такие формы воздействия на людей, которые превращали бы их в послушных баранов.

Английский писатель Джордж Оруэлл в своем знаменитом романе «1984» описал идеальное тоталитарное общество, весьма напоминающее жизнь в Советском Союзе. Госбезопасность называлась министерством любви; министерство пропаганды, которое врало каждый день и постоянно изощрялось, как бы еще ловчее соврать, называлось министерством правды и т. д. Семьи не было, каждый жил в маленькой комнатушке, где одну стену заменял телевизор, работавший круглые сутки. Не только вы его смотрели, но и министерство любви через него постоянно подглядывало за вами. Каждый человек раз в месяц получал талончики разного цвета — на табак, на еду, на женщину иди мужчину. Все были довольны и счастливы, а кто случайно оказывался чем-то недоволен, тот исчезал. Роман Оруэлла — антиутопия, в которой он, однако, опирался на реальные формы управления людьми в тоталитарных государствах.

Наше государство, конечно, не достигло таких высот господства над личностью, но быстро приближалось к ним. Поскольку никакие утопии не свершились — коммунизм не удавался, новый человек, с пламенным взором в будущее и с горячей любовью к партии, никак не хотел появляться, — то место утопии почти полностью заняла алхимия. Людей заставляли верить в то, чего на самом деле не было.

Но заставляли так искусно и методично, что многие верили. Верили, например, в то, что у вас — государство рабочих и крестьян, хотя ни рабочие, ни крестьяне никакой реальной власти не имели, вся власть была в руках мощной бюрократической машины, его была диктатура бюрократии, которая имела в своих руках все инструменты

воздействия на народ — печать, радио, телевидение и с детства внушала каждому человеку всевозможные утопические иллюзии.

Верили в то, что живут при социализме, хотя ни материальных, ни политических условий для социализма в стране не было.

Верили в то, что живут хорошо и все имеют, хотя страна по уровню жизни занимала одно из последних мест в мире. Мераб Мамардашвили в своих лекциях описывает такой случай: как-то они с другом» секретарем комсомольской организации философского факультета МГУ, стояли на улице Горького и разговаривали. Дело было вскоре после войны. К ним подошел нищий мальчик и стал просить милостыню. А друг продолжал так же увлеченно разговаривать, не замечая мальчика. И тут, говорит Мамардашвили, я понял, что он просто не видит мальчика, не может увидеть, поскольку, будучи человеком партийным, он твердо верит, что при социализме нищих не бывает.

Никаких рецептов счастливого переустройства общества никогда не было и не будет — это вообще не по силам человеку. А все усилия государства в таком направлении всегда порождали нелепые социальноалхимические эксперименты, за которые расплачивался народ. Как говорил древний китайский мыслитель Лао-Цзы, высшая форма поведения в государстве — бездеятельность Общество нельзя привести в порядок никакими внешними усилиями, нужно только дать свободу людям, не навязывая им никаких рецептов, и они сами найдут правильный путь. Мудрый правитель следует дао, не делая ничего, чтобы управлять страной, и тогда она процветает.

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

КУЛЬТУРА И КУЛЬТ

В первом приближении культуру можно определить так: культура — это все то, что не природа. Все, что сделано руками человека. Культура тот искусственный мир, который человек создает вокруг, чтобы поддержать себя в своем искусственном, т. е. человеческом, состоянии.

Есть две точки зрения на происхождение понятия и смысл слова «культура». Одни возводят его к латинскому по корню глаголу «культивировать» — обрабатывать почву. Первым проявлением культурной деятельности человека была, по их мнению, обработка земли.

Согласно второй точке зрения, культура производна от понятия «культ» — от совокупности религиозных, ритуальных действий, с помощью которых человек призывал высшие силы, «общался» с ними. Мы уже знакомы с точкой зрения, согласно которой культурная работа была более важной для развития человека, чем физический труд. Более важным, чем обработка земли, было создание тотемных столбов, молитвенных дощечек, ритуальных танцев и песен. Сама обработка земли были священным обрядом, частью культа — похоронами зерна как разъятого тела бога, и затем возрождение этого бога в виде проросших растений.

Удивительный русский мыслитель Павел Флоренский писал, что культура — это то, что как бы отщепляется от культа, это его боковой побег. Как обработка земли или приручение животных первоначально носили культовый, религиозный характер, так и искусство в своих первых элементарных проявлениях выполняло священную функцию — заклинало злые силы или призывало добрые. Но точно так же и техника — первые орудия труда, первые согласованные координированные действия в совместной работе целиком находились в рамках религиозного обряда. Лишь постепенно утрачивался,

выветривался религиозный смысл многих действий и оставался утилитарный набор операций и инструментов.

Это же касается науки — геодезия держится на астрономии, астрономия возникла из астрологии, астрология — из поклонения звездам, а это поклонение выросло из мистического чувства Вечного и Безусловного, которое окружало первобытного человека со всех сторон. Из этого мистического чувства и вырастало понятие окружающего пространства.

Это же касается и времени — мы живем не в некоем абстрактном времени, а отсчитываем время от Рождества Христова и чувствуем время, переживаем его течение в ритме религиозных праздников — рождество, крещение, пасха и т. д. Пространство и время — производные культа.

Всякая культура имеет глубинные сакральные корни и является живой, динамичной, развивающейся, если она эти корни чувствует, ими питается, в них набирает силу. Культура, полностью оторванная от них, быстро вырождается, становится сугубо утилитарной, часто бессмысленной.

Павел Александрович Флоренский (1882—1937) — Леонардо да Винчи XX века. Писал труды по философии, богословию, математике, электротехнике, истории живописи, истории культуры. Принимал участие в составлении плана ГОЭЛРО. Будучи священником, читал лекции в духовной академии и в электротехническом институте и в 30-х водах приходил на занятия в институт в рясе и с крестом.

Был арестован в 1933 воду по ложному обвинению, работал в Забайкалье на мерзлотоведческой станции, потом был отправлен в Соловецкий Лагерь, где в лаборатории занимался проблемой добычи йода и агар агара из водорослей. Там же был расстрелян.

Книги: «Столп и утверждение истины», «Иконостас», «У водоразделов мысли», «Философия культа». Сейчас выходит собрание его сочинений.

Внутри такой культуры уже нельзя отличить кабак от церкви (поскольку и то и другое являются продуктами культуры), Сикстинскую мадонну от пулемета, отмычку для выламывания замков от заповеди «не укради».

Культура давно стала для человека второй природой: все, что он видит в мире, он видит через культуру. Древние видели в небе Большую Медведицу, а мы — ковшик с ручкой, потому что у нас другая культура. Но и для древних, и для нас звездное небо — продукт культуры. Оно осмыслено, упорядочено, звезды названы, туманности очерчены, короче говоря, вся история человеческой культуры вошла в картину звездного неба.

Все, что мы видим вокруг себя, есть продукт деятельности предшествующих поколений. Мир, справедливо замечал в свое время К. Маркс, есть продукт промышленности и торговли, это — «сделанный» мир.

Все, что мы сами представляем из себя — наши мысли, чувства, наше воображение, — есть продукт культурного воспитания.

Надо только помнить, что культура — это еще не все, что культура выросла из чего-то более глубокого и бездонного, чем она сама, что культура — это только часть окружающего нас мира. Хотя и главная для нас.

БОРЬБА АПОЛЛОНА И ДИОНИСА

В своей работе «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше исследовал древнегреческую культуру и пришел к выводу, что ее основу составляет борьба между двумя культами — культом бога Аполлона и культом бога Диониса.

Культ Аполлона — это светлый культ, культ разума и науки (Аполлон — покровитель искусств и наук), меры и соразмерности. Гомеровское искусство — «Илиада» и «Одиссея» — типичные произведения аполлоновского искусства, ясного, светлого, жизнерадостного.

Культ Диониса — это культ темный, мрачный, культ самой земли, плодородия, вина и опьянения, половой любви. Греки чествовали Диониса в дни сбора винограда, устраивал по ночам настоящие оргии, так называемые мистерии, пели гимны, поклонялись Дионису, в едином экстазе иди порыве склонялись перед его мощью. Из этих мистерий возникли первые греческие трагедии.

Культ Диониса пришел в Грецию с Востока. До него греки вроде бы жили гармонично и счастливо, в ладу с природой и богами.

А когда стал распространяться в Греции культ Диониса, перед греками распахнулись такие бездны и пропасти собственной души, такие ужасы мира, о которых они и не подозревали в своем олимпийском спокойствии. Так, по крайней мере, считали все исследователи Древней Греции до Ницше.

Ницше приводит древнее предание — царь Мидас долго гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и когда наконец изловил его, спросил: что же для человека является наилучшим? Силен долго молчал, но, принуждаемый царем, с раскатистым хохотом разразился такими словами: первое, самое наилучшее для вас — не родиться вовсе; а второе — побыстрее умереть!

Для Ницше аполлоновское искусство только занавес, которым грек прикрывался от страхов и ужасов существования, хорошо ему известных. Ведь греки знали о муках Прометея, которому коршун каждый день клевал печень, знали об ужасающей судьбе Эдипа…

Вся греческая культура — это союз, заключенный между двумя враждебными и друг другу необходимыми силами: аполлоническими и дионисийскими. Аполлон не мог без Диониса. Аполлон — это только блестящая форма, это, например, талант, который необходим каждому художнику, чтобы выразить свои мысли и чувства. Но откуда приходят мысли и чувства? Как наполняется эта блестящая форма?

Только из прозрений художника в бездонную глубину своей души, только из тех пугающих и ужасающих бездн, которые вдруг открылись ему, если он не побоялся смело, честно и глубоко заглянуть в себя, узнать безжалостность и суровость человеческой судьбы, довериться своему инстинкту и проникнуть в те измерения, которые для разума всегда закрыты. Тогда, и только тогда художник и может стать гением, а не просто талантливо исполнять и повторять чужие слове, чужие прозрения.

Не только искусство — любая культура является соединением двух противоположных начал: дионисийского и аполлоновского. Современная европейская культура, сетовал Ницше, страдает ослаблением дионисийского начала, все — и философия, и паука, и искусство — сведено к набору рациональных правил, методов, приемов. Дионисийское мироощущение и мифы, им создаваемые, объявляются детскими сказками, свойственными лишь раннему

человечеству. Какие там боги, грозящие нам карой за неправильную, без» нравственную жизнь?

Но без мифа, полагал Ницше, без дионисийской стороны нашей души, всякая культура теряет свой здоровый творческий характер. Аполлоновское искусство только мифом и спасается. «Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стоять на страже; под их охраной подрастает молодая душа, по знамениям их муж истолковывает свою жизнь и битвы свои; и даже государство не ведает более могущественных неписаных законов, чем эта мифологическая основа».

Нет дионисийских восторгов и ужасов, нет мифической основы культуры — и она засыхает, скучной, банальной, не способной к великим свершениям. Остается только абстрактное воспитание, абстрактные нравы, абстрактное государство.

ПРОБЛЕМЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В XX веке возникает удивительный феномен, никогда ранее не встречавшийся, — массовая культура. XX век — и самый тяжелый, и самый сложный век в человеческой истории. Чтобы стоять на уровне тех достижений культуры, которые были созданы в атом веке, нужно очень много работать. Но большинство людей много работать не хочет, они не соответствуют сегодняшнему уровню развития культуры и ничуть этим не опечалены. Они прекрасно приспособились ко времени благодаря наличию массовой культуры.

Например, а любой отрасли современной науки открытая делают несколько человек. Но их открытия, их труд, его результаты размножаются, копируются десятками тысяч экземпляров, доводятся до каждого. Миллионы людей живут осадками чужого труда, теми размноженными достижениями, которые были сделаны творцами.

Сейчас необязательно иметь специфический талант, чтобы преуспевать в науке — достаточно усвоить технику научно-исследовательского труда, методику проведения и описания экспериментов, построения и обобщения выводов, чтобы делать кое-какие небольшие открытия, писать книги, защищать диссертации. Этим и заняты «массовые» ученые.

Сегодня необязательно иметь поэтический талант — можно овладеть техникой стихосложения, прочитав пару книг (нужно, конечно, иметь некоторый уровень поэтической культуры и слух, как в музыке), и писать неплохие стихи, издавать книги. В союзе писателей бывшего СССР было более тридцати тысяч членов: писателей, поэтов, драматургов, критиков. Каждый из вас с большим трудом назовет хотя бы десять известных фамилий ныне живущих писателей или поэтов, а тут — тридцать тысяч. Понятно, что большинство из них — это «массовые» писатели и «массовые» поэты.

Массовая культура имеет и положительные стороны: на надо знать основ кибернетики, чтобы работать на станке с программным управлением, надо только знать, в каком порядке нажимать кнопки. На надо звать, как устроен двигатель внутреннего сгорания, чтобы ездить на автомобиле, надо только выучить последовательность операций с рулем, педалями и коробкой передач.

Массовая культура экономит время и энергию людей — не надо больше изобретать велосипед, не надо снова открывать дифференциальное исчисление. Но заодно она избавляет нас от необходимости думать.

Достаточно овладеть техникой, технологией действий — и можно преуспевать. Современный художник может нарисовать такую копию картины Рембрандта, что только эксперты сумеют отличить ее от оригинала. Но эта картина ничего не стоит; вернее, за нее могут заплатить, если кому-то хочется ее приобрести, как за копию — в тысячу, в миллион раз меньше, чем за оригинал. Художник может сказать: какая вам разница, ведь технически она ничем не отличается от картины Рембрандта.

Но людьми ценится отнюдь не только техника. Ценится не мастерское копирование, не репродукция, а оригинальное видение.

Еще в начале века Л. Н. Толстой писал: «Техника в наше время во всех родах искусства доведена до совершенства. Но это еще не все, что нужно искусству... Возьмите Достоевского. По своей технике он ниже всякой критики. Но он не только нам, русским, — но всей Европе открыл целый новый мир».

Основная трагедия культуры в том, что, когда изобретения или открытия талантливых одиночек становятся массовыми, они во многом теряют свой смысл и первоначальное значение. И часто

изобретатель или ученый за голову хватается, глядя на то, что случилось с его детищем. Так, мечта человека о полете, запечатленная в тысячах легенд, мифов и сказок, воплотилась наконец в современный аэробус, огромную, ревущую и загрязняющую воздух машину, которая даже не летит, а продирается сквозь пространство, ведомая мощными моторами.

Одно дело — фанерный аэроплан, на котором человек, рискуя жизнью, вступал в единоборство с воздушной стихией, другое — «Боинг-747». Да и можно ли назвать воплощенной мечтой человечества аппарат, который, перелетая из Европы в Америку, сжигает столько кислорода, сколько потребляет сотня человек в течение всей их жизни!

Сейчас культура повсеместно представляется совокупностью знаний, приемов и методов, т. е« чем-то внешним по отношению к человеку, чем можно овладеть, выучив, затвердив, приняв к сведению, и что можно также легко отбросить, когда отпала необходимость. В книге английского писателя У. Голдинга «Повелитель мух» (у нас показывали и фильм по ней) рассказывается, как потерпел аварию самолет, на котором летела группа школьников, все взрослые погибли, и мальчишки, оставшись одни, быстро превращаются в дикарей, поскольку нет больше необходимости соблюдать приличия, не нужно сдерживать свою агрессивность, свои дурные наклонности.

Но у детей еще нет культурного иммунитета, а вот зачастую и взрослые легко отказываются от культуры, превращаясь в зверей, которым все дозволено. У них тоже нет иммунитета, для них культура — всего лишь поверхностная пленка, которая легко смывается во времена социальных потрясений.

До революции в нашей стране и философы, и писатели постоянно говорили о необычайно глубокой религиозности русского народа, тот же Достоевский называл его народом-богоносцем. Но куда делась вся эта религиозность, вся эта духовная культура после революции? Народ с удовольствием помогал государству грабить церкви и арестовывать священников. Значит, вся эта религиозность была чисто поверхностным явлением.

Сейчас снова все валом валят в церкви» ставят на полки Библию, крестят детей, но это ничуть не свидетельствует о возрождении

религиозной культуры, религиозного духа, просто стало модно делать то, что раньше было запрещено.

ИНДУСТРИЯ СОЗНАНИЯ

Народ является носителем культуры, он создает язык, основу культуры; его устное творчество — основа литературы и искусства; его наблюдения природы, обряды, традиции, приметы — фундамент науки. Но сохраняет и развивает культуру интеллигенция. Когда-то интеллигенция считала себя воспитателем народа, носителем неких вечных истин; и пыталась со своей высоты воспитывать народ. Сегодня она утратила такую роль. Сегодня интеллигент — чаще всего не носитель вечных истин, а служащий, узкий специалист, делающий свою конкретную и небольшую работу.

Еще в начале века ученый — это мыслитель-одиночка, который сидел в тиши своего кабинета под зеленым абажуром, думал, творил. Ну, конечно, еще и работал в лаборатории, ставил опыты и т. д. В настоящее время ученый — это служащий научно-исследовательского учреждения. Он ходит на работу так же, как рабочий ходит на завод, он имеет план, который должен выполнить. Он зависит от государственного финансирования: наука — очень дорогое удовольствие, и государство сто раз подумает, давать или не давать деньги на те или иные проекты. (Сейчас чаще не дает, на науку денег нет, хотя один миллион, вложенный в нее, возвращается четырьмя.) Говорят ведь сами ученые, что наука — это способ удовлетворять собственное любопытство за счет государства. В таких условиях наука неизбежно становится массовой — и в плохом, и в хорошем смысле этого слова.

Сейчас научный сотрудник, работая над какой-то частью проекта, обсчитывая какой- то узел, даже не знает часто всей задачи и не представляет, что именно он делает. Думает, что разрабатывает новый холодильник, а оказывается — скорострельный пулемет.

Сейчас писатели и художники — также служащие, почти все они где-нибудь работают: в журнале, издательстве, на телевидении, в рекламных агентствах, в штабах политических партий. Давно уже появилась такая странная вещь, как индустрия сознания. Интеллигенция — и научная и художественная, — обслуживая

государство, создает всякие идеологические мифы, которые потом постоянно, с помощью газет, радио и ТВ, внедряются в сознание людей. При советской власти это приобрело огромные размеры: каждый день придумывались новые мифы, новые сказки: «давайте всю страну засеем кукурузой — и наступит изобилие!», «давайте больше химических удобрений изготовим — и получим невиданные урожаи», «давайте работать каждый за двоих, за себя и «за того парня», а зарплату получать одну», «давайте встанем на трудовую вахту в честь XXIV съезда КПСС!» и т. д. и т. п. Смысл индустрии сознания заключался, в частности, в том, чтобы отучить людей думать, подбрасывая им каждый день какие-то внешне новые идеи и лозунги.

Сейчас индустрия сознания продолжает работать, хотя и не с таким размахом, но все еще способна развернуться во всю мощь — вспомните, сколько разного бреда обрушивается на нашу голову во время избирательных кампаний — думских, президентских.

Интеллигенция в прошлом обращалась к народу как к некой темной, необразованной, наивной массе, которую и пыталась вразумить. Сегодня никакой наивной массы нет — средства массовой информации с самого детства закладывают в головы людей столько мифов, предрассудков, диких суеверий, что задача интеллигенции стала заключаться не столько в том, чтобы воспитать людей, сколько в том, чтобы рассеять эти мифы и суеверия.

Учитель обращается не к наивному ребенку, а к человеку, у которого вся голова забита латиноамериканскими сериалами, похождениями суперменов типа Штирлица или Терминатора, рекламой «сникерсов», убеждениями, что мораль — это хорошо, Пушкин — это прекрасно, но меткий глаз, сильная рука и знание приемов каратэ, как у Ван Дамма, — гораздо лучше.

По-прежнему есть еще интеллигенты, воспитатели человечества, совесть и честь нации. В России это Александр Солженицын, Сергей Ковалев, Виктор Астафьев. Но они по-прежнему очень далеки от основной массы народа, народ их не понимает и часто откровенно смеется над их желанием остановить войну, защитить права человека. Какие права? Сделайте зарплату побольше, водку подешевле и чтобы «Санта-Барбара» шла трижды в день!

КУЛЬТУРА ВНЕШНЯЯ И КУЛЬТУРА ВНУТРЕННЯЯ

Все, что я говорил о массовой культуре, относится к культуре внешней. Но есть и внутренняя культура — та культура, которая стала второй природой для человека. От нее нельзя отказаться, нельзя просто так отбросить, отбросив заодно и все завоевания человечества.

Внутренние, глубинные основы культуры нельзя перевести в стереотипы и штампы, на их основе нельзя создать какие-то технологии, позволяющие автоматически стать культурным человеком. Сколько ни изучай книг по теории стихосложения, никогда настоящим поэтом от этого не станешь. Нельзя стать ни Моцартом, ни Эйнштейном, ни мало-мальски серьезным специалистом в любой области, пока не овладеешь полностью той или иной частью культуры, нужной для работы в этой области, пока эта культура не станет твоим внутренним достоянном, а не внешним набором правил.

Культура каждой эпохи представляет собой единство стиля (или формы), объединяющего все материальные и духовные проявления этой эпохи: технологию и архитектуру, физические концепции и живописные школы, музыкальные произведения и математические исследования. Культурный человек не тот, кто много знает о живописи, физике или генетике, а тот, кто осознает и даже чувствует внутреннюю форму, внутренний нерв культуры.

Такой человек как бы попадает на силовые линии культуры и движется по ним, они ведут его от открытия к открытию. Моцарт не выдумывал, не вымучивал, как Сальери, музыку, она сама как бы «прорастала» в нем, сама звучала во всем богатстве ее звуков, гармоний, мелодий. Пушкин купался в стихии языка, чувствуя тончайшие нюансы слов, рифм и размеров, прекрасный и могучий русский язык — целостная культура говорила через поэта.

Культурный человек никогда не является узким специалистом, не видящим и не понимающим ничего за рамками своей профессии. Культурная форма в любую эпоху одна, она только проявляется в каждой сфере по-разному. Чем больше я знаком с другими направлениями развития культуры, тем больше я смогу сделать в своем собственном деле. Помните, как Эйнштейн советовал математикам заниматься музыкой?

Русский поэт Осип Мандельштам писал, что появившиеся в XIX веке железные дороги изменили ритм и строй русской прозы. Казалось бы, какое отношение имеют железные дороги к литературе (правда, без

них Анне Карениной пришлось бы найти другой способ уйти из жизни)? На самом же дело железные дороги изменили ритм жизни в целом, сблизили разные концы страны, сделали наглядным наступление новой технической ары, изменили психологию общества, и это не могло не отразиться на литературе, на мироощущении писателей.

А открытие мира элементарных частиц послужило еще более мощным толчком для создания новой культурной формы: она проявилась и у художника В. Кандинского, первого, абстракциониста со взрывающейся на его картинах материей, и у писателя А. Ремизова в его ритмической прозе, и у поэта Андрея Белого с его фантастическим описанием (в двадцатых годах) взрыва атомной бомбы и т. д.

Интересно, что в развитой культуре даже не слишком даровитому художнику или ученому, поскольку он сумел к этой культуре прикоснуться, удается добиться серьезных результатов. В Китае в средние века была очень высокая поэтическая культура: стихи писали все — от императора до портного, и было большое количество крупных поэтов. Китайцы с детства росли в атмосфере поэзии.

КУЛЬТУРА И ПРИРОДА

В начале этой главы мы говорили о том, что культура — это все, что не природа; все, что человек искусственно создал сам. Но в то же время культура всегда развертывается и существует только на основе природы. Бели назвать культуру мозгом, то природа — это тело культуры. Мы должны хранить и оберегать это тело, если хотим остаться живыми. В состав культуры входит и отношение человека к природе.

С давних времен существовало два подхода к окружающему миру — теоретический и мифологический. Последний ярче всего выражен в искусстве, однако вовсе не является его монополией. Мифопоэтическое восприятие мира было господствующим в архаической и античной культурах.

Можно видеть окружающий нас мир, землю как склад полезных ископаемых, как хранилище энергии, и это будет теоретически вполне разумным, но не культурным отношением. Культурный человек видит в природе не просто мертвую материю, не просто землю как источник

урожаев, но еще и землю как мать. Это не наивная ошибка, а глубокое проникновение в суть природы. Если мы не можем оценить его, то не потому, что выросли и стали умными, а потому, что стали людьми односторонними, плоскими и в этом смысле малокультурными. «Однажды весенним утром, — рассказывал известный естествоиспытатель Г. Фехнер, — я вышел прогуляться. Поля зеленели, птицы пели, роса блестела... на всех вещах лежал свет как бы некоторого преображения. Это был только маленький кусочек Земли; это было только одно мгновение ее существования; и все же по мере того, как мой взор охватывал ее все больше и больше, мне представлялось не столь прекрасным, но столь верным и ясным, что она есть ангел, ангел столь прекрасный и свежий, и подобный цветку, и при этом столь неуклонно, столь согласно с собою движущийся в небесах, обращающий все свое живое лицо к Небу, и несущий меня вместе с собой в это Небо, — что я спросил самого себя, как могут людские мнения быть до такой степени отчуждаемы от жизни, что люди считают землю только сухой глыбой...»

В эпоху зарождения культуры только образ окружающей человека природы формировал его душу. Один и тот же ритм шел через его чувства и через шелест леса. Его образ жизни, его развитие, его одежда как бы прилагались к окружающим полям и лесам. В мыслях народа откладывались впечатления, производимые природой, климатом, рельефом. Еще Гете замечал, что человек, живущий среди могучих и мрачных дубов, имеет совсем другое мироощущение, чем человек, обитающий среди легкомысленных березок.

Во всех мифах и легендах видно, как изменялось отношение к природе с переходом от кочевого образа жизни к оседлому. Охотник и пастух существовали во враждебной природе, а для хлебопашца, связанного с землей, природа становится подругой, матерью. Между сеянием и рождением, сбором урожая и смертью, ребенком и зерном возникают глубоко ощущаемые соотношения.

По мере роста населения и необходимости производить все больше и больше пищи отношение к природе начинает меняться. Природа становится главным объектом эксплуатации, уже несколько тысячелетий ведется все .более усиливающееся масштабное, планетарное теперь наступление на природу.

Одной из главных причин развития европейской науки было «расколдовывание» природы — изгнание из нее всех мистических, таинственных, не поддающихся рациональному расчету, необъяснимых факторов. Вытеснение язычества, перенесение всего святого и духовного в потусторонний мир сделало этот наш мир мертвой и безжизненной материей, поддающейся механической обработке.

Насилие над природой, ее разрушение дошло до такой степени, что уже угрожает самому существованию человека. Во всем мире уничтожено более половины пахотного слоя, который восстанавливается 700—800 лет, океан уже плохо справляется с загрязнением, в печени пингвинов найдена ртуть, загазованность атмосферы достигла такой величины, что качали таять ледники, все крупные города окружены огромными свалками мусора, которые непрерывно увеличиваются, и т. д. и т. п.

Человеку пора срочно менять свое отношение к природе: нужно, чтобы природа снова стала для всех такой же культурной ценностью, какой она была прежде, в древности. Человек должен радикально пересмотреть свои потребности, избавиться от своих вредных для него самого и для природы привычек, перестать производить массу товаров и продуктов, без которых в принципе легко обойтись. (Ярким примером бессмысленного расточительства было производство в СССР шагающих экскаваторов — мощных, гигантских машин, которые добывали в карьерах руду, из руды выплавляли металл, и он шел на производство новых шагающих экскаваторов.)

Только на этом пути человек может самого себя воспринять как природу, а не быть кем-то вроде червяка в плоде или моли в клубке шерсти, выгрызающих себе место обитания, почувствовать в себе ее могущество и мудрость, свою соизмеримость с ее бесконечным многообразием, ощутить необходимость в глубочайшей интимной связи с ней.

Покоряя природу, мы разрушаем себя, лишаясь чувства красоты, любви, сострадания, которые являются главными составляющими нашей разумности. Природу нужно охранять не только потому, что она лучшая защитница человечества, но и потому, что она прекрасна. Еще не было человека, а мир ужо блистал во всем своем великолепии. Человек, если бы постарался, мог десятки раз повторить Парфенон, но

ему никогда не создать исчезнувших животных, не вернуть ту фантастически чистую атмосферу, которой дышали наши предки.

Культура только тогда будет живой, полной энергии и динамизма, когда она будет покоиться на одухотворенной, а не на покоренной природе, когда будет достигнуто глубокое понимание того, что «природа не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в вей есть любовь, в ней есть язык» (Ф. Тютчев).

КУЛЬТУРА И КОНТРКУЛЬТУРА

Почти в каждую эпоху существуют взгляды и идеи, противоречащие признанным культурным ценностям. Совокупность таких взглядов, идей, поступков можно назвать контркультурой. Не антикультурой, ибо последняя — просто отрицание культуры, призыв возвратиться к животному состоянию, а контркультурой, которая призывает к новому пониманию традиционных идеалов.

Типичным представителем контркультуры был в свое время Диоген: он, как вы помните, ратовал за полное опрощение, за отказ от всех внешних благ, даже от многих моральных норм. Сейчас мы считаем Диогена вполне естественным явлением древнегреческой культуры, но тогда он был вызовом д ля современных ему традиций и норм — нахальным и шокирующим.

Контркультурным движением были толстовские коммуны — они также были вызовом и государству, и церкви, и самому образу жизни основной массы людей того времени. Ведь в толстовских коммунах, совместно обрабатывающих землю, были не только крестьяне, там было много бывших учителей, офицеров, артистов и даже священников. Это были люди, которым надоело унылое существование и которые обрели новую цель в жизни.

Контркультурные движения всегда будоражили общество, всегда были тем ферментом, который вызывал брожение в застоявшейся среда, всегда приводил к появлению новых идеалов; эти идеалы начинало принимать все большее и большее количество людей. В атом смысле контркультура — необходимый элемент любой культуры.

Но в XX веке контркультурные движения приобрели массовый характер, так как огромное количество людей оказалось недовольным разрушением природы, стандартизацией воспитания и образования,

насилием средств массовой информации над человеком, мещанским благополучием, которое пропагандируется современной культурой, и т. д.

Таким контркультурным движением является движение хиппи, ему уже около тридцати лет, но оно по-прежнему живет. Молодые люди, подобно Диогену, отказываются от всяких благ, от родительской помощи, нигде не работают, избегают службы в армии, живут впроголодь, одеваются во что попало, часто вообще уходят из семьи, собираются на свои регулярные тусовки и осуждают там современное общество, которое, по их мнению, полностью прогнило и разложилось, в нем господствует ложь и насилие, так что лучше вообще держаться от него подальше.

Центр современных хиппи — столица Непала Катманду. Они приезжают туда тысячами со всего мира, лежат в парке на газонах, курят марихуану, живут подаяниями или редкими заработками и более абсолютно ничего не делают, выражая своим неделанием протест против сегодняшней чересчур активной культуры.

По-прежнему в США, в ФРГ, во Франции существуют сельскохозяйственные коммуны, не обязательно толстовского типа, где люди вместе работают, одинаково получают, совместно учат своих детей и проводят досуг. Как правило, такие коммуны быстро распадаются, потому что современный западный человек — индивидуалист по своей природе, и постоянная жизнь на виду его быстро раздражает.

Своеобразной формой контркультуры являются секты, общины, даже монастыри, возникающие на Западе на основе всякого рода восточных религиозных культов: буддийские, кришнаитские, движения последователей Ма- хариши, Кришнамурти и т. д. Вы сами, наверное, часто видели кришнаитов — это всемирная организация, имеющая филиалы во многих странах, в том числе в России. Они ходят по улицам в желтой одежде, поют «Хари Кришна, Кришна Хари» и торгуют не слишком качественными переводами древней индийской литературы. По отношению к нашей, западной, христианской, культуре — это, конечно, контркультура.

Что заставляет паренька из Люберец или девушку из Саратова отказываться от родных обычаев, посвящать себя неведомому богу Кришне, строго соблюдать вое чуждые русской душе обряды —

неизвестно. Видимо, настолько уже осточертела им наша суетная жизнь, вранье, неустроенность, отсутствие идеалов, что они, как в омут, кидаются в объятия совершенно чуждой культуры.

В США таким культам посвящают себя десятки тысяч молодых людей. В связи с этим Карл Юнг писал, что люди не знают своей собственной религии, не чувствуют ее душу, поскольку и свою давно потеряли, а хотят найти ее в чужой религии. Но такие находки для западного человека, считает он, всегда будут суррогатом истинной духовности.

В последнее десятилетие на поверхность выплыли ранее прятавшиеся представители сексуальных меньшинств. Они выступают со своими манифестами, издают свои журналы, требуют от государства регистрации браков между ними. С точки зрения традиционной культуры это все — тоже ярчайшее проявление контркультуры.

СЛОВА НИЦШЕ: БОГ УМЕР!

Уже почти сто лет, как философы говорят о кризисе современной европейской культуры, как и о кризисе западной цивилизации. Первым был, по моему мнению, Ницше, который в своей книге «Так говорил Заратустра» возвестил всему миру зловещие слова: «Бог умер!» Бог европейской истории, а именно христианский Бог, утратил свою значимость для человеческой воли, а вместе с ним пали и его исторические производные: идеалы, принципы, нормы, цели и ценности.

На место Бога пришел нигилизм, невиданное ранее явление абсолютного безверия, полной вседозволенности, крушения моральных норм. Люди еще пытаются держаться оазисов смысла, хранят веру в осколки прошлого мира, но единой опоры у них уже нет. Так свет погасшей звезды еще доходит до нас, но на самом деле это только видимость.

Авторитет Бога и авторитет церкви окончательно заменяются авторитетом разума. Потусторонняя цель, о которой говорила христианская религия, заменяется идеей построения рая на земле. Богочеловек, человек как образ и подобие Божие становится Человекобогом, который может все — вмешиваться в историю,

поворачивать вспять реки, утверждать свои законы вместо божественных заповедей.

Культура в кризисе еще и потому, что утеряла связь со своими природными корнями. Многие феномены природы утратили свое символическое значение. Исчез контакт человека с природой, а вместе с ним исчезла глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь. Гром — уже не голос разгневанного божества, а молния — не орудие его мести. Нет больше такой реки, писал К. Юнг, в которой обитали бы духи. Нет такого дерева, которое было бы основой жизни человека, нет теперь голосов, которые говорят с человеком из камней, растений, животных, точно так же как и он не говорит с ними, не веря, что те могут услышать.

Собственно, и у Ницше и у Юнга речь идет не о кризисе, а о конце культуры. Западная христианская культура существует уже две тысячи лет и, видимо, исчерпала все свои возможности. Нигилизм, появление массовой культуры, потеря человеком собственной души — симптомы конца культуры. Две тысячи лет — срок вполне достаточный для жизни культуры, она должна сойти со сцены и уступить место совершенно новым культурным перспективам.

Смерть Бога придает новый смысл и новую значимость человеку, который берет на себя всю бессмысленность мира и научается жить с этой бессмыслицей.

Крушение прежних духовных ценностей идет не от страсти к разрушению, не от суетливой жажды обновления. Оно идет от необходимости придать миру такой смысл, который не унижал бы его до роли проходного двора в некую потусторонность. Должен возникнуть такой мир и человек в нем, который бы развертывал новые ценности из себя, из полноты собственной сущности.

Какова будет эта новая культура, в чем будут заключаться ее новые ценности — сейчас еще никому не известно.

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ

Помимо общества, культуры, природы философия изучает еще и историю, и этот ее раздел называется философией истории. Здесь исследуются следующие вопросы: что заставляет развиваться человеческое общество? в каком направлении идет история и есть ли такое направление? насколько наша история определяет настоящее и будущее? что ожидает человечество в будущем? есть ли в истории какие-нибудь законы, которые можно узнать и управлять историей, или в истории господствует непостижимая судьба? Множество философско-исторических концепций можно свести к трем группам:

1. концепции однолинейного прогрессивного развития;
2. концепции многолинейного развития;
3. концепции циклического развития.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПТИМИСТЫ

Г. В. Ф. Гегель

Представители этой группы философов — Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс и некоторые другие — считали, что история человечества едина, все народы (кто быстрее, кто медленнее) идут к единой цели. Только цели эти каждым из таких мыслителей предлагаются разные.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831) — один из самых плодовитых философов. Гегель — последний мыслитель, попытавшийся обобщить в собственной философии все знания, все науки, существовавшие в его эпоху. Он построил грандиозную систему, которая включала в себя логику, этику, эстетику, философию природы, философию духа, философию истории, философию права, философию религии, историю философии.

Сущностью мира, по его мнению, является мировой разум, который не полностью воплощается в разуме человечества. Последний проходит в своем развитии три этапа: субъективный дух (развитие человека от примитивного состояния до вершин знания), объективный дух (развитие общества от самых первых форм

общежития до государства), абсолютный дух (вершина развития — искусство, религия, философия).

Гегель оказал очень большое влияние на всю последующую философскую мысль. После него возникло много влиятельных школ и направлений, самое крупное среди которых было основано К. Марксом.

Знаменитый немецкий философ XIX века Г. В. Ф. Гегель справедливо полагал, что историческая деятельность человечества слагается из деятельности отдельных людей: каждый человек преследует свои собственные интересы, а в результате возникает нечто такое, о чем люди и не подозревали; суммирование всех воль и стремлений чаще всего приводит к совершенно иному результату, чем ожидал каждый отдельный человек. Значит, люди являются орудием чего-то более высокого и далекого, о котором они ничего не знают.

В истории действует некий дух, мировой разум, который постепенно разворачивается и направляет в конечном счете деятельность людей. Цель всемирной истории — познание мировым духом самого себя. Мировой дух выражается в духе каждого народа, и этот народный дух не может успокоиться, пока не узнает, что он собой представляет. Как только он это узнаёт, начинается его закат и умирание, и он уступает дорогу другим, более молодым народам.

Всемирная история развивается дальше, и критерием этого развития является сознание свободы. Человечество, развиваясь, ходит ко все более глубокому пониманию свободы.

Гегелевский мировой дух как бы бредет по земле, все выше поднимаясь к вершинам самопознания. Древний Восток — его младенческое состояние, Греция — юность, Рим — зрелость, германский мир — старость, исполненная силы и разума.

На Востоке люди еще не осознают свободы, человек здесь безропотно повинуется либо власти отца в семье, либо власти императора в государстве. Здесь нет чувства чести, нет морали в европейском смысле слова. Но существует различия между рабством и свободой: перед императором все — рабы. Это, по Гегелю, характерно и для Китая, и для Индии.

У греков мы чувствуем себя дома, считает Гегель, греческий мир радостен и привлекателен, поскольку это юношеский возраст человечества, здесь веет свежестью, жизнь духа выступает как одухотворенная чувственность. Вся жизнь греков проникнута духом

искусства, в ней господствуют подлинная демократия и настоящая любовь к свободе.

Рим — это уже эпоха возмужалости человечества, здесь исчезает свободная индивидуальность как органический элемент культуры, но зато закладываются формальные основы свободы человека, покоящиеся на праве частной собственности. Римское право впервые ввело положение о неприкосновенности частной собственности и тем самым заложило юридические основы свободы» а Германский мир начинается с появлением германских народов на территории Римской империи и завершается созданием государств, соответствующих требованиям разума. Германцы приняли христианство и стали носителями его принципа, который рассматривал человека как высшую ценность. Высшей формой и подлинной гарантией свободы является современное европейское государство — с конституцией, с правами человека. Государство Гегель считал в этом смысле шествием Бога по земле.

Таким образом, вся история у Гегеля — это история постоянного прогрессивного развития мирового разума, который выступает в форме духа отдельных народов. Человечество, как по ступенькам, — этими ступеньками являются достижения свободы отдельных стран и народов — поднимается к светлому царству свободы.

К. Маркс

Карл Генрих Маркс (1818—1883) — родился в семье адвоката, получил юридическое образование в Боннском и Берлинском университетах, где также подробно изучал философию и историю. Еще студентом примкнул к младогегельянцам, которые делали из философии Гегеля радикальные революционные выводы.

Обычно говорят о двух Марксах: ранний Маркс — теоретик, писавший интересные работы по проблемам отчуждения сознания, идеологии; и поздний Маркс, практик, который решил осчастливить человечество, указав путь достижения царства Божия на земле в исторически определенный период. Путь этот — пролетарская революция, уничтожение частной собственности и построение царства свободы на основе высокоразвитой экономики.

Утопический идеализм Маркса сам по себе безобидное и в теоретическом плане интересное явление. Хуже, когда он начинает применяться на практике и навязываться как единственно правильное

учение. К сожалению, прав оказался русский философ-анархист Михаил Бакунин, когда писал в прошлом веке, что если люди, разделяющие идеи марксизма, придут к власти в какой-нибудь стране, то народ этой страны окажется самым несчастным народом в мире.

Основные произведения К. Маркса — «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Капитал», «Критика Готской программы» и др.

К. Маркс, испытавший на себе огромное влияние Гегеля, также считал, что история человечества едина. Все народы в целом должны пройти через пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Все народы должны прийти к коммунизму как к светлому будущему, где не станет больше эксплуатации, нищеты, где полностью найдут удовлетворение все материальные потребности людей, где люди будут управлять машинами, а в свободное время заниматься самосовершенствованием — писать стихи, читать книги, философствовать и т. д.

Маркс считал, что в истории господствуют объективные, не зависящие от сознания и воли людей законы. Он сделал этот вывод на основании того, что в истории есть повторяемость. В Англии впервые сложился капитализм, появились первые фабрики, пролетариат, безработица и нищета. В Германии спустя тридцать лет произошло то же самое. И в России, еще при его жизни, начал нарождаться капитализм с теми же чертами.

Если есть законы, по которым все это повторяется, то их можно познать и с большей или меньшей точностью управлять историческим развитием общества: предсказывать негативные последствия, выбирать оптимальный путь и т. д.

Как и для Гегеля, конечная цель человечества для Маркса — торжество разума и свободы на земле. И к этой конечной цели постепенно придут все народы. То, что они так растянулись по всем формациям и не идут единым строем (еще и сейчас в человеческой истории есть все — от первобытных людей в джунглях до почти коммунистического общества в Северной Корее), вызвано местными особенностями и неравными условиями на старте.

Марксистская концепция со своей простотой и лаконичностью оказалась очень соблазнительной. Много государств мира

исповедовали ее как религию, пытались брать на вооружение ее методы. К середине XX века возник целый международный блок коммунистических государств, который распался уже на наших глазах.

У. Ростоу

Книга Уолта Ростоу, известного американского экономиста и социолога, «Стадии экономического роста» вышла более тридцати лет тому назад и с тех пор десятки раз переиздавалась. Она имеет характерный подзаголовок «Некоммунистический манифест», хотя на деле мало чем отличается от построений Маркса.

Здесь все та же схема однолинейного прогрессивного развития, только вместо формаций употребляется слово «стадия». И стадий тоже пять:

1 стадия — традиционное общество, включающее в себя всю историю человечества от его зарождения до возникновения капитализма; здесь господствуют аграрное производство, «доньютоновская наука и техника», власть находится в руках тех, кто владеет землей.

2 стадия — переходное общество, появляются научные открытия и изобретения, способные повлиять на производство; возникает предприимчивое инициативное меньшинство, которое переводит общество на рельсы промышленного развития; складываются нации, начинается бурное оживление национализма. В Европе это период европейских буржуазных революций XVII—XVIII веков.

3 стадия — сдвиг, или промышленная революция, когда происходит быстрое накопление капитала, ускоренное развитие ведущих отраслей промышленности. Первой в эту стадию, согласно Ростоу, вступила Англия — в конце XVIII века, Франция и США — в середине XIX, Германия — во второй половине XIX, Россия — в 1890—1914 годах, Индия и Китай — в середине XX века.

4 стадия — стадия зрелости: к этому времени значительно увеличивается национальный доход, бурно развивается автомобиле-, судо-, станкостроение; общество может производить все, что захочет. В Англии этот период был достигнут к 1880 году, в США — к 1900-му, в России — к 1950 году.

5 стадия — стадия массового потребления, когда внимание сосредоточивается на проблемах потребления и росте благосостояния

населения (медицина, отдых, удобное и просторное жилье, высокий уровень комфорта). Возникает общество «всеобщего благоденствия», в которое в 70-х годах вступили США, а позже ФРГ, Япония и некоторые другие страны.

Вся человеческая история сводится у Ростоу к истории техники. Развитие передовых стран Европы и США жестко предопределено, что касается же отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки, то они вообще оказываются у Ростоу вне истории.

ДЫХАНИЕ ИСТОРИИ

Карл Ясперс (1883—1969) — знаменитый немецкий философ, сподвижник Мартина Хайдеггера, весьма близкий к нему по основным идеям. Написал большое количество трудов, очень популярных на Западе. Особенно известна его трехтомная «Философия». На русский язык недавно переведено несколько его работ, среди которых самая значительная — «Философская вера».

Карл Ясперс в своей книге «Истоки истории и ее цель» дает следующую схему мировой истории:

1. Доистория или «прометеевская эпоха» (возникновение речи, орудий труда, умение пользоваться огнем), когда человек только становится человеком (Прометей, как вы помните, — мифический герой, который украл у богов огонь и подарил его людям).
2. Существовавшие тысячелетия великие культуры древности (например, древнеиндийская, древнекитайская, древнеегипетская и т. д.).
3. Осевое время, когда полностью формируется подлинный человек.
4. Научно-техническая эпоха, чье преобразующее действие мы сейчас испытываем на себе.

В мировой истории, согласно Ясперсу, было также два дыхания (в том смысле, п каком мы говорим: «открылось второе дыхание»).

Первое дыхание вело человека от прометеевской эпохи через великие культуры древности к осевому времени со всеми его последствиями.

Второе дыхание открылось, начиная с эпохи науки и техники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества и, может быть,

приведет к новому осевому времени, к подлинному становлению человека.

Что же такое осевое время, которое постоянно упоминает Ясперс?

Около 500 года до н. э. в истории произошел резкий поворот, как бы повернулась ось истории. Почти одновременно на Западе, в Китае и в Индии возникли крупные философские школы и появились великие мыслители. В Китае тогда жили Конфуций и Лао-Цзы. В Индии Будда, в Иране — Заратустра, в Палестине пророки Илия, Исайя и Иеремия, в Греции — Парменид, Гераклит, Платон.

Но главная суть поворота заключается в том, что человек вдруг начинает осознавать себя стоящим перед всей целостностью мира. Раньше он видел только какой-то кусочек мира, как видят небо над своей деревней или свой маленький город. А тут вдруг мир распахнулся перед человеком, отчетливо увидевшим в нем себя, такого маленького, тщедушного, увидел свои границы и почувствовал всю беспредельность окружающего. Перед человеком открывается ужас мира и его собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения.

В осевую эпоху, считает Ясперс, были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей.

Человек больше не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал. В осевое время произошло открытие того, что потом стало называться личностью. Человек выходит за пределы своего существования, сознавая свое место в мире. Он может отказаться от всех благ, уйти в пустыню, в лес, в горы.

Став отшельником, он может познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом, пророком.

В осевое время люди впервые начинают ощущать, что именно сейчас, в настоящем, начинается нечто исключительное. А это ощущение в свою очередь ведет к пониманию того, что настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Происходит пробуждение исторического сознания. Человеку начинает казаться, что он живет в самом конце истории, в период упадка.

Народы, которые не восприняли импульсов осевого времени, остались на уровне «природного» существования, тоже изменяются, развиваются или деградируют, но все эти изменения совершаются очень медленно: кажется, что все эти народы спят, что их жизнь неисторична, подобно тому как неисторична была жизнь людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков до осевого времени. В этом смысле развитие общества, по Ясперсу, многолинейно.

О. ШПЕНГЛЕР: ТРИ ДУШИ ИСТОРИИ

Освальд Шпенглер (1880—1936) — выдающийся немецкий философ, занимавшийся проблемами философии истории, философии культуры. В 1918 году, после окончания, первой мировой войны, вышла его книга «Закат Европы» и сразу завоевала необыкновенную популярность, поскольку после такой мировой, катастрофы закат Европы казался близким. Книга, написанная ярким образным языком, с большим набором оригинальных гипотез, ошеломляющая эрудицией автора, воспринималась как пророческий манифест.

И Шпенглера воспринимали как пророка. Его спросили: когда начнется следующая мировая война? Он ответил: в 1940 году. Он писал, что европейская цивилизация полностью кончится к 2000 году. Будем надеяться, что во втором случае он ошибся.

Влияние идей Шпенглера на философскую и историческую мысль XX века было Огромным. Нет почти ни одного философа — теоретика культуры или историка, — который бы либо яростно опровергал Шпенглера, либо пытался развивать его идеи дальше.

Шпенглер отклонил предложения нацистов о сотрудничестве, за что был подвергнут ими бойкоту.

Освальд Шпенглер — один из первых мыслителей, предложивших принципиально новую схему интерпретации истории. С его точки, зрения, никакой единой истории человечества нет, линейная схема «Древний мир — Средние века — Новое и новейшее время» не выдерживает критики. Если взять, например. Древний Рим, то там были и свои Средние века, и Новое время, свой феодализм и свой капитализм. Так, Рим начала нашей ары — это крупный город с многоэтажными домами, с лифтом (поднимавшимся вручную), водопроводом, газетами (Шпенглер приводит объявление в одной из

газет, что какой-то царек из Северной Африки снимет квартиру на 4—6-м этаже в центре Рима), с крупными фабриками. Это типичный Нью-Йорк, только со своим национальным колоритом и уровнем развития техники.

Нет единой истории, но есть целый ряд замкнутых в себе культур. Каждая из них возникает, развивается, стареет и умирает. И между ними нет никакой преемственности. Что осталось нам от Древнего Египта — одни руины: полуразрушенные пирамиды, сфинксы... Но самого народа, который создал валкую культуру, уже нет, он давно исчез, как исчез и дух этого народа. Те, кто сейчас живет на территории Египта, пришли туда относительно недавно. Те, кто сейчас живет на территории Италии, не имеют отношения к древним римлянам. А от их духа опять же остались одни руины. Шпенглер насчитал в человеческой истории восемь таких культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская (аполлоновская), византийско-арабская (магическая), западноевропейская (фаустовская) и культура майя в Америке. Он также почему-то считал, что ожидается рождение девятой — русско-сибирской культуры.

Каждая культура — это организм, имеющий свой срок жизни (примерно тысячу лет), свою душу, которая определяет отношение к миру, к прошлому, к смерти, к месту человека во Вселенной и т. д.

АПОЛЛОНОВСКАЯ И ФАУСТОВСКАЯ ДУША

Шпенглер наиболее подробно анализирует три таких души: аполлоновскую, фаустовскую и магическую душу.

Аполлоновская душа — это душа античного времени. Для древнего грека и мир, и он сам, и боги, и даже атомы — это все тела. Человек — прекрасное тело. В этом теле все снаружи: красота, мощь, ум. Ничего нет потаенного, внутреннего. Греки не знали никакой психологии в нашем смысле. Основная наука античности — это Эвклидова геометрия: прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками, сумма углов треугольника равна двум прямым углам и т. д. Эвклид, как и все древние греки, считал, что земля плоская.

Древние греки жили целиком в настоящем; то, что прошло, для них уже не существовало. Мы не знаем точных дат рождения или

смерти многих великих людей античности. Греки й не стремились к точным датам.

Греческая архитектура телесна, внутренность храма легко обозрима одним взглядом. Храм — это просто гигантский ларец для статуй богов и храмовых сокровищ. Молящийся грек стоял не в храме, а перед храмом, и храм приветствовал его совершенством своего внешнего облика. Для античного человека подлинная жизнь совершалась не за стенами зданий и не в собственной душе, а на просторе площадей.

С крушением античного мира и появлением христианства умирает античная, аполлоновская душа и появляется фаустовская — душа западноевропейской культуры, западного человека, названная так по имени доктора Фауста, героя поэмы Гете.

Если для грека тело было главным элементом всего окружающего, то для западного человека таким элементом стало пространство — чистое беспредельное пространство.

Уже первым образцом нового понимания мира, выраженным в искусстве, стала икона. Вместо скульптуры, вместо античной пластики появляется иконописный лик — не объемное тело, которое можно ощупывать и разглядывать с разных сторон (вы, наверное, замечали, что у всех греческих статуй глаза слепые), но лицо, с которым зритель встречается глазами и вступает в молчаливый разговор.

У фаустовского человека появляется «внутреннее», богатая внутренняя жизнь, он постоянно мучается ее противоречиями и постоянно себя наблюдает. Переход от аполлоновской души к фаустовской — это переход от пространства внешнего мира в пространство внутреннее.

Но и внешнее пространство в фаустовской культуре — это не площадь города и не сам маленький город-полис, это — бесконечные просторы мира, распахнувшиеся перед человеком («открылась бездна, звезд полна»); это и бесконечное прошлое позади нас. У западного человека обостренное чувство истории, у него развита культура мемуаров, воспоминаний о прошлом и ожиданий будущего. А у греков даже кладбищ в нашем понимании не было.

Течение гомеровского стиха, пишет Шпенглер, — это легкое дрожание листа под полуденным солнцем, это ритм материи. А западная поэзия, начиная со скандинавских саг и кончая

современными экспрессионистами, создает скрытое напряжение в пустом, безграничном пространстве, это далекие ночные грозы над высочайшими вершинами. В ней чувствуется бесконечное одиночество как отечество фаустовской души.

У Аполлона нет «души». Над Олимпом царит вечный свет ясного южного дня. Л Вял галла (скандинавская и древнегерманская потусторонняя сказочная страна, куда попадают героя после смерти) лишена света; в ной предчувствуется та глубокая полночь, которая окружает погруженного в размышления Фауста, которая наполняет гравюры Рембрандта, в которой теряются звуковые краски Бетховена.

Только у европейцев появляется чувство покинутости. Античный человек (политическое животное, по выражению Аристотеля), чья жизнь достигала своей высшей точки в дневное время, среди общества, на площади, — никогда не знал этого чувства.

А европейский человек никогда не мог от него освободиться. В атом отличие Сократа от Руссо. Светотень Рембрандта, означающая безграничную потерянность души среди мирового пространства, имела своих первых предвозвестников в жутких коричневых и серых тонах Валгаллы.

Никакого единого человечества нет, есть совершенно разные культуры, совершенно разные типы восприятия мира. Греки жили в другом мире, не похожем на наш европейский, и их мир давно исчез. Мы можем только приблизительно восстановить его, но в сути своей он всегда останется для нас загадкой.

Поэтому Шпенглер считает невозможным говорить о какой-то единой истории или движении человечества к единой цели.

МАГИЧЕСКАЯ ДУША

В отличие от фаустовского чистого пространства и от античного тела, в византийско-арабской культуре главным элементом является Пещера, пространство пещеры. Это особое, магическое, « заколдованное» пространство. В странном и замкнутом мире, построенном магической душой, постоянно идет борьба света и тьмы, добра и зла, Бога и Сатаны.

Эта душа наиболее ярко проявилась в эпоху возникновения христианства. Мир магического человека похож на сказку. Дьявол и

злые духи угрожают человеку, ангелы и феи защищают его. Существуют амулеты и талисманы, таинственные города, постройки и существа, тайные сочетания букв, печать Соломона и Камень Мудрости. И на все это изливается мерцающий свет пещеры, который в любой миг может быть поглощен ночью.

Тому, кому это смешение образов покажется причудливым, Шпенглер советует вспомнить, что именно в таком мире жил Христос, чье учение может быть понято лишь отсюда.

В Библии перед нами предстают хрустальный дворец Бога, горы из драгоценных камней я темница для непокорных звезд. Когда эта эпоха великих фантастических видений прошла, возникла поэзия легенд и многочисленные религиозные романы. Подобное восприятие непосильно для фаустовского человека, который хотя и хотел бы стать истинным христианином, но с грустью должен признать, что тот сказочный мир Пещеры, в котором возникло раннее христианство, может быть понят и пережит только набожным мусульманином.

Не только мировое пространство магической души, но и мировое время, по Шпенглеру, имеет форму пещеры. Из этого вытекает глубокая, истинная убежденность магической души в том, что «всему свое время» — от пришествия Искупителя, час которого записан в древних книгах, до самых пустяковых будничных дел. Перед лицом этой убежденности бессмысленной и непонятной кажется постоянная спешка западного человека, которому вечно не хватает времени.

Для магического человека все записано в звездной книге, и по ходу планет можно заключить о ходе вещей. Античный человек «спрашивал у оракула об облике, о «как?» грядущих вещей, а вечный вопрос магического человека — «когда?». Отсюда и учение о конце мира, и великое потрясение, вызванное смертью Христа. Чувство пещеры требует обозримой истории» с началом и концом мира, которые одновременно суть начало и конец человечества.

Очень многое из современной христианской религиозности, из религиозного понимания мира выросло из этих прекрасных и пугающих сказок магического человека. Магическая душа создала свою особенную и неповторимую культуру, которая в большей своей части для нас уже загадочна и непонятна.

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Каждая культура, по Шпенглеру, зарождается в тот момент, когда из первобытного состояния человечества пробуждается великая душа — фаустовская, или магическая, или еще какая-нибудь. Культура расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она привязана подобно растению. Культура умирает после того, как осуществят все свои возможности в форме языков, народов, религий, искусств, государств, наук.

Когда цель достигнута и вся сумма возможностей реализована, культура вдруг застывает, ее кровь свертывается, ее силы надламываются — она становятся цивилизацией. Но цивилизация, как огромное дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья, прежде чем рухнуть окончательно.

Всякая культура, как и человек, переживает различные возрасты: свое детство, юность, возмужалость и старость. Старость — это переход культуры в цивилизацию, закат, близящаяся смерть культуры. Цивилизация — это судьба культуры, неизбежный ее конец. Культура — это рожденный почвой организм, цивилизация — образовавшийся из него при его застывании механизм.

Так, Древняя Греция — культура, а Древний Рим — цивилизация. Древние римляне в сравнении с греками были варварами, считает Шпенглер. Бездушные, чуждые философии и искусства, ценящие одни материальные успехи, они стоят в историческом промежутке между эллинами и полным обвалом, концом античной культуры.

Переход от культуры к цивилизации протекает в античности в IV столетии, на Западе — в XIX веке. Основные признаки цивилизации таковы:

Появление мировых городов. В эпоху цивилизации ареной больших духовных свершений становится не вся страна, а три или четыре мировых города. Так, в России это были Москва, Петербург, Киев. Все остальное — провинция. Сейчас даже Петербург является провинцией. Вся страна персонифицируется Москвой. В западных газетах так и пишут: «Москва решила», «рука Москвы дотянулась» и т. д.

Появление городской массы. Народом теперь считается городское население, неорганическая масса, нечто текучее. Это человек массы, новый кочевник, паразит, житель большого города, абсолютно

лишенный традиций, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, полный глубокого отвращения к крестьянству.

Деньги в качестве неорганического абстрактного фактора. Дух денег проникает во все сферы существования народа, главной для человека становится имущественная обеспеченность.

Войны за передел мира, особенно свойственные нашему времени, европейской цивилизации.

Каждой цивилизации свойственны специфические искусственные религии, свидетельствующие об увядании культуры. В Индии это был, по Шпенглеру, буддизм, в Древней Греции — стоицизм, в Европе — социализм.

Хотя книга Шпенглера и называется «Закат Европы», в ней он попытался проследить судьбу любой культуры. Любая культура, по его мнению, переходя в цивилизацию, неизбежно начинает свертываться, умирать. Это особенно наглядно видно на примере рождаемости.

В эпоху затухания культуры рождаемость резко падает. Так было в Древнем Риме, там издавались даже императорские указы, которые разрешали брать бесплатно пустующие земли, чтобы содержать семью. Ничего не помогало: ко второму захвату варварами Рима его население сократилось настолько, что могло целиком вместиться в сам город Рим. Варвары лишь ускорили смерть, которая сама уже почти овладела римлянами. Когда Кортес со своим отрядом высадился в Мексике, культура майя угасала, население было так малочисленно, что Кортес с небольшим отрядом быстро завоевал всю страну.

В Европе с самого начала века идет неуклонное падение рождаемости, причем именно в высокоразвитых странах. Люди не хотят иметь детей не потому, что они бедные и трудно прокормить ребенка, но потому, что подсознательно всеми здесь владеют, по Шпенглеру, усталость, душевный надлом и безотчетный страх перед будущим.

А. ТОЙНБИ: МИРОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Арнольд Джозеф Тойнби (1889-1975) — знаменитый английский историк. Свою главную работу — «Постижение истории» (по-русски изданную лишь в сокращенном варианте) писал почти тридцать лет. Для Тойнби характерен огромный профессиональный опыт,

широчайшая эрудиция во всех областях исторической науки. Но история всегда интересовала его с философской точки зрения, он настоящий философ истории, оказавший огромное влияние на все последующие попытки найти цель и смысл в человеческой истории.

А. Тойнби стал не только продолжателем идей Шпенглера: он в значительной степени развил дальше концепцию циклического развития истории, подкрепив ее еще большим историческим материалом, исследовав еще больше стран, народов, цивилизаций — как древних, так и современных, — насчитав в своей огромной двенадцатитомной работе «Постижение истории» 37 цивилизаций.

Прежде всего Тойнби разделил все цивилизации на три вида: расцветшие, неразвившиеся, застывшие.

I. Расцветшие цивилизации делятся, в свою очередь, на: независимые цивилизация, цивилизации-спутники.

А. Независимые цивилизации делятся на:

а) обособленные — майянская и мексиканская (мезоамериканская); андская.

б) независимые необособленные — шумеро-аккадская (шумерская, хеттская и вавилонская); египетская; эгейская; индская; китайская.

I в) сыновнеродственные, первая группа — дорийская (от шумеро-аккадской, египетской, эгейской); эллинская (от эгейской); индийская (от индской).

г) сыновнеродственные, вторая группа (все три происходят от сирийской и эллинской): православная христианская; западная; исламская.

Б. Цивилизации-спутники: миссисипская (от мезоамериканской);

«юго-западная» (доколумбовая цивилизация на юго-западе США, тоже происходит от мезоамериканской);

северная андская (доколумбовая на территории Колумбии и Эквадора);

южная андская (доколумбовые культуры в Северной Чили и Северной Аргентине — обе от андской);

эламская;

хеттская;

урартская;

иранская;

вьетнамская;
корейская;
японская; (последние три происходят от китайской);
тибетская, включающая также монголов и калмыков (от индийской).
II. Неразвившиеся цивилизации: первая сирийская; цейлонская; острова Пасхи; несторианская; цивилизация средневекового города-государства (поглощена западной).
III. Застывшие цивилизации:
эскимосская;
кочевая;
оттоманская;
спартанская.

Столь всеохватывающий подход, конечно, впечатляет. Тойнби анализирует не только древние цивилизации, но и цивилизации, которые являются их истоками. Например, индскую, породившую индийскую цивилизацию, андскую, породившую древние цивилизации Северной и Южной Америки, и т. д.

ВЫЗОВ И ОТВЕТ

Каждая цивилизация начинается с Ответа на Вызов — сначала природной, а потом и человеческой среды. Высказывая это, Тойнби рассматривает как пример происхождение египетской цивилизации. Много тысяч дет назад сильное потепление климата в Северной Африке, в афразийской саванне, привело к появлению на ее месте пустыни Сахара. Общины охотников и собирателей афразийской саванны, не изменив в ответ на вызов ни своего местопребывания, ни своего образа жизни, поплатились за это полным вымиранием.

Но были общины, которые ответили на вызов засухи изменением места и образа жизни. Они, вдохновляемые храбростью или отчаянием, шагнули в гиблые болота вокруг реки Нил и превратили их в благодатные земли Египта. Возможно, пишет Тойнби, их соседи скептически наблюдали за этим предприятием, потому что саванна еще не полностью превратилась в пустыню, а нильские болота казались неприступной и непроходимой глушью. Но успех превзошел самые оптимистические надежды первопроходцев. Строптивость

природы была покорена трудом человека. Болота были осушены, ограждены дамбами и превращены в поля.

Подобное происходило и в Древней Греции. Прежде древние греки, жившие в Аттике, занимались скотоводством. Но когда пастбища Аттики высохли, а обрабатываемые угодья истощились, народ перешел от животноводства и земледелия к возделыванию оливковых плантаций. Это удивительное дерево способно не только выжить на голом камне, но еще и обильно плодоносить.

Однако одним маслом жив не будешь, и афиняне стали менять его на скифское зерно. Масло наливали в глиняные кувшины и перевозили по морю, а это стимулировало гончарное производство и развивало искусство мореплавания. Начали разрабатывать и серебряные рудники, потому что торговля требовала долог. Таким образом афиняне во сто крат приумножили свои богатства.

От росписи кувшинов пошла греческая живопись, а когда почти не осталось деревьев, греческие скульпторы начали работать в камне, в результате родились удивительные скульптуры и Парфенон.

Тойнби приводит и примеры неспособности людей ответить па вызов. Такова судьба цивилизации майя. В отличив от дамб и дренажей Египта, которые до сих пор служат людям, плоды неустанных трудов древних майя практически пропали. Единственными уцелевшими памятниками былой цивилизации остались руины некогда грандиозных построек в глубинах тропического леса. Лес поглотил их в самом буквальном смысле слова, точно удав. Контраст между современной Мексикой — довольно бедной страной — и древним уровнем цивилизации майя не поддается человеческому воображению. Огромные пирамиды майя были когда-то свидетельством победы человека над природой. Но даже с их высоты люди не смогли увидеть подкрадывающегося врага: лес, который поглотил возделываемые поля, площади и дома, а потом добрался до дворцов и храмов.

Но часто вызов приходит и от общества. Так, персидский царь Ксеркс в 480—479 годах до н. э. напал на Афины. Персы захватили всю Аттику, включая Афины, и даже святая святых — храм богини Афины на вершине горы. Все население Аттики бежало, бросив свои дома. Именно в этой ситуации афинский флот начал и выиграл битву при Саламине. Удар со стороны вызвал мощный подъем духа

афинского народа, он стал началом высочайших культурных достижений.

Подобные явления происходили и в нашей истории. В XVI веке Польша и Швеция нанесли России мощные удары. Поляки в 1582 году оккупировали Смоленск, а в 1610—1612 годах удерживали Москву. По договору 1617 года Россия лишалась доступа к Балтийскому морю. Все это, согласно Тойнби, глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в новой политике Петра I, в начатой им модернизации страны, привело к завоеваниям новых земель.

Часто вызов, остающийся без ответа, повторяется вновь и вновь. Неспособность общества, в силу утраты творческих начал, ответить на вызов лишает его жизнеспособности, приводит к гибели.

Наша современная цивилизация, все современное человечество, стоит сейчас перед вызовом — гибнет природа, в мире ширятся силы агрессии и насилия. Тойнби надеялся, что человечество сумеет найти достойный ответ на этот вызов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ: РОСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Каждая цивилизация проходит, по Тойнби, пять стадий: рождение, рост, надлом, распад и гибель.

Эскимосы, кочевники, как вы помните, относятся к застывшим цивилизациям: они максимально приспособились к внешней среде, и у них не было больше стимула развиваться дальше. То же самое произошло со Спартой. В отличие от Афин, которые занялись торговлей оливками, спартанцы решили присоединять чужие земли. Они захватили плодородные пространства в Мессении, и народ, который там жил, такие же греки, несколько раз поднимался на восстание, что постепенно привело к надлому Спарты, к тому, что она прекратила развиваться и стала медленно окостеневать.

Конечно, самым ярким примером роста цивилизации является западноевропейская цивилизация. Впервые за всю свою историю человечество столкнулось с ситуацией, когда одно общество распространило свое влияние практически на всю обитаемую поверхность земли. Западная цивилизация, не зная пределов своим

устремлениям, стала стучаться во все двери, взламывать все преграды и прорываться в самые замкнутые крепости.

Главным двигателем быстрого роста цивилизации является активное творческое меньшинство. Именно это меньшинство вдыхает в социальную систему новую жизнь, ищет и находит ответы на вызовы. В любой цивилизации, считает Тойнби, даже в периоды наиболее оживленного ее роста, огромные массы народа так и не выходят из состояния застоя и спячки: подавляющее большинство людей любой цивилизации ничем не отличается от человека примитивного общества.

Активное меньшинство — дрожжи в общем котле человечества. Проблема в том, как активному меньшинству поднять остальные массы, разбудить их. Это, как правило, совершается путем «мимесиса» — подражания. В примитивном обществе мимесис ориентирован на старшее поколение, на образы предков, а в более или менее современных, растущих обществах эталоном становится творческая личность, лидер, прокладывающий новый путь. Александр Македонский, Иисус Христос, Будда, Карл Великий, Петр I, Наполеон и т. д. были именно такими лидерами, вызывавшими мощные социальные движения. Их энергия заражала массы и давала толчок грандиозным преобразованиям в той или иной стране.

НАДЛОМ И РАСПАД

Все проходит в истории: и слава, и богатство, и известность. Афины — после крушения персов, после колоссальных успехов в развитии хозяйства, после взлета в философии, искусстве, политике — постепенно начали клониться к упадку. Они но смогли в IV веке противостоять македонской военной силе, молча смотрели на то, кок Рим разоряет их соседей, и, конечно, не смогли выстоять в борьбе с самим Римом, поскольку все союзники Афин уже были уничтожены. В 86 году до н. э. римский полководец Сулла взял Афины штурмом, и, хотя он пощадил город, это было позорным финалом афинской политической истории.

Распад начинается, по Тойнби, с загнивания творческого меньшинства. У растущего общества творческое меньшинство постоянно изменяется и по составу, и по убеждениям. Правящее

меньшинство распадающегося общества, наоборот, становится замкнутой группой, чьи идеи и идеалы становятся «вечными», окостеневшими законами. Вызов, который получает распадающееся общество, в результате косности правящего меньшинства остается теперь без ответа. Вернее, оно отказывается отвечать на вызов, даже не замечая или стараясь не замечать вызова.

Типичным примером этого является время «застоя» в нашей стране: престарелые лидеры, которым в конце 70-х годов перевалило за 70 лет, не понимали существенных изменений в мире и не желали их замечать; они не ответили на вызов Запада, бурно развивавшего новые технологии, электронику, ЭВМ. В конце концов это привело к экономическому, а потом и политическому краху СССР.

Разлагающиеся общества, по Тойнби, неизбежно формировали так называемый «внутренний пролетариат». У Тойнби это понятие означает то же, что мы называли «маргинальными группами». Пролетарий, считает Тойнби, — это скорее состояние души, чем место в обществе. Истинным признаком пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, вызываемое тем, что у него нет твердого места в обществе, что он никому не нужен и никто не собирается о нем заботиться. В пролетариат входят также беженцы из бывших колоний, разорившиеся свободные крестьяне, ремесленники, аристократы, рабы. В разваливающемся обществе внутренний пролетариат выходит на сцену, поднимает восстания, крушит все, что можно сокрушить. Яркий пример тому — восстание фракийского гладиатора Спартака, который с 73 по 71 год до н. э. держал в напряжении весь Апеннинский полуостров.

Внутренний пролетариат (в понимании Тойнби) в огромном количестве есть сегодня в развивающихся странах, есть он и в России.

Всякая растущая цивилизация неизбежно распространяется вширь, захватывает новые земли, образует колонии, народ которых часто приветствует освободителей как носителей более прогрессивного строя.

Но как только общество начинает загнивать, на периферии страны, в колониях, на окраинах поднимает голову «внешний пролетариат». Так, в Риме первым восстало варварское население североафриканских колоний. Обширность варварских территорий

перекрывала возможности римского оружия. «Парад суверенитетов» в нашей стране, война а Чечне, война в Таджикистане — все это проявления и кризиса в целом, и активности внешнего пролетариата.

Однако никакая мощная цивилизация не погибает полностью. В ее рамках зарождается, как куколка, новая культура, чаще всего в виде новой религии. Так, на окраинах Римской империи зародились первые христианские общины, которые в конце концов дали начало совершенно новой цивилизации.

МИРОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) — русский философ, социолог. До революции лидер правого крыла партии эсеров. После революции был схвачен ЧК, приговорен к смерти и несколько недель ожидал ее. После освобождения с огромной энергией занялся наукой. Им было опубликовано несколько книг и множество статей по вопросам социологии.

В 1922 году был выслан из России. До самой смерти жил в США, был ведущим социологом, создавшим свою школу, в которой обучались почти все видные американские социологи. Много раз хотел съездить на родину, но каждый раз мешали те или иные причины.

П. Сорокин в своем многотомном исследовании «Социокультурная динамика» выделяет три типа культуры, последовательно сменявших друг друга в человеческой истории, — идеациональную, идеалистическую и чувственную. Они, по его мнению, обнаруживаются в египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской истории.

Идеациональная культура ориентирована на вневременные, вечные ценности, главной ценностью в ней является Бог. Церковь — прямо или опосредованно — стоит у власти, господствует строгая дисциплина во всем обществе, искусство носит религиозный характер, сюжеты живописи и литературы взяты из религиозных мифов.

Идеациональные культуры существовали в Брахманской Индии, в Греции с VIII по конец VI века до н. э., в Европе в IX—XII веках.

Чувственная культура ориентирована на материальные чувственные интересы, на удовлетворение материальных потребностей. Власть здесь, как правило, принадлежит народу,

господствует демократия. Ей сопутствуют войны, политические и финансовые кризисы, нищета, безработица, падение нравов. Элементы этой культуры зародились еще в XVI веке, но стали доминирующими в Европе с конца XIX века.

Идеалистическая культура является синтезом первой и второй культуры, она берет все лучшее из них и наиболее благоприятна для развития и прогресса людей. Идеалистическая культура господствовала в Греции в V—IV веках до н. э., в XIII—XIV и в XVII — XVIII веках в Западной Европе.

Особенно явственно проявляется различие культур в искусстве. Темой идеационального искусства является сверхчувственное царство Бога, ангелы, святые и грешники, душа. Оно мало внимания уделяет личности, предметам, среди его произведений нельзя найти какого-нибудь реального пейзажа, жанровой сцены, портрета. Его цель — не развлекать, а приблизить к Богу. Как правило, это творчество не одного профессионального художника, а безымянного коллектива верующих.

Чувственное искусство, в противоположность идеациональному, живет и развивается в мире реальных чувств: реальный портрет, реальный человек, реальные события. На зрелой ступени его любимые герои — преступники, сумасшедшие, лицемеры, мошенники, уличные мальчишки. Цель искусства: доставить чувственное наслаждение, пощекотать усталые нервы, развеселить, развлечь. Почти все западное искусство XX века — чувственное.

Идеалистическое искусство стоит посередине между идеациональной и чувственной формами искусства. Его герои — то боги, то реальный человек, но в самом благородном его проявлении. Оно не замечает ничего недостойного, вульгарного, уродливого. Его стиль спокоен и невозмутим. Типичный пример — «Гамлет» или «Дон-Кихот».

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В настоящее время, считает Сорокин, наступил жесточайший кризис. Мы оказались в эпицентре громадного пожара, сжигающего все до основания. Всего за несколько недель он уносит миллионы человеческих жизней, за несколько часов уничтожает города с многовековой историей. Нищета, растущая день ото дня, простирает

свою зловещую тень, охватывая все новые территории. Многие продолжают думать, что это обыкновенный кризис, подобный тем, которые уже случались в западном обществе по нескольку раз в столетие.

Между тем это не просто экономические или политические неурядицы — кризис затрагивает почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий, в разрушении преобладающей чувственной культуры. Он глубже и глобальнее любого другого кризиса. Он так далеко зашел, что его можно сравнить только с теми четырьмя кризисами, которые имели место за последние три тысячи лет общей истории греко-римской и западной культуры. Мы живем и действуем, считает Сорокин, в один из поворотных моментов истории человечества, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь намечается.

Кризис отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, дискредитацией больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов.

Ни Гитлер, ни Сталин, ни Саддам Хусейн, ни Хрущев и ни Брежнев не создали этот кризис, наоборот, кризис сделал их такими, каковы они есть, — его инструментами и марионетками.

Нет в истории закона, по которому каждая культура проходит стадии детства, зрелости и смерти — это все поверхностная биологическая аналогия. Настоящий кризис представляет собой разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, возникнет новая культура, скорее всего идеациональная, вновь возрастет роль религии в жизни общества.

Никто сейчас не может точно предсказать форму следующей культуры. Древние китайцы говорили: не дай вам бог жить в эпоху перемен! Мы живем именно в такую эпоху — тревожную, страшную, полную потрясений и катаклизмов, но в то же время самую интересную эпоху за последние четыре тысячи лет.

Н. БЕРДЯЕВ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТИ РОССИИ

В русском народе, по Н. Бердяеву, совмещаются совершенно несовместимые противоположности. Противоречивость и сложность русской души связана с тем, что в России сталкиваются и взаимодействуют два потока мировой истории — Восток и Запад. Русские — не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия соединяет в себе два мира, и всегда в русской душе боролись два начала: восточное и западное.

Есть соответствие между необъятностью, бесконечностью и русской земли, и русской души. Русскому народу трудно было овладеть такими огромными пространствами и оформить их. Поэтому у него всегда была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ, считает Бердяев, не был народом культуры по-преимуществу, как народы Западной Европы, он был народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности.

Два противоположных начала легли в основу русской души: языческая дионисийская стихия и аскеткчески-монашеское православие. Отсюда и противоположные свойства в народе: преклонение перед государством и анархизм, жестокость и доброта, индивидуализм и страсть перед всякими объединениями, национализм и всечеловечность, искание Бога и воинствующий атеизм, смирение и наглость, рабство и бунт.

Для русской истории, считает Бердяев, характерна прерывность, и разные ее периоды давали разные образы: Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. (Есть еще и шестая, до которой не дожил Бердяев — Россия постсоветская.)

Долгое время силы русского народа оставались как бы в неразвитом состоянии. Все его силы уходили на то, чтобы сохранить огромную территорию. Государство крепло, а народ хирел.

История русского народа была одной из самых мучительных историй: борьба с татарскими нашествиями и игом, постоянное усилен и о государства, смутная эпоха, раскол, насильственные петровские реформы, крепостное право, гонения на интеллигенцию, казнь

декабристов, безграмотность народной массы, неизбежность революции и ее кровавый характер. И, наконец, самая страшная в мировой истории война.

Особым, только в России существующим социальным образованием была интеллигенция. Это был не социальный, а идеалистический класс, считал Бердяев: класс людей, цепи ком увлеченных идеями и готовых во имя них идти в тюрьму, на каторгу и на казнь. Основной чертой интеллигенции была беспочвенность (отщепенство, скитальчество, невозможность примирения с настоящим, устремленность к грядущему).

Одиночество Чацкого, беспочвенность Онегина и Печорина — черты, упреждавшие появление интеллигенции. Она вербовалась из разных слоев — сначала из дворянской, потом из разночинной среды. Лишний человек, кающийся дворянин, потом активный революционер — вот последовательные стадии в существовании интеллигенции.

Интеллигенция была поставлена в трагическое положение между властью и народом: с одной стороны, ее никогда не пускали во власть; с другой стороны, ее никогда не понимал народ. Интеллигенция и была раздавлена этими двумя силами. Отсюда острое ощущение пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех достижений мирового и российского развития, революции, цивилизации.

Бердяев заканчивает свое размышление над русской историей словами Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Трагедия русского народа, считает он, в том, что русская власть никогда не была верна этим словам.

П. ЧААДАЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) — русский мыслитель и публицист. Друг А Пушкина. В начале жизни сделал военную карьеру, дослужился до больших чинов, но потом вдруг все бросил, вышел в отставку, занялся литературой, философией. Сошелся с декабристами, был принят в Северное общество. Перед восстанием уехал за границу, встречался там с крупными западными мыслителями. В 1836 году в журнале «Телескоп» было опубликовано первое из «Философических писем», которое вызвало резкое

недовольство властей. Чаадаев «высочайшим повелением» был объявлен сумасшедшим и посажен под домашний арест.

В своих знаменитых «Философических письмах» П. Чаадаев подверг критическому пересмотру всю русскую историю. Россия лежит между Западом и Востоком. Упираясь одним локтем в Китай, а другим в Германию, мы, писал Чаадаев, должны были бы соединить в себе два великих начала: воображение и рассудок. Мы должны были бы взять все лучшее из окружающих стран, но ничего не взяли. Все страны двинулись вперед, и только Россия до сих пор спит.

У каждого народа была своя юность, время великих страстей, широких замыслов. У нас все было иначе: сначала дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное иноземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история русской юности.

Мы не принадлежим, подчеркивал Чаадаев, ни к одному из великих семейств человеческого рода; ни к Востоку, ни к Западу, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Мы принадлежим к числу наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру важный урок того, как не нужно жить, мы составляем пробел в нравственном миропорядке. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

В этом, считал Чаадаев, виновата православная религия. Это религия дряхлая, она всегда шла на поводу у власти, никогда не организовывала народ, не вдохновляла его на великие свершения, тогда как католицизм с его военно-монашескими орденами, крестовыми походами, завоеваниями новых земель значительно повлиял на развитие многих стран, а протестантизм дал мощный толчок развитию капитализма.

Без сомнения, писал Чаадаев, мы христиане, но и эфиопы тоже христиане. Христианство должно объединять и направлять духовное

развитие общества, так что Россия нуждается в оживлении веры, в том, чтобы получить истинно христианский импульс.

ОТВЕТ ПУШКИНА

А. С. Пушкин возразил Чаадаеву по поводу первого «Философического письма»: разделение церквей (у нас православная церковь, а на Западе — католическая) отъединила Россию от остальной Европы, и она не принимала участия ни в одном из великих событий, которые потрясали Европу. Но у России было свое особое предназначение.

Ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары побоялись оставить нас в тылу, и западная цивилизация была спасена. Нашим мученичеством, считает Пушкин, энергичное развитие католической Европы было избавлено от помех.

Что же касается исторической ничтожности России, то Пушкин решительно не согласен с Чаадаевым. Даже княжеские междоусобицы — это жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов. Пробуждение России, развитие ее могущества, оба Ивана (III и IV), величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр I, который привел нас в Париж?

И наконец, писал Пушкин, разве Чаадаев не находит ничего значительного в теперешнем положении России — чего-то такого, что поразит будущего историка? Разве и в будущем Россия останется в стороне от Европы? Действительно, в нашей российской действительности много глупостей и неурядиц, многое оскорбляет и раздражает, но тем не менее, говорит Пушкин, он ни за что на свете не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой истории, какую нам дал Бог.

Спор Чаадаева и Пушкина — это извечный спор русских интеллигентов о судьбе России. Одни считали, что русская история — это сплошное недоразумение, что Россия — типично азиатское деспотическое государство с некоторыми декоративными элементами

европейского управления, с задавленным и необразованным народом, который в силу своей темноты поддерживает деспотию. И самое лучшее для мыслящего человека — это эмигрировать: или за границу, или уйти в себя. Об этом писал Лермонтов:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Другие, прекрасно сознавая всю тяжесть и нелепость русской жизни, считали своим нравственным долгом служить делу просвещения, пробуждать спящие души, «на тронах поразить порока. Ибо другой родины, другой истории у нас нет, и надо пытаться изменить к лучшему то, что есть.

АПОЛОГИЯ СУМАСШЕДШЕГО

Через год после публикации первого «Философического письма» Чаадаев пишет «Апологию сумасшедшего», в которой он пытается прояснить свои мысли и дать отпор тем «патриотам», которые обвиняли его в нелюбви к России.

Чаадаев пишет в этой статье, что давно пора было бросить ясный взгляд и в наше прошлое, — и все затем, чтобы извлечь оттуда старые идеи, а для того, чтобы узнать, как мы должны относиться к своему прошлому.

Больше, чем кто-нибудь из вас, отвечал Чаадаев своим «патриотическим» оппонентам, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа. Но я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, запертыми устами. Человек может быть полезен стране только в том случае, если он ясно видит ее. Прошло время слепых влюбленностей, теперь надо с открытыми глазами искать истину.

Я люблю свой народ, говорил мыслитель, как Петр Великий научил меня любить его. Но мне чужд блаженный патриотизм лени, который все пытается видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями, навязывая их многим дельным умам.

Разумеется, считал Чаадаев, что те обвинения, которые он предъявил великому народу, были преувеличением. Да и вся вина

народа, в конечном счете, сводилась к тому, что он был заброшен на крайнюю грань всех цивилизаций мира, далеко от стран, где естественно должно было бы накопляться просвещение, далеко от очагов, откуда оно сияло в течение стольких веков.

Конечно, писал Чаадаев, было преувеличением опечалиться за судьбу народа, из недр которого вышла могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина.

Мы с изумительной быстротой, отмечает Чаадаев, достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара. Но тем не менее все это достигнуто лишь по воле власти, которой содействовали физические условия страны. Истинное же развитие всего народа, его умственных сил, понимание его настоящей роли еще впереди.

Чаадаев как бы положил начало двум концепциям русской истории — славянофильской (которая без оговорок признавала величие России и ее особый путь в истории) и западнической (считавшей, что все европейские страны идут единой дорогой, и чем быстрее Россия вступит на эту общую дорогу, тем лучше).

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ О СУДЬБАХ РОССИИ

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — философ, богослов, поэт, художник, изобретатель, был блестяще образованным человеком. Бердяев называл его Ильей Муромцем русского православия. Крупный помещик, он, как и Чаадаев, довольно рано оставил военную службу и чем только ни занимался писал об освобождении крестьян и даже входил в комиссию по выработке решений об отмене крепостного права; предлагал американскому правительству свой план границ между штатами; читал наизусть на языке оригинала Шекспира и Гете; знал буддийскую космологию; изобрел сеялку, которая на сельскохозяйственной выставке в Англии получила золотую медаль; делал витражи в Шартрском соборе и получил признание как художник: сочинял стихи, которые высоко оценил Пушкин.

И, главное, писал богословские и философские труды.

Спор славянофилов и западников был спором о самом главном — о судьбе России. Русская философия истории должна была прежде всего решить вопрос о смысле и значении реформы Петра, которая как бы разрезала историю страны на две части. Западники целиком приняли реформу и будущее России видели в том, чтобы идти западным путем. Славянофилы верили в особый тип культуры, возникающей на почве православия. Они считали реформы Петра и европеизацию изменой России.

Как писал Н. Бердяев в своей книге «Русская идея», в оценке петровских реформ ошиблись и те и другие. Славянофилы не хотели признать, что лишь в петровскую эпоху стали возможны в России мысль и слово, философия и великая русская литература.

Западники не поняли своеобразия России, не хотели признать болезненности реформ Петра, не видели особенности России.

Как западники, так и славянофилы любили свободу и одинаково не видели ее в окружающей их действительности. Славянофилы, в отличие от западников, видели счастливую Россию не впереди, а в прошлом, они абсолютизировали патриархальное управление, сельскую общину и стремились возродить в настоящем какие-то черты этого славного прошлого.

Самым ярким представителем славянофильства был А. С. Хомяков. В отличие от других своих единомышленников, он никогда не абсолютизировал прошлую русскую историю. Иногда он писал гораздо критичнее Чаадаева. Например, не видел в русской истории до начала XVII века почти ничего хорошего: там были опричнина Ивана Грозного и нелепая смута времен его молодости; монгольское иго, уделы, междоусобия, униженная продажа России варварам, хаос грязи и крови.

Ничего доброго, ничего благородного, ничего достойного уважения и подражания не было в России, писал Хомяков. Везде и всегда безграмотность, неправосудие, разбой, угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народа, ни на одной утешительной эпохе.

И тем не менее истинное и доброе начало в русском народе связано с сельской общиной, о близостью к земле, с чувством корней,

идущих из глубины веков, из Греции через Византию, позволяющим сохранить в чистоте заветы Христа, истинное православие.

В своих неоконченных «Записках о всемирной истории» Хомяков говорит о двух направлениях в ее развитии. Первое идет с глубокой древности через буддизм, Древний Рим, Западную Европу — эта линия знаменует собой власть вещей над человеком, господство бездушного рационализма, духа предпринимательства и т. п.

Второе направление столь же издавна идет через Грецию, Византию и Россию. Русскому народу удалось сохранить подлинную духовность. На Западе — дух воинственной дружины, военно-монашеские ордена, власть церкви над человеком, в России — дух мирной общины, мистическое братство людей в любви.

Хомяков был монархистом, но считал, что истинная власть царя должна быть властью отца, а не главы репрессивного бюрократического аппарата. Свои призывы к царю он сопровождал даже стихами, обращенными ко всей стране:

В судах полна неправдой черной,
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

ЧТО ТВОРИТСЯ НА РУСИ?

Александр Иванович Герцен (1812—1870) — писатель, публицист, философ, революционер Сын богатого помещика, он родился в Москве во время пожара, когда там стояли наполеоновские войска. Это, по словам Бердяева, если и не самый глубокий, то самый блестящий из людей 1840-х годов. Первый представитель революционной эмиграции. Журналы «Полярная звезда» и «Колокол», издававшиеся им на Западе, оказывали огромное влияние на русскую демократическую мысль.

Основные произведения: «Былое и думы», «С того берега», «Письма об изучении природы». Издано собрание сочинений в 30 томах.

Видным представителем западничества, по крайней мере в свои молодые годы, был А. И. Герцен. Герцен считал, что Россия должка обязательно дотянуться до западной культуры. Петр I очень много

сделал для соединения нас с Западом. И в то же время он сделал очень мало, потому что взял из западных стран чисто внешнее, формальное устройство, но не перенял те формы жизни, которые сделали возможным все это: свободу личности, демократию — то, что составляет суть западной культурной истории.

В России личность всегда была подпилена, поглощена коллективом и не стремилась даже протестовать. Свободное слово считали за дерзость, самобытность — за крамолу. Человек пропадал в государстве. Переворот Петра заменил устаревшее управление европейским канцелярским порядком. Все, что можно было переписать из шведских и немецких законодательств, было перенесено.

Но неписаное, нравственно обуздывающее власть, инстинктивное признание прав личности, прав мысли, истины не могло перейти и не перешло к нам от Запада. Государство росло, улучшалось, но личность от этого ничего не выигрывала. Чем сильнее становилось государство, тем хуже ей приходилось.

Европейские формы администрации и суда, военного и гражданского устройства развились у нас в какой-то чудовищный безвыходный деспотизм. Если бы не беспорядочность власти, считал Герцен, то можно было бы сказать, что в России нельзя жить ни одному человеку, осознающему собственное достоинство.

Интересно, что, будучи правоверным западником, Герцен сильно разочаровался, приехав на Запад. Он увидел в Европе ослабление и даже исчезновение личности. Средневекового рыцаря заменил, по его мнению, лавочник. Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, гордая независимость англичан, строгая чинность протестантов, роскошная жизнь итальянских художников, искрящийся ум энциклопедистов — все это переплавилось и переродилось в совокупность мещанских нравов.

И Герцен обращается к России, к русскому мужику, к сельской общине как здоровому началу общества; можно сказать, что он становится славянофилом, но лишь теоретическим, поскольку всю жизнь был сторонником западной демократии, западных свобод, которые, по его мнению, как воздух необходимы России.

В. РОЗАНОВ О РУССКОМ ПРИЗВАНИИ

Когда будущий объединитель Германии в XIX веке Бисмарк был отправлен послом в Россию, там с ним случилось неприятное происшествие — он заблудился на медвежьей охоте. Поднялась пурга, дорога была потеряна, и Бисмарк очутился в положении поляков с Сусаниным. Он считал себя погибшим. Но мужик с облучка все время поворачивался к нему и утешал: «Ничего! Ничего, выберемся!» И Бисмарк на всю жизнь запомнил эти слова, а когда стал германским канцлером, то в затруднительных случаях любил повторять на непонятном языке: «Ничего. Nitschevo».

И еще он, как передает слова Бисмарка Розанов, часто говорил: «Все русские женственны. И в сочетании с мужественной тевтонской расой они дали бы, или дадут со временем, чудесный человеческий материал для истории».

Розанов, продолжая идею Достоевского, сформулировал всемирную миссию России I истории: докончить строительство европейского дома, как женщина доканчивает холостую квартиру, когда входит в нее «невестою и женою домохозяина».

Мужчина берет женщину в жены, но как только берет, то сразу меняется. Отсюда древняя пословица: женишься — переменишься. Женщина, выходя замуж, только по документам теряет прежнюю фамилию. На самом деле свое имя и, главное, лицо и душу теряет мужчина. Муж добровольно и счастливо отдает господство жене.

Это же, по Розанову, происходит в истории. У «женственных» русских никакого «вяряжского», «норманнского периода» не было. Те, кого «женственная народность» призвала «володети и княжити над собой», — эти воинственные железные норманны, — придя, точно сами отдали кому-то власть. Они просто «сели» и начали «пировать и охотиться» да воевать с кочевниками. Переженились, народили детей и стали «Русью» — русскими, хлебосольными и православными, без памяти о своих прежних языке, родине, обычаях и законах. Так же и татарское иго в конце концов привело к тому, что татары, по существу, растворились в русском народе.

Русские, считает Ропаков, имеют свойство беззаветно отдаваться чужим влияниям. Россия — как женщина, вечно ищущая «жениха, главу и мужа. Отсюда, полагает он, начнется через век — полтора огромное «нашептывающее» влияние русских на европейскую культуру в делом. Под воздействием непрерывной, самозабвенной

любви к себе скучающая мещанской скукой Европа не может не податься в сторону от своего эгоизма и сухости. А куда ей податься? Только к России. Когда русские принимают чужую веру или культуру, они, по Розанову, никогда не принимают ее до конца — это видно на примере русских католиков, русских протестантов (были и есть сейчас такие). В католичестве они не «поднимают меч»; олютеранившись, не добавляют еще сухости и суровости протестантизму.

Когда европейцы принимают русский язык и русскую культуру, она целиком овладевает ими, они отрекаются от самой сущности европейского начала: гордыни, захвата, господства. Здесь и сподвижник Петра генерал-фельдмаршал Я. Брюс, и Миних, и составитель толкового словаря русского языка В. Даль, и многие другие.

Русские принимают тело, не принимая духа. А чужие, по Розанову, соединяясь с нами, принимают именно дух.

Россия должна сыграть свою одухотворяющую, смягчающую роль в будущем Европы. Русские, считал Розанов, будут тем народом, который позволит совершить синтез всех европейских культур в какое-то новое духовное начало.

Однако в ходе революции Розанов, под впечатлением увиденного, пересмотрел все свои взгляды на Россию. В своей книге «Апокалипсис нашего времени» он с ужасом признает, что все рушится и погибает, что призвание русского народа оказалось совсем не таким, как он считал ранее. Бог, пишет Розанов, не хочет больше Руси. Он гонит ее из-под солнца: «уйдите, ненужные люди». Но почему же мы ненужные?

Да разве мы сами не писали об этом? Вся наша литература о «лишних людях», о «ненужном человеке», о «подпольном человеке». Мы умираем, как актеры: ни креста, ни молитвы.

Переход в социализм, писал Розанов, — а значит, и в полный атеизм —совершился у мужиков, у солдат до. того легко, точно они в баню сходили и окатились новой водой. Вся религиозность русского народа, о которой столько говорили и писали, невероятно быстро слетела, слезла, как краска, народ охотно пошел громить церкви, арестовывать и казнить священников. Значит, истинной религиозности никогда и не было в русском человеке.

Русские, по Розанову, долго находились в отравном обольщении, будто они и восточный, и западный народ, соединяющий Европу и Азию в себе. Но что они принесли Азии? И какую роль сыграли в Европе? На Востоке споили бурят, черемисов, киргизов, ободрали Армению и Грузию. В Европу внесли социализм, которого там только и не хватало. Между Европой и Азией мы явились, по Розанову, межеумками, внесли в мир только пьянство, муть и грязь.

С лязгом и грохотом, писал Розанов, опускается занавес над русской историей, железный занавес. Представление окончено. Публика встала. Пора надевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись — ни шуб, ни домов не оказалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВОСТОРЖЕСТВУЕТ ЛИ РАЗУМ?

Дойдя до этой страницы, вы имели возможность убедиться, что философия — очень полезная область человеческой культуры и в то же время — очень вредная. Когда Николаю I дали на подпись указ об открытии университета в Киеве, он вычеркнул пункт о философском факультете, говоря: польза от философии не доказана, а вред весьма возможен.

И был прав, поскольку философия — совершенно бесполезная наука там, где речь идет о чисто практический интересах: как устроиться в жизни, как прокормить семью, как сделать карьеру или даже как содействовать экономическому подъему страны либо сделать всех ее граждан послушными и добропорядочными.

С точки зрения Николая I, философия вредна, так как учит во всем сомневаться,

ничему не верить, не проверив и не доказав себе самому, — не верить государству, общепринятым ценностям, обещаниям счастливого будущего или конца света. Философия — сугубо индивидуальное дело и ко всему общему относится подозрительно. Общество не умрет; но я умру, я ведь конечен, мне отпущен краткий миг — и я должен успеть понять и сделать в этом мире что-то, для чего я сюда призван. Ни общество, ни класс, пи партия, ни государство за меня понимать не будут и искать мое, не замещаемое никем больше место тоже не будут.

Вообще любая человеческая жизнь проникнута ужасом — ужасом невытекания моей судьбы, моей жизни ни из чего. Никакие предварительные условия: образование, характер, материальное благополучие, политический режим страны — никак не определяют мою жизнь окончательно. При любых благоприятных условиях я могу не состояться как человек, вырасти негодяем. Или просто заблудиться, запутаться, не найти своей дороги, прожить никчемную и бездарную жизнь.

Для того чтобы этого не случилось, хорошо иметь своего учителя. Учителя жизни. Но где их напасешься, таких учителей? Некоторым везло, у них учителя были. У Платона был учителем Сократ. К

сожалению, современная школя построена не по принципу «учитель — ученики», а по принципу «преподаватель — учащиеся». Школа давно стала просто источником получения знаний, а не школой жизни.

У некоторых настоящими учителями были их родители. Но это — счастливые исключения. И тем не менее у нас, конечно, есть возможность учиться у великих учителей — не непосредственно, а читая их книги, изучая философию. Не учебники по философии, а книги великих философов, которые учат думать, учат развивать свой разум.

Разум — главный дар человеку, небесный дар. Разум, во-первых, всегда пытается познать то, что сейчас человеку познать нельзя, в принципе невозможно, но человек все равно будет снова и снова пытаться заглянуть в кромешную мглу неизвестного, заглянуть за горизонт, за край имеющихся знаний. Разум, во-вторых, позволяет подняться над природной закономерностью, над фактом, позволяет открыть в человеке другую его природу — свободную и творческую. Это высшая цель разума.

Разум всегда пытается дойти до конца, до максимальной идеи. До абсолютно чистой воды, абсолютно чистого воздуха, абсолютной нравственности, т. е. до тех вещей, которые в природе не встречаются, но должны в ней быть. Ни один человек не живет всегда и постоянно по законам совести, но это не значит, что абсолютная нравственность — химера. Это идея разума, без которой вообще невозможна никакая совместная человеческая жизнь.

Разум оперирует идеями, а идея всегда больше того, что в данный момент чувствуется или мыслится. Идея раздвигает границы чувств и границы интеллекта. Идея как бы поднимает вас на такую высоту, с которой видно больше, чем видит глаз, поднимает в атмосферу духовности.

Человек в любой области познания, говорил Кант, стремится дойти до идеи, стремится к максимуму понятого, к максимуму поступка. Жизнь в мире идей, философствование — это держание себя на пределе возможного для человека.

Философствовать — значит пытаться жить интересами чистого разума» без всякой надежды или» точнее сказать» без интереса к успеху, карьере, обогащению и т. п.; жить интересами, которые

направлены на исследование последних оснований сущности и смысла бытия, сущности и смысла человеческого существования.

Кант считал, что математика, естествознание, законы, искусства, даже мораль не заполняют душу целиком, в ней всегда остается место, предназначенное для чистого разума. Незаполненность этого места заставляет нас искать или в пустяках, или же в мечтательстве видимость занятия, а в сущности — лишь развлечение, чтобы заглушить обременяющий взор разума. А взор этот требует чего-то такого, что полностью бы отвечало человеческому назначению.

Каждый человек вовсе не обязан быть философом в профессиональном смысле, но он обязан быть умным. Обязан сам всегда и во всем доходить до сути дела, обязан знать самого себя и свое место в мире, чувствовать свою ответственность за все беды и несчастья окружающих. И в этом смысле он обязан жить, философствуя. Только тогда он и будет соответствовать своему человеческому призванию. Тогда и только тогда в этом мире восторжествует разум.

ЧТО НУЖНО ПРОЧИТАТЬ САМОМУ

Н. А. Бердяев. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.

Н. А. Бердяев. Человек // О назначении человека. М., 1993.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., 1979.

А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. Платон. Аристотель. М., 1993.

П. Сорокин. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Х. Ортега-и-Гассет. Что такое философия? // Что такое философия. М., 1991.

Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

П. Я. Чаадаев. Философические письма //Статьи и письма. М., 1989.

С. Франк. Смысл жизни // Духовные основы общества. М., 1992..

Э. Фромм. Искусство любить. М., 1990.